

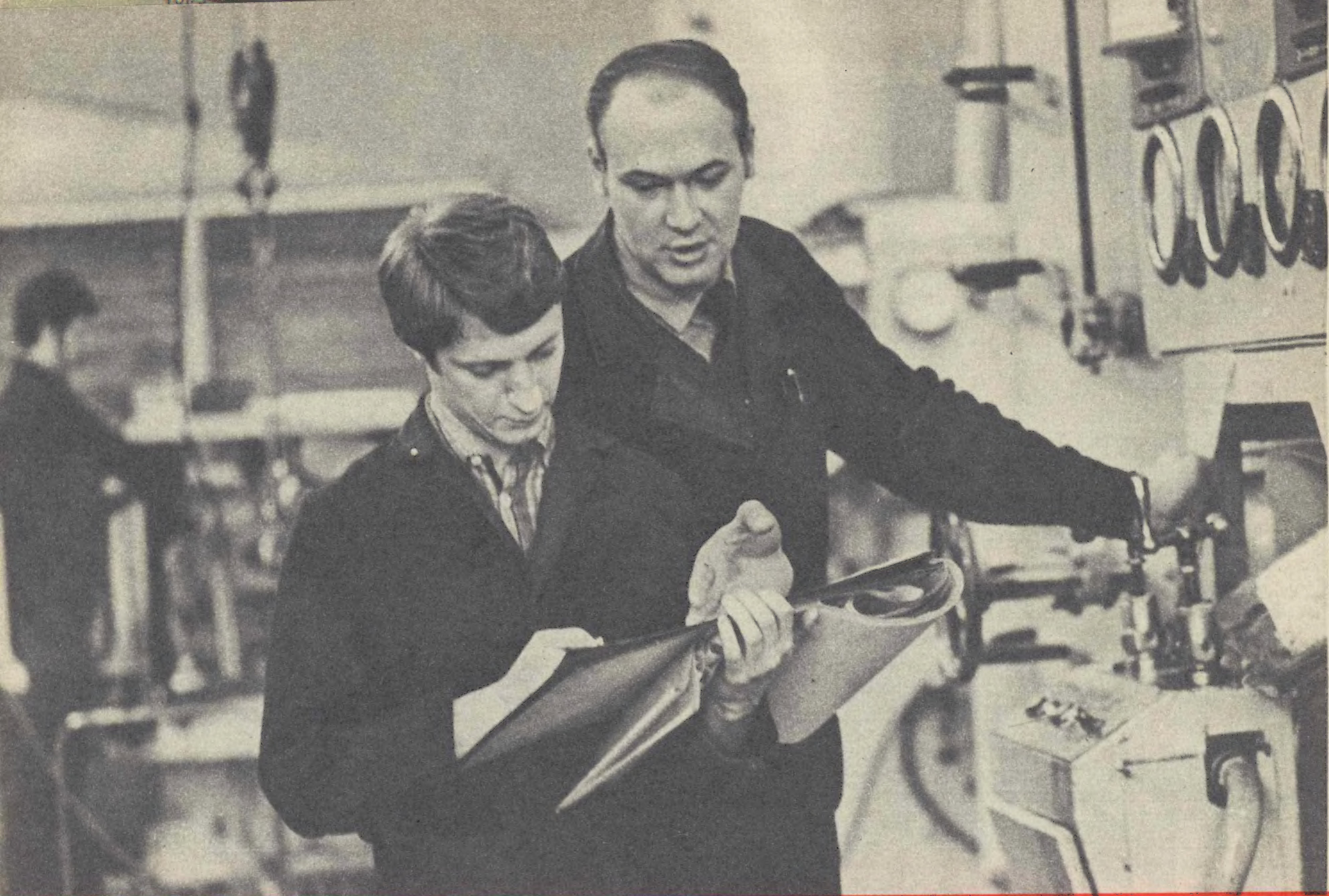

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 4 ЯНВАРЬ 1984

М. Соколов
1926

Московский машиностроительный завод имени М. И. Калинина.
Бригадир слесарей В. Назаров и
слесарь-сборщик В. Бобков (сле-
ва).

ОТКУДА БЕРУТ

+1%

Людмила Надешкина — контролер
ОТК, депутат Тимирязевского рай-
совета.

**1 ПРОЦЕНТ В ПОВЫШЕНИИ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУ-
ДА. ЧТО ОН МОЖЕТ ДАТЬ
СТРАНЕ В 1984 ГОДУ?**

**—БОЛЕЕ СЕМИ МИЛЛИАР-
ДОВ РУБЛЕЙ.**

**ДОПОЛНИТЕЛЬНО ОН ДАЕТ:
—14,7 МИЛЛИАРДА КИЛО-
ВАТТ-ЧАСОВ ЭЛЕКТРОЭНЕР-
ГИИ;**

**—6,2 МИЛЛИОНА ТОНН НЕФ-
ТИ (С ГАЗОВЫМ КОНДЕНСА-
ТОМ);**

**—5,8 МИЛЛИАРДА КУБИЧЕС-
КИХ МЕТРОВ ГАЗА;**

—7,2 МИЛЛИОНА ТОНН УГЛЯ;

**—119 МИЛЛИОНОВ КВАДРАТ-
НЫХ МЕТРОВ ТКАНЕЙ ВСЕХ
ВИДОВ.**

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

СЯ РЕЗЕРВЫ

См. стр. 4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Основан
1 апреля
1923 года

№ 4 (2949)

21 января 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

В НОМЕРЕ:

**21 января — 60 лет со дня смерти
Владимира Ильича Ленина:**

рассказ Е. Рябчикова — «Поезд в будущее»;
стихи А. Жарова — «Именем Ленина озаре-
ны»; воспоминания ветерана труда С. Пошехо-
нова — «Незабываемое».
Стр. 8—11.

**В стране проходят окружные пред-
выборные совещания.**

Стр. 2.

**К 40-летию полного освобождения
Ленинграда от вражеской блокады:**

Н. Г. Лященко, генерал армии, — «Блокаде —
конец!». О. Петриченко — «Трамвай идет на
фронт». Цветная вкладка Н. Арёва и Л. Шер-
стенникова.
Стр. 14—18.

**Начинаем печатать политический де-
тектив Сегрея Лосева и Виталия Петру-
сенко «Кража в Белом доме».**
Стр. 25—27.

**Трехкратный чемпион мира по шах-
матам Анатолий Карпов беседует с
корреспондентом «Огонька».**

Стр. 28—29.

**Автоклуб «Огонек» — новая рубри-
ка журнала.**

Ее материалы призваны помогать начинаю-
щим автолюбителям. Первый выпуск «Авто-
клуба» — на стр. 30—31.

Окружное предвыборное совещание Пролетарского избирательного округа столицы.

Фото Ю. Лизунова (ТАСС)

В СТРАНЕ ИДУТ ОКРУЖНЫЕ
ПРЕДВЫБОРНЫЕ СОВЕЩАНИЯ

ДОВЕРИЕ НАРОДА

Избирательная кампания вступила в новый важный этап — 12 января начались окружные предвыборные совещания. Представители общественных организаций, трудовых коллективов всесторонне обсуждают выдвинутые на собраниях кандидатуры в Верховный Совет СССР, принимают решения об их поддержке.

Состоялось окружное предвыборное совещание представителей общественных организаций и

трудовых коллективов Пролетарского избирательного округа столицы.

Горячим одобрением встретили участники предвыборного совещания предложения трудовых коллективов Москвы о выдвижении кандидатом в депутаты высшего органа государственной власти страны Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Ю. В. Андропова.

Участники совещания единодушно поддержали предложения о выдвижении кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова. Они обратились к Ю. В. Андропову с просьбой дать согласие баллотироваться в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Пролетарскому избирательному округу города Москвы.

В работе совещания принял участие член Политбюро ЦК

КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

На окружных предвыборных совещаниях единогласно одобряются предложения коллективов о выдвижении кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции.

В оккупированной израильтянами южной части Ливана сохраняется напряженная обстановка. Улицы Сайды патрулируются войсками (на снимке). Захватчики проводят массовые облавы, обыски, аресты мирных жителей.

Телефото АП — ТАСС

НАЗЫВАЮТ
ИМЕНА ДОСТОЙНЫХ

ОТМЕЧЕН ПРИЗНАНИЕМ

У Евгения Александровича Шуляка без преувеличения горячая жизнь. И все началось с того, что двадцать лет назад, после возвращения из армии, он связал ее с «горячей профессией». Поступил на Минский автомобильный завод кузнецом-штамповщиком. Кузнецы, известно, народ не только физически сильный, но прежде всего народ творческий. Живым, изобретательным умом с первых же шагов обратил на себя внимание и Евгений Шуляк. Как сделать лучше, надежнее и качественнее — вот что отличало всегда рабочий почерк молодого кузнеца. Скоро он стал мастером своего дела. Его энергия, трудолю-

бие, поиск были отмечены высокими правительственными наградами. А около трех лет назад он стал Героем Социалистического Труда.

Всей своей жизнью Евгений Александрович завоевал уважение в коллективе: он член парткома завода, партгрупорг кузнечного участка. И совсем недавно выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

На снимке: Е. А. Шуляк.

Фото В. Витченко (ТАСС)

17 января в Стокгольме открылась Конференция по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе.

Советскую делегацию на конференции в Стокгольме возглавляет член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

На снимке: здание Культурного центра, где проходит работа конференции.

Фото Прессенс бильд — ТАСС

ОТКУДА БЕРУТСЯ РЕЗЕРВЫ?

Первое, что бросается в глаза, когда переступаешь порог механосборочного цеха гидронасосов и моторов производственного объединения «Московский машиностроительный завод имени М. И. Калинина», — идеальная чистота. И хотя тут собирают не хронометры, а внушительной тяжести агрегаты, чистота и порядок здесь, как на расположенном неподалеку Втором часовом заводе.

— Для нас эстетика и культура производства стоят не на последнем месте, — говорит начальник цеха Алексей Терехов. — Ведь от настроения рабочих зависит не только психологический климат в коллективе, но и производительность труда...

Механосборочный издавна славится своими мастерами. Среди них бригадир Виктор Иванович Назаров, победитель социалистического соревнования и участник ВДНХ. В качестве приза он получил новенький «Москвич». Вручали приз на заводе, и все виде-

ли, чего может добиться рабочий человек, творчески относящийся к своему делу.

— Вместе со всем коллективом одним из первых пунктов нового обязательства мы записали: повысить производительность труда сверх плана на один процент, снизить себестоимость продукции дополнительно на полпроцента, — рассказывает передовой бригадир. — Этот призыв Юрия Владимировича Андропова на декабрьском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС воспринят нами да и всеми тружениками завода как конкретное задание партии, которое мы выполним непременно.

— Мне известно, что у вас и без того были чрезвычайно напряженные задания в повышении производительности труда. Откуда берутся новые резервы? — спрашиваю бригадира.

— Взгляните на этих ребят. Да они горы могут сдвинуть, если понадобится...

Однако я возвращаюсь к свое-

му вопросу, и В. Назаров уже более серьезно продолжает:

— Когда мы обсуждали в бригаде новые обязательства, то каждому было поручено просмотреть детально все операции, которые применяются при сборке гидронасосов и моторов для экскаваторов. И вот самый молодой из нас, Владимир Бобков, и говорит: «А что, если при окончании операции мы подшипник будем не молотком насаживать, а слегка разогреем корпус насоса и, используя закон физики, сэкономим дополнительно несколько минут». Прикинули, просчитали, и получилось, что это даст нам дополнительное время для сборки лишних агрегатов. Вот вам и повышение производительности труда, вот вам и неучтенные резервы производства... И еще резерв — он есть буквально в каждом коллективе — это всемерное укрепление дисциплины.

Десятки бригад, подобно назаровской, трудятся в объединении. Продукция, которую они поставляют, сегодня нужна во всех уголках нашей страны. Она охотно покупается и за рубежом. В более чем пятьдесят стран отправляются изделия машиностроителей московского предприятия. И ни разу ни с одного конца планеты не поступило рекламаций.

Генеральный директор объединения Иван Михайлович Калинин так характеризует новое направление:

— Один процент, за который мы сегодня боремся в повышении производительности труда, и половина процента снижения себестоимости — это качественно новый этап в социалистическом соревновании миллионов и миллионов тружеников, специалистов, организаторов производства. Он требует коллективного творчества, высокой самоотдачи, глубоких знаний. И я глубоко убежден, что если каждый советский человек будет отныне рачительнее относиться к государственному добру, более умело считать рабочие минуты, а значит, и государственные средства, наша страна будет двигаться по пути прогресса еще увереннее и быстрее. Отныне мы обязаны вести свои дела так, как этого требуют от нас решения декабрьского Пленума Центрального Комитета нашей партии и задачи, поставленные Ю. В. Андроповым.

Пока вместе с генеральным директором объединения И. Калининым мы знакомимся с работой предприятия, экономисты подсчитали и дали уточненные данные о прибавке к плану за счет поистине драгоценного процента. Более чем на двести тысяч рублей выпустит объединение товарной продукции сверх плана благодаря этому начинанию. А если к этому прибавить сэкономленные материалы, снижение затрат на сырье, сэкономленную электроэнергию?..

З. ВИКТОРОВ

ДОСТИГНУТОЕ НЕ ПРЕДЕЛ

В центре внимания участников пленумов ЦК компартий союзных республик, проходящих после декабрьского Пленума Центрального Комитета КПСС, а также делегатов областных и краевых партийных конференций находятся вопросы руководства экономикой.

Сегодня «Огонек» публикует выступление И. Радзиевского, члена ЦК КП Украины, бригадира фрезеровщиков киевского завода «Ленинская кузница».

На Украине, как и в других республиках, в трудовых коллективах идет глубокое изучение задач, поставленных декабрьским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС. Его итоги на днях обсуждались на Пленуме ЦК компартии нашей республики.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий рассказал нам о деловой, рабочей атмосфере, царившей на Пленуме Центрального Комитета партии в Москве, о том, какой прилив энергии вызвал текст выступления Ю. В. Андропова.

Подводя итоги развития нашего народного хозяйства за 1983 год и три года пятилетки, товарищ Щербицкий в своем докладе отметил, что в республике заметно ускорились темпы роста производства и производительности труда, выполнены планы по выпуску большинства важнейших видов продукции, за год ее реализовано сверх плана на многие сотни миллионов рублей. Сельские труженики в сложных погодных условиях вырастили неплохой урожай сахарной свеклы, картофеля, кормовых культур, перевыполнены планы закупок мяса, молока, яиц. Наместились

улучшения в работе транспорта. Уменьшены и доведены до норматива объемы незавершенного строительства. Введены в эксплуатацию 109 важнейших производственных объектов, среди которых стан «3000» в Жданове, энергоблок-миллионник на Чернобыльской атомной электростанции, установка по переработке нефти в Лисичанске и другие. За три года построено 53,5 миллиона квадратных метров жилья, это значительно больше намеченного плана. Рост национального дохода и производительности труда превысил плановые показатели. Особенно важно, что весь прирост национального дохода получен за счет возросшей производительности труда.

Однако еще более напряженные задания стоят перед трудящимися республики в нынешнем году. И это закономерно: опираясь на достигнутое, развивая положительные сдвиги, которые наместились в нашей экономике после ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, мы должны обеспечить выполнение планов пятилетки. Решающее значение тут будет иметь выполнение поставленной тов. Ю. В. Андроповым задачи — до-

бавиться сверхпланового повышения производительности труда на один процент и снижения себестоимости продукции дополнительно на полпроцента.

Я тоже выступал на Пленуме ЦК КПУ в прениях. Корабелы нашего завода горячо поддерживают усилия ЦК КПСС, его Политбюро по совершенствованию стиля хозяйствования, повышению организованности и укреплению дисциплины. Мы выполняем государственные планы и все обязательства перед заказчиками.

Слова Юрия Владимировича Андропова о том, что сегодня строгое выполнение государственного плана становится не только обязанностью, но и патриотическим долгом каждого советского человека, встретили в среде рабочих полное понимание. Для нас ясно, что остановить милитаристов типа Рейгана, не дать сбыться их чудовищным планам мы можем только самоотверженным и высокопроизводительным трудом.

У нас немало еще резервов, один из них — бригадная форма организации труда, которая требует дальнейшего совершенствования. Нет еще прямой заинтересованности в работе бригады у слесаря-ремонтника, технолога, плановика, конструктора. Рабочие подсказывают: надо поставить оплату труда этой категории работников в большую зависимость от успеха работы бригад.

Как показало прошедшее в де-

кабре прошлого года собрание партийно-хозяйственного актива нашего завода, на котором обсуждались задачи научно-технического прогресса, резервы у нас есть, и немалые. Это и активное внедрение безотходной технологии, и роботизация тяжелых работ, и повышение сменности использования оборудования, в первую очередь станочного парка. Наша бригада фрезеровщиков, например, состоящая из четырех человек, обслуживает восемь станков, в том числе один робот-манипулятор. Работаем в две смены, что позволило высвободить для других целей два станка и двух рабочих. А выпуск продукции мы увеличили. В своих обязательствах мы решили повысить производительность труда сверхпланового задания на три с половиной процента и на три процента снизить себестоимость продукции.

Коммунисты завода на открытых партийных собраниях в цехах обсуждают задачи, стоящие перед страной в нынешнем году. Мы хорошо понимаем сложность нынешней международной обстановки и даем себе отчет в том, что крепить мир — это укреплять страны социалистического содружества, обеспечить победу сил мира и разума.

И. РАДЗИЕВСКИЙ,
бригадир фрезеровщиков
завода
«Ленинская кузница»,
член ЦК Компартии
Украины.

ВСТРЕЧИ ВО ФРАНЦИИ

В опубликованном ответе на послание французского антивоенного движения «Призыва» Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов подчеркнул: «Хотел бы, чтобы все француженки и французы твердо верили в то, что Советский Союз будет и впредь проводить курс на мир, разрядку и дружбу между народами, будет, не жалея усилий, добиваться прекращения гонки вооружений, прежде всего ядерных».

Побывавший недавно во Франции заслуженный артист РСФСР Анатолий БЕЛЯЕВ рассказывает о встречах с простыми людьми этой страны, о традиционной дружбе между СССР и Францией и усиливающейся борьбе французов за мир во всем мире.

После концерта в Ангулеме мы поехали в небольшой городок Пьегю, что расположен в юго-западной части Франции. Вез нас на своем стареньком «пежо» Жерар Шато — ветеран Сопротивления. Недалеко от Пьегю Жерар неожиданно съехал на обочину и, притормозив, распахнул дверцы автомашины. «Я хочу вам кое-что показать». Вокруг, куда ни кинь взгляд, поля, перелески. Несмотря на декабрь, зелено и тепло. Чем-то ландшафт напомнил мне наше осеннее Подмосковье. «Фашисты пришли сюда в 42-м году и терроризировали все местное население. Многие ушли тогда в партизаны, — говорит Жерар. — Немало моих друзей погибло».

Жерар помолчал и пригласил нас пройти чуть вперед вдоль дороги. На обочине небольшая каменная пирамида, рядом букетик уже завядших цветов.

«На этом месте, — говорит Жерар, — гитлеровцы расстреляли патриота. Таких памятников на дорогах Франции немало, а в этих краях почти через каждый километр, а то и чаще».

И действительно, проехав на машине буквально с полкилометра, мы снова увидели такую же пирамиду, а потом еще и еще. Жерар задумчиво крутит баранку и говорит: «У нас в отряде были русские солдаты — им удалось убежать из плена. Это были отважные, славные ребята. Я подружился с ними, мы вместе били фашистов... А сегодня опять тревожная обстановка. Мы знаем о мирных усилиях Советского правительства, мы тоже выступаем за то, чтобы убрать все ракеты с европейской земли. Я твердо знаю, что русским, как и нам, не нужна война. Ведь тогда мы победили для того, чтобы спокойно жить, чтобы всем жилось спокойно...»

Вечером Жерар пригласил нас к себе домой. У него немало памятных «сувениров» времен прошедшей войны. Над камином две вазы. Жерар сделал их из двух немецких гильз от снарядов.

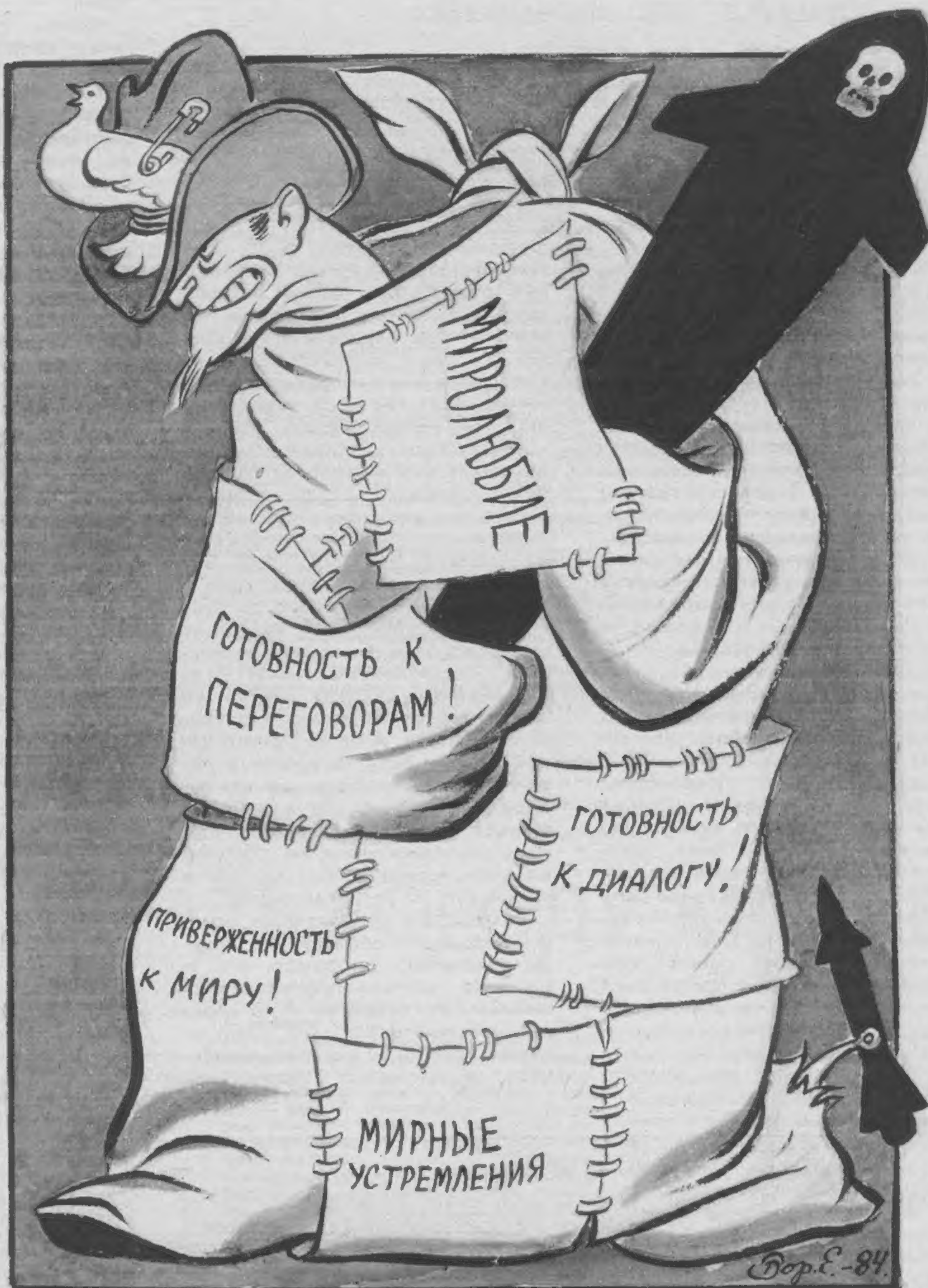
«Я с удовольствием сделал бы то же самое из современных ядерных ракет, — улыбаясь, говорит он. — Ведь симпатично, а?»

Мирно торчащие пышные букеты сухих, видно, давно собранных цветов как бы зримо напоминают о тех тревожных временах.

«Я был тогда связным. Явка была здесь, в доме моей теперешней жены. Мы с ней тогда и познакомились. Мари не раз спасала меня от смерти — фашисты рыскали везде».

Мари вспоминает, как Жерар с другом как-то ночью приволок в дом фашистского генерала. У него нашли строго секретные документы: приказ о полном уничтожении местного французского населения.

«Но мы не дали состояться второму Орадуру, как не дадим и сегодня ввергнуть Францию в пучину войны», — твердо добавляет Жерар.

ФАЛЬШИВАЯ ПОЗИЦИЯ ВАШИНГТОНА

Он,
Полагая, что хитер и ловок,
Припас мешок
Тактических уловок...
Как мистер ни ловчит,
Как ни хитрит,
Но шила он в мешке
Не утаит!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

В небольшом городке Лейн нас принял мэр Камил Кайрол, бывший рабочий. Большой стол в холле украшен французскими и советскими флажками. Мэр говорил об озабоченности французов — современным международным положением, об усилении во Франции движения за мир, о проблемах его небольшого городка (безработица, уход молодежи из родных мест, наркомания).

«У нас многие очень мало знают о Советском Союзе», — говорил Кайрол. Постоянная пропаганда по телевидению и радио, в газетах, журналах так или иначе действует на умы французов в провинциях и городах».

«Необходимы контакты, — считает мэр местечка Митри, что недалеко от Парижа, Нозль Фрабу, — французы должны знать правду».

Он также говорил о традиционной дружбе Франции и СССР, о необходимости ее укреплять, рассказал о своем городке, где с 1925 года в мэрию постоянно избирают коммунистов.

Французы проявляют живой интерес к жизни людей в нашей стране. Я помню, с каким вниманием и неподдельным интересом смотрели в Доме культуры предместья Парижа Вилленуа любительский фильм одного из участников турпоездки по Армении и Азербайджану, Роне, который он тут же и комментировал. Вопросы, одобрительные возгласы удивления. Наше появление на сцене было встречено особо теплыми аплодисментами людей, которые за этот небольшой отрезок времени как бы побывали в СССР, успели проникнуться добрыми чувствами к советским людям, к нашей стране.

ШИРОКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Очень существенной, центральной мыслью проекта ЦК КПСС о школьной реформе представляется мне воспитание нового отношения к труду.

В Эстонии люди совершенно изжили страх перед безработицей. Это прекрасно, потому что в социальном статусе человека нет ничего более унижительного, чем оказаться за бортом трудового бытия. У нас родители появлявшегося на свет человека и сам он, как только начнет кое-что смысливать в жизни, уверены — работа будет. Значит, будет и определенное положение в обществе и средства к существованию.

Тогда почему же иногда у нас встречаются молодые люди с унылыми лицами и сетуют, что их не удовлетворяет работа? Кто виноват в этом?

Родители станут утверждать: школа. Учителя возразят: и семья тоже. И те и другие скажут: но ведь для того, чтобы жить, человек так или иначе вынужден работать, а как же неразумное дитя в процессе школьного производственного обучения или занятий по профориентации сможет правильно выбрать себе профессию? Ведь ни родители, ни учителя еще не знают, на что ребенок способен.

Буду рассуждать как педагог,

проработавший на ниве образования тридцать пять лет, из них двадцать — директором школы. За все эти годы педагогический коллектив сам ориентировался на хорошие оценки и призывал к этому учеников. Учиться надо хорошо. Но нельзя делать отметку единственным мерилом качества обучения, это нивелирует способности учащихся. Кстати, в нашей школе мы уже несколько лет не стремимся завышать отметки единственно для того, чтобы выглядеть на городском уровне только отлично. И все же система ориентации на отметку настолько привилась, что даже можно сказать, окостенела. Почему? Ведь справедливая высокая оценка никак не влияет, к примеру, на зарплату учителя. А на авторитет? Какой может быть авторитет у педагога, про которого ученики говорят, что у него все равно как учиться, что он из-за собственного честолюбия никак не поставит меньше четверки. Вот так мы и пилим сук, на котором сидим.

Думаю, что руководящие органы народного образования должны тщательно продумать и разработать систему оценки «лица школы» по существу и по справедливости. Но это лишь один из путей совершенствования школьного образования. Главный же

путь — улучшение подготовки учителей.

Начнем с пресловутого «женского засилья» в педагогических коллективах. Споры нет, среди женщин всегда были отличные педагоги. Но дисциплина в школах благодаря женским сердцам и нервам зачастую шатается. Ведь до 8-го класса большинство учащихся у нас — мальчики. А женщин-учительниц в школах Эстонии 85 процентов. Мужчины же у нас на таких должностях: директор, преподаватель физкультуры, мастер производственного обучения. И все!

В чем причина? Она давно известна — все та же «материальная база». К тому же работа педагога — трудное дело. Если будет повышена заработная плата учителей, то, окончив институты, молодые пойдут работать не только мастерами, инженерами и начальниками участков на производство, но станут преподавателями физики, математики, языка, истории — право же, от этого школьное дело выиграет. Я не хочу ни в чем обвинять женщин-учительниц. Я глубоко им сочувствую. Вернувшись из школы, они с головой уходят, как им положено, в домашние дела, в воспитание своих детей. Но учитель ежедневно должен совершенствоваться, много читать, следить не только за обязательной педагогической литературой, но постоянно развиваться во всем.

В корне меняет нашу работу поступление детей в школы в 6-летнем возрасте. В Эстонии возникает дополнительная проблема: у нас, учитывая важность усвоения русского языка, школа и теперь одиннадцатилетка. Значит, она должна стать 12-летней. И вот, дав школьнику общую подготов-

ку, после девятого класса учительский коллектив может всерьез разговаривать со своими подросшими подопечными о выборе профессии. Здесь нашими помощниками, точнее, союзниками, должны стать родители. К сожалению, если говорить о нашем микрорайоне, я не могу похвалиться активным сотрудничеством школы и семьи в профориентации. Учитывая требования реформы, мы должны говорить школьникам не только о необходимости трудиться, не только о том, как бы молодой человек не стал тунеядцем. Мы обязаны привить любовь к труду. Родители должны знать внеклассные увлечения своих детей лучше нас и подкреплять эти увлечения достойными знаниями, чтобы помочь молодому человеку правильно выбрать профессию. Пока же родители не в силах наладить даже порядок во дворе и в подъездах. Может быть, дежурство им следует установить в этих самых дворах и подъездах? Так или иначе, но о порядке и хорошем поведении учеников на улице надо думать всерьез.

Серьезно подумать о помощи школьной реформе должны и руководители прессы, телевидения, радио. Нужны хорошие передачи для родителей о воспитании в семье. Поменьше пугать родителей, побольше учить. И передачи для детей надо как-то менять, в любимых ими мультфильмах не должно быть слабости и должно быть меньше... жестокости. А то ведь неприятно слышать злобный хохот малышей, наблюдающих ужасные злоключения волка в нескончаемом поединке с зайцем. Может быть, редакторы этой передачи, привлекающей и детей и взрослых, подумают не

Фриц ЯН

«Фрайе Вельт» — «Свободный мир» — так называется журнал Общества германо-советской дружбы, которое объединяет около шести миллионов граждан ГДР. В январе исполняется тридцать лет со дня выхода первого номера этого журнала, с которым «Огонек» дружит все эти годы.

Командировка в Советский Союз — всегда открытие. Думаю, что в этих словах — главное направление публикаций нашего журнала: рассказывать, как живут люди в первом социалистическом государстве мира. Я ездил на БАМ и на Дальний Восток. Встречался с киргизскими чабанами, которые испокон веков определяли ритм своей жизни по солнцу и которые на моих глазах становились рабочим классом, учились работать посменно, потому что этого тре-

бовала строящаяся в горах Токтогульская ГЭС. На Лене я гостил у крестьян деревень Солянка и Урицкое, которые с усердием борются за высокие урожаи картофеля в зоне вечной мерзлоты.

Я особенно радовался, когда видел примеры все более тесного переплетения хозяйственных отношений наших стран. Это могла быть детская коляска в узбекской деревне, сделанная в моем родном городе Цейц, или порталый кран с маркой «Такраф» в Усть-Куте, оборудование птицефабрики из ГДР, действующее в Хабаровском крае. Точно так же и у нас в ГДР можно встретить много разнообразных советских товаров.

Наш журнал рассказывал о строительстве целлюлозного завода в Усть-Илимске, одного из объектов СЭВ. ГДР поставила туда технику и послала бригаду молодых рабочих и инженеров. Я присутствовал в Берлине на провозах этой бригады, а позднее побывал у них в тайге на стройплощадке, беседовал с ними и после того, как они вернулись домой. Несмотря на трудности — зимой мороз, жара и комары летом, — все члены бригады считали этот год жизни большим событием, давшим очень много для развития личности.

...Сусанино — деревенька в нижнем течении Амура, где находится рыболовецкий колхоз, поставляющий лучшие сорта лососевых и икры. В этой деревне до нас не бывали иностранцы, и поэтому гостеприимство приняло такие размеры, что приводило в смущение. За столом с нами сидел Николай Петрович Антонов, седоволосый шестидесятилетний человек с морщинистым лицом и внимательными глазами, чрезвычайно спокойный и сдержанный. Оказалось, что именно перед этим человеком мы держали своего рода экзамен, представляя здесь граждан нового немецкого государства — ГДР. Есть, конечно, газетные статьи и телевидение, но есть еще и чувства, тем более когда людей разделяют не десятки тысяч километров, а только ширина стола... Молодым солдатом Антонов попал в фашистский концлагерь. Перед

приходом советских войск всех узников расстреляли. Николай Петрович оказался единственным, кто уцелел. Его нашли в горе трупов едва дышащим. И вот этот человек узнал, что первые иностранцы, которые приедут в его дальневосточную деревню, — немцы. Он услышал тот же язык, что слышал и в концлагере. Все это мы узнали позже, как и то, что он сказал о нас: «Хорошие ребята — эти парни из ГДР: теперь у меня действительно на душе полегало!»

Вскоре после этой поездки я гулял на Пулковских высотах вместе с сыном. Он непременно хотел мне показать одну могилу. «Здесь похоронены студенты Ленинградского горного института, погибшие за освобождение Ленинграда от блокады». Это студенты института, в котором он проучился пять лет. Дома сын преимущественно разговаривает по-русски, он женат на ленинградке...

Относится ли все это к юбилею «Фрайе Вельт», или я отошел от темы? Думаю, что нет. Потому что журнал издается Обществом германо-советской дружбы и постоянно на своих страницах показывает процесс сближения наших народов, который называют «интеграцией сердец».

На наших страницах читатели встречались с Константином Симоновым, Расулом Гамзатовым, Борисом Полевым, со скульптором Львом Кербелем и Героем Советского Союза Мелитоном Кантария, с советскими артистами, учеными, спортсменами. «Фрайе Вельт» уже дважды был в космосе: Виталий Севастьянов брал в полет снимок своей семьи, сделанный нашим фоторепортером, а второй раз — номер с материалом о полете Зигмунда Йена был отправлен в космос вместе с транспортным кораблем.

Однано спустимся на Землю, ту, которой сегодня угрожают «Першинг-2» и крылатые ракеты. Размещение атомного оружия первого

ИНТЕГРАЦИЯ СЕРДЕЦ

о веселой жестокости, а о веселой доброте.

Как я уже говорил, наша школа на общегородском фоне интересна вовсе не высокой успеваемостью. У нас накоплен иной положительный опыт — это опыт производственного обучения. Уже пять лет мы выдаем нашим выпускникам не только аттестаты зрелости, но и права на вождение легковых и грузовых автомобилей. И если не все из них становятся профессионалами-водителями, то многие работают в автохозяйствах мастерами, те же, кто идет учиться дальше, как правило, выбирают инженерные факультеты в Таллинском политехническом институте и в Эстонской сельскохозяйственной академии. Налажено у нас и швейное дело. Мы работаем совместно со швейно-производственным объединением. Наши ученики, ученицы в начале или в конце учебного дня отправляются в производственные учебные классы этого объединения. Окончив школу, многие из них идут на производство и уж, во всяком случае, способны добросовестно и красиво обшить свою семью.

Есть в школе возможность и для занятий ребят с художественными наклонностями. Фабрика «Текстиль» оборудовала для нас специальный класс, где установлены просвечиваемые столы и рамы для печатного и ручного нанесения рисунков на платки и оконные шторы. Новая реформа дает нам еще более широкие возможности для профориентации и выбора профессии.

Х. КЕЛЬДЕР,
директор таллинской
средней школы № 32,
заслуженный учитель
Эстонской ССР

удара непосредственно перед дверьми нашего социалистического содружества сопровождается усиленной антисоветской травлей. Противостоять ей — одна из важнейших задач «Фрайе Вельт».

Уже много лет я пишу репортажи о Вооруженных Силах СССР. Удалось побывать на Балтике на подводной лодке «Псковский комсомолец», в Японском море на пограничном сторожевом корабле «Айсберг», в небе Рязани у курсантов десантного училища. И ни от кого я не слышал более убедительных и страстных аргументов в пользу сохранения мира, чем от солдат и офицеров Советской Армии!

Совсем недавно я вернулся из части инженерных войск, о ней я буду делать материал к Дню Советской Армии. Только этой частью за последние тридцать лет обезврежено более полутонны миллионов мин и взрывоопасных предметов. Когда мы были в этой командировке, из Калужской области, где на холмистом поле подорвалась картофелеуборочная машина, вернулась группа по разминированию.

Мы сегодня все еще устраняем последствия второй мировой войны, можем ли мы думать о третьей? — сказал мне молодой солдат, который, впервые рискуя жизнью, обезвредил много снарядов. — Те, кто так думает, либо глупы, либо злонамеренны, — добавил он и указал на мост, который строили солдаты для близлежащего колхоза. — Сколько мостов, дорог мы смогли бы построить, если бы враги не вынуждали нас к новым мерам обороны нашего государства.

...Подписывается в печать очередной номер журнала. А в это время репортеры «Фрайе Вельт» готовят материалы для следующих. Вот адреса их командировок: Тува, Ужгород, Уренгой...

Берлин.

Днем Анатолий Александрович Стрельцов показывал нам свою работу: дороги, внутриквартальные проезды, тротуары, подъезды к домам, газоны, землю для которых завозила его бригада, облицованные плиткой спуски и подъезмы... На первый взгляд все это незаметные, обыденные для города вещи, если все добротно сделано. И раздражительно колющие глаз, когда неаккуратно и плохо. Ведь те же тротуары, бордюры, проезды: от того, в каком они состоянии, — это доброе или взвинченное настроение человека дома и на работе, за чем стоят самые неожиданные и далеко идущие последствия.

Заметно было, что Стрельцову приятно показать товар лицом. Он нет-нет да и замечал, что когда-то здесь было сплошное месиво под ногами, а сейчас, смотрите, как бы там ни было, идем по асфальту! Но в одном месте он нахмурился и резко бросил:

— Успели повалить, дьяволы! Кто-то из местных на тракторе обедать подъезжал... Недавно же

донск из Оренбургской области, где одиннадцать лет отработал в шахте на медноколчедановом руднике. А у шахтеров, известно, рабочая выучка надежная, прочная. В новые места, по его словам, «потянуло не из корысти» — зарабатывал и в забое неплохо, — «а просто сосед, который был в Волгодонске, растравил своими рассказами о большой стройке». Приехал сюда в 76-м, сразу дали бригаду. С тех пор она трижды обновлялась. Пока не подобрался состав «по образу и подобию бригадира», нанял метил один из руководителей треста «Волгодонскэнергострой». Характерное, нужно сказать, замечание: требовательность к себе у бригадира переносилась и на коллектив. Ужиться со Стрельцовым было всегда не просто: спрашивал за дело серьезно. Но те, кто остался сейчас, — надежные, не подведут, не схалтурят, сделают все на совесть. Поэтому не случайно, дадено не случайно бригада в последнее время резко пошла в гору, набрала силу, стала заметной. И вот за минувший год она признана победителем соревнования на приз журнала «Огонек».

Вечером, после вручения кубка во Дворце культуры «Октябрь», мы снова разговорились с Анатолием Александровичем. Он был в радостном, приподнятом настроении, и потому, видимо, наша беседа как-то незаметно приняла доверительный, откровенный характер.

ЧТО МЕШАЕТ СТАТЬ ГОРОДУ КРАШЕ...

мы тут все обиходили. И что за народ попадается!

Анатолий Александрович остался над раскорчеванным, опорожненным набор бордюром.

— Вот она, психология временного человека. Здесь кругом малосемейные общежития. Жильцы сидят на чемоданах, квартир ждут... И им наплевать, как у них во дворе. Мол, нам здесь не век вековать. Значит, можно и на бульдозере по тротуарам. Просто, извините, нелюди какие-то... Ведь город-то один, наш... И от нас зависит, каким ему быть.

— Хорошо, вы понимаете это, а как быть с теми, до кого не доходит?

— Попадись такой варвар моим ребятам на глаза, с ходу бы записали номера и сообщили в ГАИ... Иного ретивого отрезвить хорошеньким штрафом — большая польза. Да вот беда-то вся в том, что не каждого за руку поймать... Сознание тут должно быть. Каждый обязан стать себе судьей. Сколько приходится слышать, что у нас в Волгодонске без резиновых сапог даже зимой шагу не ступишь. А подумали мы над тем, почему у нас грязи много? Хотя тут все просто: уже только потому, что лезем на тяжелой технике куда вздумается. Надо напрямки через квартал — шуруем! Хотя есть объездные дороги. Потом ругаемся, пишем в газеты, что город грязный. Да откуда же ему быть чистым при таком отношении? Нет, тут не только городские власти виноваты, но и каждый из нас... Слишком уж много кривунов-изживенцев развелось в последнее время.

Так рассуждал Стрельцов, руководитель одной из лучших бригад по благоустройству города. Познакомившись с ним ближе, я понял, что эти слова родились у него не вдруг, не под впечатлением случая. Они выражали его давние твердые убеждения, можно сказать, его жизненную позицию. Начиная с себя, научись жить и работать как можно честнее и лучше, наведи порядок у себя в коллективе, на рабочем месте, и тогда ты вправе чего-то требовать от общества — вот, если коротко, его бригадирское кредо. Он приехал в Волго-

— И все-таки, что бы у нас ни говорили, благоустройством города, по мне, мы занимаемся пока мало и не так хорошо, как хотелось бы, — задумчиво начал Стрельцов. — Всего девять бригад, с не ахти какой техникой — погрузчиков и то не хватает — работают по благоустройству. Понятно, что бывает из ножи лезем, распыляемся сразу на несколько кварталов. А в итоге что получается? Нам тяжело, и дела подвигаются медленно. Но это еще полбеды. Главная проблема: качество оставляет желать лучшего. В чем дело? Во-первых, материалы низкой пробы: плитка поступает часто битая, бордюры непрочные, хрупкие, тротуары рассыпаются. И, во-вторых, нет порядка в передаче объекта с рук на руки. Мы заходим обычно после строителей, а они, как водится, запоздывают со сдачей, наверстывают упущенное в последние дни. Мы тоже начинаем ходить по краешку: вот-вот появится приемочная комиссия. Ничего не остается делать, как бросаться на штурм. А там, где спешна, там и насмешка: только и следи, как до брака не опуститься... В старой части города обустройство еще куда ни шло, а в новой, прямо скажу, неважно...

И самое нелепое, — добавил он после паузы, — когда уже то, что сделано нами, ломают и коршат строители, а мы снова восстанавливаем.

— Как так?

Анатолий Александрович внимательно посмотрел на меня. Слишком наивно, видимо, прозвучал для него вопрос:

Обладатель
кубка
«Огонька»
бригадир
А. Стрельцов.

Фото
Г. Копосова

— Да очень просто... Стройорганizations имеют маленькую слабость до больших переделок того, что ими уже сделано. Особенно по части теплотрасс и канализаций. Вечно они что-то там в земле забудут или прибавят лишнего. Не припомню ни одного квартала, чтобы после сдачи и полного обустройства не появились бы снова сантехники с отбойными молотками... Приедут, и пошел дым коромыслом. Сердце кровью обливается, когда видишь, как в куски бьют положенный тобою асфальт... И нам же после них, повторяю, снова наводи порядок! Можно представить, в какую копеечку влетает такое благоустройство. Не говоря уже о настроении в бригаде. Руки опускаются... Ребята не выдерживают, нет-нет да и прорвется у иного: «Когда же придет конец этой сказке про беглого бычка!»

— И что же предлагают ваши товарищи?

— Что предлагают? — задумался Стрельцов. — Дело предлагают... Недавно у нас было собрание.

Много говорили о малых рабочих эстафетах. Пора их внедрять в производство по-настоящему, а не на бумаге. Мы должны принимать у смежников объекты только по акту и с твердым условием, что если им потребуется потом вернуться на стройку, то все работы по обустройству они должны уже снова делать сами. Так будет справедливо и по-хозяйски... Да, именно по-хозяйски, — повторил бригадир. — Мы должны, обязаны перед потомками построить красивый, удобный город. Мечта сбывается не сразу. Главное — верить и делать все, чтобы она сбылась. Не отчаиваться, когда трудно, а много думать и работать, работать... Так считают у нас в бригаде.

Кубок «Огонька» бригаде-победительнице вручил ответственный секретарь журнала Д. Иванов. Редакция благодарит московского автора и исполнителя песен Виктора Луфорова, принявшего участие в праздничном концерте энергетиков и строителей Волгодонска.

А. ПОПОВ

Евгений РЯБЧИКОВ

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ПОЕЗД В БУДУЩЕЕ

Длинным сводчатым коридором, полным гула, отрывистых команд, лязганья оружия, топота матросских и солдатских ног, шел к Ленину Бонч-Бруевич. Перед ним мелькали, сливаясь воедино, морщинистые лица, углубившиеся от недоедания глаза, худые руки — вестники настигающей беды. Тревогой веяло и от смеси запахов ружейного масла, махорки, пота, кислятины промокших шинелей. А как недавно все здесь было иным, когда штурмом взяли Зимний и революция делала свои победоносные шаги! В этих коридорах всех охватывало такое яростное ликование, какое, быть может, вспыхнуло впервые в истории. Теперь же, в промозглые мартовские дни 1918 года, все стало иным — враг рвался к стенам Питера, в городе стреляли из-за угла, кончались запасы хлеба, анархисты из «поезда дезертиров», разгромив винные подвалы, учинили такое побоище, что только революционные отряды из Петропавловской крепости и с крейсера «Аврора» смогли навести порядок.

С докладом обо всех этих событиях минувшей ночи и шел к Ленину управляющий делами Совнаркома. Широкая шляпа, черное демисезонное пальто, сверкавшее пенсне настолько выделяли Бонч-Бруевича из потока шинелей и бушлатов, что он казался здесь сугубо штатским человеком, не имевшим ни малейшего отношения к военным делам. Но именно этот человек в черном демисезонном пальто, с наганом в кармане обладал в Смольном большой властью и как управляющий делами Совнаркома и грозный председатель Комитета 75-й комнаты — Комитета комиссаров из рабочих, солдат и матросов. Комиссары охраняли Смольный, ловили шпионов, диверсантов, террористов и провокаторов и вели их в комнату № 75. В то утро Бонч-Бруевич только что закончил допрос доставленного матросом Железняковым лазутчика эсеровского подполья и выяснил подробности подготовки нового покушения на Ленина.

Шагая среди солдат и матросов по гулкому коридору, председатель Комитета комиссаров мрачно обдумывал трагические вести, искал, в каком порядке сообщать о них, как комментировать и вносить предложения. Что было главным в сообщениях за минувшую ночь? Перестрелка с анархистами? Сборы монархистов на кладбище? Погром? Убийство часового? Да, конечно, все важно, все вселяет тревогу, требует принятия самых решительных мер. Но еще горше сведения о новом наступлении кайзеровских войск — они вторглись на Украину и в Белоруссию, захватили всю Литву и Эстонию, ликвидировав там Советскую власть, рвались к Питеру. Над молодой Республикой Советов нависла смертельная опасность.

В портфеле Бонч-Бруевича лежали перехваченные подпольные листки монархистов и меньшевиков. Как по команде, все они заговорили: до падения Советской власти остались считанные дни. Буржуазная газетенка тиснула статейку: «Красное правительство, отвергнутое массами, бежит из Петербурга...» Так и напечатано: «бежит»! Это подлое слово вывело из себя Бонч-Бруевича. Все обстояло иначе: ввиду угрозы Петрограду, возникшей в связи с оккупацией германскими войсками Прибалтики, а также в целях приближения столицы к важнейшим экономическим районам страны, по предложению Ленина Советское правительство приняло решение: перенести столицу Советского государства из Петрограда в Москву. Это было мудрое решение, продиктованное грозными обстоятельствами. Именно поэтому против него выступили мень-

шевики, эсеры и оппозиционеры в самой партии: они хотели поставить Советское правительство под удар кайзеровской армии и оторвать его от всей страны. С этого и нужно начинать доклад, решил Бонч-Бруевич.

Из встречного потока солдат выскочил быстрый, энергичный Свердлов. Блеснули его яркие, светящиеся умом и воодушевлением жгуче-черные глаза.

— План готов? Время отъезда? Откуда? — обрушил он град вопросов.

— Готовьтесь к отъезду, Яков Михайлович, — оглянувшись, тихо ответил управляющий делами Совнаркома. — Сейчас доложу Владимиру Ильичу.

— Очень спешу. Заходите. Обязательно. Все уточним. — Свердлов тотчас исчез.

В приемной, в которую вошел Бонч-Бруевич, стояли два стола — один его, управляющего делами Совнаркома, второй — Николая Петровича Горбунова, секретаря Совнаркома. Горбунов, увидя управляющего делами, движением руки остановил его, и оба посмотрели через открытую дверь в кабинет Ленина.

Закинув за спину руки, Ленин стоял у замерзшего окна. С Невы дул ветер, летел мокрый снег. Ленин горько досадовал: после острых дискуссий все обсудили на только что закончившемся съезде партии, приняли решения о Брестском мире, о положении в стране, в Питере, а теперь выясняется: оппозиция ничему не научилась, не сделала для себя разумных выводов. И вот опять началось отрицание Брестского мира, крики: вперед, в бой, ни шагу назад из Питера! Как не понимают они, что от триумфального шествия массы перешли к периоду необычайно трудного и тяжелого положения в стране? Массы неизменно устали, воевать дальше никоим образом невозможно. Нужен мир. Любой ценой. Необходимо передышка. Подписание договора о мире при поражении есть средство собирания сил. А в ответ — потоки пустых фраз, гордые позы мнимых рыцарей революции.

Бонч-Бруевич и Горбунов смотрели на Ленина, понимая его состояние. Сколько нужно сил, чтобы не только переносить величайшие испытания, но и заряжать всех верой в победу!

Ленин постукал пальцами по замерзшему стеклу, опять закинул руки за спину. Положение архитяжелое... — думал он. Но кризис будет изжит. Ни наша партия, ни наша революция себе шею не сломают, хотя в данный момент это совсем близко, совсем возможно.

В это время из открывшейся двери в коридор ворвался гул и как-то боком вошел солдат пулеметного полка, охранявшего Смольный, Желтышев. Он принес из столовой полагавшийся по пайку Ленину жидкий рыбный суп в котелке и кашу. Сметливый солдат понял: важно соблюдать тишину — и осторожно поставил на стол Горбунова котелок. Ленин услышал шум и резко повернулся:

— Ну-с... С добрым утром. Чем порадуете, Владимир Дмитриевич? Вижу, вижу — радостей маловато. Все горести?

Без предупреждения вошел Дзержинский. Распахнул длинную шинель, впились руками в поясной ремень и выпалил:

— Пишут: «бежим»... «трус»... Это мы-то трусы? Это мы бежим? Какая подлость! А теперь рыщут: хотят выведать, когда отъезд правительства, чтобы одним ударом взорвать поезд.

Ленин вздохнул, дружески посмотрел на Дзержинского, понимающе улыбнулся ему и сразу перевел разговор на деловые рельсы. Контрреволюция, конечно, постарается воспользоваться редчайшим моментом: во время

переезда одним махом уничтожить ЦК, Совнарком, ВЦИК. Но мы этого не допустим.

Дзержинский, подхватив мысль Ленина, сказал: переезд правительства — операция не столько транспортная, сколько политическая. Все нужно держать в строжайшей тайне. По этому случаю у Владимира Дмитриевича есть разработанный совместно с ВЧК план переезда правительства в Москву.

Еще ранее, сразу после принятия правительством решения о переезде, Бонч-Бруевич докладывал Ленину о полученных в 75-й комнате сведениях: эсеры решили взорвать правительственный поезд. Тогда Ленин отнесся к сообщению совершенно спокойно и лишь спросил:

— И что же, мы все-таки поедим?

— Конечно! — воскликнул Бонч-Бруевич.

Председатель Комитета из 75-й комнаты имел все основания для столь категорического утверждения. Всего лишь 1 января 1918 года эсеры совершили покушение на Ленина. Офицеры из «батальона смерти» в Институте Лесгафта схватили в момент, когда они готовились пустить в ход бомбы и револьверы. Комиссары из комнаты 75 провели ликвидацию нескольких групп и организаций, готовивших террористические акты.

Ленин внимательно посмотрел на Бонч-Бруевича, словно изучая его, и спросил:

— Гарантируете вы нам благополучный проезд?

— Предполагаю, что проедем спокойно. — Бонч-Бруевич тут же высказал общие соображения о составлении плана переезда в Москву.

Ленин внес коррективы, дал советы и одобрил предварительные наброски плана, посоветовав держать все в полном секрете и даже в Совнаркоме не говорить о переезде, чтобы не было случайной болтовни.

План был подготовлен, и теперь в присутствии Дзержинского Ленин должен был его обсудить. План состоял из двух частей. Прежде всего будет готовиться с шумом в газетах отъезд депутатов ВЦИК. В их распоряжение подадут на Николаевский вокзал два «царских» поезда. Один за другим с небольшим интервалом они отправятся в путь. С одним из этих поездов отбудет председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

По этому плану, одобренному Лениным, в назначенный день на Николаевский вокзал были поданы роскошные «царские» поезда в позолоте, сиянии зеркальных стекол и вагонных бра. Горбунов со свойственной ему вежливостью и тактом пригласил депутатов ВЦИК в мягкие вагоны, но рассаживал он их так, чтобы везде были представители всех партий, причем эсеров усадил с комфортом в первых вагонах обоих поездов. Расчет простой: из-за большевиков они сами себя взрывать не будут.

Перед отправлением первого поезда на вокзал прибыл председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. И тут во всем блеске проявили себя комиссары из 75-й комнаты: они прошли со Свердловым по всему составу, знакомя его с тем, насколько удобно расположились депутаты и как удовлетворяются их пожелания. Все это происходило на глазах репортеров и вокзальной публики, и всем было ясно: Я. М. Свердлов отбывает с первым поездом. Между тем когда Свердлов дошел до последнего вагона, нарочно не освещенного, Бонч-Бруевич и Горбунов попросили его выйти из тамбура в противоположную перрону сторону. По заранее намеченному пути Яков Михайлович незаметно перешел в другой поезд и с ним отбыл в Москву.

В. Серов. 1910—1968. В. И. ЛЕНИН.

П. Васильев. 1899—1975. В. И. ЛЕНИН В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД».

Пришло время выполнять и вторую, наиболее сложную и опасную часть плана переезда. Получив одобрение и советы Ленина и Дзержинского, Бонч-Бруевич собрал в 75-й комнате комиссаров, разложил на столе карту Петрограда и сообщил: чтобы сбить с толку ищеек и навести их на ложный след, будут и на этот раз отправлены два «царских» поезда с Николаевского вокзала. Они должны быть ярко освещены и выглядеть торжественно, как и полагается правительственным поездам. Первый проложит путь и примет на себя удары. Вслед за ним пойдет с погашенными огнями, без гудков, в полнейшей тайне поезд особого назначения. После него последуют с Николаевского вокзала один за другим ярко освещенные пассажирские поезда. А между ними — наш, главный, литерный.

— Вот это игра со зверем! — в восторге стукнув кулаком по столу, воскликнул матрос Михаил Цыганков.

— Прошу соблюдать спокойствие, — сухо заметил Бонч-Бруевич. — Для конспиративной отправки литерного поезда нам нужно выбрать незаметную, но удобную для посадки платформу. Какие будут рекомендации?

Бонч-Бруевич уже имел рекомендацию: один из комиссаров Николаевской железной дороги посоветовал взять Цветочную площадку соединительных путей за Московской заставой. По словам комиссара, площадка эта совершенно заброшена и находится в пустынном месте пригородных путей.

То же предложение Бонч-Бруевич услышал и в комнате 75. Это укрепило в нем уверенность в правильности выбора.

— Цветочная подойдет... — в задумчивости сказал Бонч-Бруевич. — Но почему она Цветочная?

— Рядом улица Цветочная, вот от нее и пошло название товарной платформы, — разъяснил комиссар из железнодорожников.

— Товарищ Цыганков, — обратился Бонч-Бруевич к комиссару, своему адъютанту. — Едем на Цветочную. Позаботьтесь.

Михаил Цыганков по-матросски быстро и ловко исчез за дверями. А председатель комитета продолжал советоваться с комиссарами: нужно проверить весь район вокруг Цветочной площадки и распустить по Питеру слух: Ленин уезжает в Москву с первым правительственным поездом вечером одиннадцатого марта с Николаевского вокзала. Необходимо проверить поездную бригаду нашего, литерного, обеспечить эстафетное наблюдение за поездом на всем пути его следования до новой столицы. Нужно обеспечить охрану поезда, поставить пулеметы, протянуть из вагонов на паровоз провод внутреннего телефона, на выходных стрелках должны дежурить самые верные коммунисты-железнодорожники.

— Машина ждет, товарищ председатель, — послышался голос Цыганкова.

Комиссары стали натягивать на плечи свои кожаные тужурки, пристегивать кобуры маузеров, убирать в карманы наганы и браунинги: совещание кончилось.

Мартовское солнце тускло освещало серые каменные здания окраины, когда машина, миновав Московские Триумфальные ворота и приняв сугробы на улицах, вышла к Цветочной площадке. Бонч-Бруевич с Цыганковым осмотрели заброшенную грузовую платформу, небольшое кирпичное здание на служебной ветке с вывеской «Цветочная», поржавевшие, давно не видевшие паровозных колес рельсы и спросил подошедшего стрелочника о состоянии путей и как давно здесь разгружались или грузились вагоны. Стрелочник, недоверчиво взглянув на шляпу и пенсне неизвестного ему человека, забеспокоился и спросил, зачем ему нужно так много знать. Цыганков успокоил стрелочника.

— Ну что ж... место глухое, запущенное, вокруг живет рабочий народ — все как быть должно, — с удовлетворением сказал управляющий делами Совнаркома. — Важно и то, что вполне приличные подъезды с Забалканского проезда.

По возвращении в Смольный Бонч-Бруевич сообщил Дзержинскому о пригодности Цветочной площадки для отправки с нее поезда специального назначения. Получив его одобрение, доложил обо всем Ленину.

С Цветочной площадкой Ленин был знаком: однажды в тяжелую пору гонений на Забалканском поселились некая Прасковья Онегина

и Чхеидзе: под этими именами тогда скрывались Надежда Константиновна Крупская и Владимир Ильич Ленин.

Ленин расспросил, как выглядят теперь Цветочная улица и Цветочная платформа, в каком состоянии находятся подъездные пути, посоветовал для пробы подогнать к платформе несколько пассажирских вагонов и проследить, кто и как заинтересуется их появлением.

В кабинет вошла Надежда Константиновна. — Володя, вот томик Некрасова; ты его просил.

— Спасибо, Наденька. Ты послушай, что говорит Владимир Дмитриевич: мы поедем в Москву с Цветочной площадки. Помнишь Забалканский? Теперь, дорогая Прасковья Онегина, должен сообщить: Владимир Дмитриевич разрешает нам на всю семью взять не более двадцати пудов груза.

— Так много? — шутливо спросила Крупская.

Ленин с веселым видом осмотрел кабинет, пожал плечами.

Вот стол, на что упирался в стену, над ним лампочка, на стене карта Российской империи. Скромную обстановку кабинета дополняли диван у перегородки, круглый столик в углу и несколько венских стульев. И братья в дорогу нечего. Впрочем, да, — книги! Конечно, книги. Но не двадцать же пудов!

— Надюша, — обратился Ленин к Крупской, — мы, надеюсь, уложимся с тобой в этот архискупой лимит? Ну, а теперь, Владимир Дмитриевич, рассказывайте, как выполняется весь план. Оповещены ли комиссары по железной дороге? Как проводится дезинформация противника?

— Николай Петрович, — Бонч-Бруевич посмотрел на Горбунова, — был в редакции «Известий», и там утром десятого марта появится следующее сообщение: «...настоящим объявляется, что Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву в понедельник 11 марта, вечером...» А отъезд будет произведен вечером десятого марта, о чем мы известим всех отъезжающих. Поезд отойдет в темноте, без огней, в полной тайне.

— Как с топливом? — спросил Ленин.

— Поедем на дровах. Угля нет, только дрова.

— Кто комендант поезда?

— Михаил Цыганков.

— Едем на дровах... — в задумчивости произнес Ленин. — Угля нет...

Ты и убогая, ты и обильная,

Ты и могучая, ты и бессильная

— Матушка-Русь!

В кабинете стало тихо. Надежда Константиновна перебирала на столе бумаги, Горбунов что-то старательно записывал. Бонч-Бруевич мысленно проверял, все ли он согласовал с Лениным.

Ленин, нарушив молчание, твердо и решительно сказал:

— Пусть кричат что угодно наши враги. Мы отступаем, чтобы из Москвы повести широкое наступление, начнем строительство новой жизни, пойдем вперед.

Резко зазвонил телефон. Горбунов снял трубку, покрутил ручку, — Ленина срочно вызывал Подвойский. Следующий звонок — Урицкого. На ходу гася сигарку и разгоняя от себя дым, вошел правдист Еремеев. Он принес ворох солдатских писем, заметки рабочих, вырезки из буржуазных газет, — нужен совет Ленина: как отвечать на выпады врагов? Что писать о переезде правительства в Москву? Еремеев еще вел разговор, а стали прибывать курьеры из наркоматов, с кораблей, флотов, из Петропавловской крепости, и все требовали срочных, предельно быстрых ответов, советов, указаний, приказов.

Желтышев прошел к Ленину и, выбрав минуту, стал уговаривать его съесть хотя бы кашу. Крупская, занимавшаяся подготовкой проекта декрета по вопросам народного образования, пододвинула мужу котелок и ложку. Ленин не успел сделать и нескольких глотков, как снова тревожно и грозно зазвонил телефон: на проводе Крыленко. И тоже плохие новости. В прихожей столпилась делегация матросов; моряки желали разговаривать только с Лениным и никого другого не хотели признавать: лишь Ильичу они могут сообщить военную тайну. Бонч-Бруевич с трудом

уговорил их пойти за ним следом в 75-ю комнату и там обсудить важное сообщение.

Поправив на боку маузер, глава делегации, матрос с круто завинченными усами, услышав о 75-й комнате, гаркнул:

— Знаем. Пошли, братва. Там поймут.

В ожидании Бонч-Бруевича комиссары сморщили махорочные закрутки, пили кипяток, просматривали на свет стволы своих револьверов, крутили барабаны наганов, проверяя в них патроны. При появлении председателя все оживились, подтянулись, приготовились к кратким докладам.

Бонч-Бруевич предложил одному из комиссаров-матросов переговорить с делегацией моряков, а сам приступил к проверке выполнения заданий и сбору наиважнейших сведений. Как и следовало ожидать, по всему Питеру рыщут десятки лазутчиков, выясняющих везде и всюду: когда и с какого вокзала поедет в Москву Ленин? Из надежных источников получена информация о подготовке правыми эсерами крушения поезда: по железнодорожной линии уже отправлены в Бологое и Тверь оравы пьяных анархистов заваривать на станциях смуту.

Бонч-Бруевич нахмурился, снял пенсне и принялся протирать его с такой силой, словно на нем хотел выместить свое настроение.

— Что на Цветочной? — спросил он, посмотрев в сторону Цыганкова.

Еще накануне на Цветочной и прилегающих к ней улицах появились небритые, в оборванной одежде люди — не то дезертиры, не то безработные... Странные люди подолгу засиживались в трактирах, чайных, в парикмахерских и сапожных мастерских, всюду затеявая пустые разговоры, неся всякую чепуху и вздор. Это были люди из 75-й комнаты Смольного. Они установили: Цветочной площадкой никто специально не интересуется, за ней нет наблюдения агентуры эсеров и анархистов. Для более полной проверки к платформе подогнали пассажирские вагоны, но и этот маневр не вызвал в районе особого интереса.

Далее Цыганков доложил:

— Поезду специального назначения присвоен литер 4001. Его вагоны проверены. Латышские стрелки, выделенные для охраны, разместятся по вагонам в голове и в конце поезда. Пулеметы уже доставлены. Телефонная проводка по всему составу к паровозу готова.

Последовали сообщения других комиссаров о готовности «царских» поездов на Николаевском вокзале. Эсерствующие железнодорожники уже извещены: правительственный поезд отбывает с Лениным с Николаевского вокзала 11 марта вечером. Об этом сразу же стало известно всему городу. Для подтверждения слухов в «Известиях» набрано и сверстано объявление об отправлении правительственного поезда вечером 11 марта. Как и было задумано, объявление появилось 10 марта в утреннем выпуске газеты. Оно стало как бы сигналом: в то же утро к коменданту Смольного Павлу Малькову прибыл курьер от Комитета революционной обороны Петрограда с предписанием: обязать все караулы беспрепятственно пропустить 10 марта в 3 часа дня броневики, которые займут свои позиции у Смольного института во взаимодействии с орудийными расчетами и пулеметчиками. Броневики, артиллерия, грузовики с вооруженными матросами и готовые к бою пулеметы были призваны оградить Смольный, обеспечить безопасный отъезд правительства. И тогда же, утром 10 марта, народные комиссары и работники Совнаркома получили секретные пакеты с извещением: отъезд в Москву состоится 10 марта с. г., в воскресенье, ровно в 10 часов вечера, с Цветочной площадки. Всем отъезжающим предлагается прибыть к месту посадки за час до отхода поезда.

Ленин в то утро вошел, как обычно, в свой кабинет, решив наскоро подготовиться в путь. Но тотчас нахлынули неотложные дела. Бонч-Бруевич просил совета: как ликвидировать комнату 75 и передать ее дела молодой ВЧК, Дзержинскому? Самокатчики доставили наискорейшие донесения. Заглянул поэт Демьян Бедный — прочитал для «Правды» частушки. Ленин, поглядывая на поэта искоса, снизу вверх, все прищуривал глаза и наконец засмеялся, и так, что засмеялся и всегда холодный, озабоченный и точный Горбунов.

железных дорог и крупной промышленности. По его инициативе создавалась новая Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Он выступал инициатором и автором основных декретов Советской власти. Все органы Советского государства, все наркоматы создавались под руководством Ленина. Им были написаны здесь сотни различных документов и статей, и вот теперь, в роковые дни, нужна была программная статья для всех, кто безумно устал, кто видит, как сгущается тьма, слышит, как у виска свистят вражеские пули и голод хватается за горло, и кто не желает вновь стать рабом, кто готов идти на новые муки и жертвы, лишь бы точно знать цель, знать, какие нужно решать главные задачи.

Мысль о выступлении на эту важнейшую тему давно зрела у Ленина. Но в дни величайших испытаний, когда все стоит на краю бездны, она вызвала в нем острейшую потребность безотлагательно обратиться к массам: нужно немедленно писать статью! Он определил ее название: «Главная задача наших дней». Ничего не скрывать в ней от масс. Никаких иллюзий! Никаких пустых обещаний и красивых фраз — говорить только правду, честно обращаться к тем, кто может и должен сделать Русь могучей и обильной, создать счастливую жизнь для людей труда.

Тяжело? Да, очень и очень тяжело. Россия охвачена пожарами, голодает, контрреволюция поднимает голову, Антанта готовит удар бронированным кулаком. Все верно, все правильно. И так тяжело, что хуже быть не может, стоит только посмотреть на Дзержинского: на кого он стал похож?.. Ничего не поделаешь — борьба! И пусть лучше будет нам тяжело, только бы одолеть. А победим обязательно. Победа неизбежна. Голодные, веками жившие в рабстве массы впервые вдохнули воздух свободы, впервые познали, что значит своя земля и работа на себя, что такое творение своего и общего счастья. До сознания масс дошло нечто очень простое и доступное разуму: Советы и коммунизм. Нужно разъяснить, как бороться за них.

И потому, заканчивая последние дела в Питере, прощаясь с товарищами, оставшимися в городе, не упуская из поля зрения ход операции «переезд», Ленин вырывал минуты, чтобы заняться статьей. Он уже предпослал ей эпиграф из поэмы Некрасова и видел ее общее направление. Так хотелось целиком отдаться ей и писать, писать. Но... уже близился вечер, пришел замкнутый, строгий Горбунов и со свойственной ему педантичностью стал собирать и увязывать бумаги и книги. Какая жалость! Придется заканчивать статью в поезде, чтобы уже в Москве послать ее в типографию «Известий». Но Ленин все же продолжал набрасывать торопливые строки, пока не появилась Мария Ильинична. Сестра была неумолима, пришлось отложить перо.

Окончание следует.

— Пойдет. Так вокруг много горя, так много крови, что смех очень нужен, особенно когда он оружие.

Много, много дел и все важные, но важнее важного — обсудить с Комитетом революционной обороны план и меры обеспечения защиты красного Питера, укрепления в городе революционных порядка и дисциплины. Нельзя — ни в коем случае нельзя! — допустить такое, чтобы отъезд правительства привел к какому-либо ослаблению позиций Советов.

Слушая вопли об «агонии Советов», о том, что он, «Ленин, бросает красный Питер», нужно было сдерживать себя, охлаждать паникеров спокойствием, даже шуткой и при этом, не теряя времени, быстро и точно принимать все новые и новые решения, заботиться о снабжении хлебом питерских рабочих, передать радиogramмы на крейсер «Аврора» для связи с фронтом, правительствами Франции и Англии, с командованием кайзеровской армии. Штабом всегда был кабинет Ленина, и теперь все кипело и бурлило в нем.

За сто двадцать четыре дня жизни и работы в Смольном Ленин разрабатывал основные вопросы политики Советской власти, направлял работу по национализации банков,

ИМЕНЕМ ЛЕНИНА ОЗАРЕНЫ

Александр ЖАРОВ

Имя его продолжает полет,
Гордо плывет по родному простору.
С именем Ленина дружный народ
Двинулся в гору
В октябрьскую пору.

По пятилеткам стремительно ввысь
Люди шагали, страна поднималась.
Именем Ленина деды клялись,
Внукам оно,
Как наследство, досталось.

Песня народа и рокот морской,
Музыка леса и ветер пустыни,
Шорохи всходов и шум заводской
Именем Ленина
Полнятся ныне.

Твердою поступью, верным путем
В тесном сплочении всех поколений
С партией Ленина в ногу идем
К новым высотам
Победных свершений.

Незабываемое

Шел по Москве голодный и холодный 1924 год. Фабрики и заводы у нас на Пресне работали не в полную силу или стояли вообще. Среди пресненских пролетариев была страшная безработица. Если в семье работал хоть один человек, считалось — жить можно. Он кормил с горем пополам еще двух-трех членов семьи, изредка подрабатывавших поденкой.

Был нэп. На рынках и в маленьких частных магазинчиках появились в изобилии и хлеб, и колбаса, и другие давно невиданные продукты. Но купить их большинству было не на что. В нашей семье работал я один, получая ученическую зарплату — двадцать два рубля. Маме приходилось изворачиваться, чтобы как-то накормить нас пятерых.

В тот день в нашем заводском клубе, оборудованном в бывшей полуподвальной чайной, готовился вечер памяти 9 января 1905 года. И вдруг докладчик, пришедший из райкома, не ожидая открытия вечера, вышел на сцену и взволнованным голосом объявил:

— Товарищи! Прошу всех встать. Сегодня в шесть часов пятьдесят минут вечера под Москвой, в Горках, скончался Владимир Ильич ЛЕНИН... Он хотел еще что-то сказать, но спазмы сдавили ему горло, и он поспешно шагнул за кулисы.

Зал, потрясенный страшной вестью, замер в безмолвии. Лишь спустя некоторое время стали слышны всхлипывания женщин да шорох шагов выходивших из зала людей, не сумевших удержать нахлынувших слез.

Вскоре внесли на сцену увитый траурной лентой портрет Владимира Ильича и поставили почетный караул. Первую траурную вахту несли по очереди все присутствовавшие в клубе. Затем все ночи и дни, сменяя друг друга, стояли у портрета рабочие, их отцы и сыновья — вглядывались в дорогие черты безвременно ушедшего, самого нужного миру человека.

Пошла тревожная траурная неделя. На предприятиях установили круглосуточное дежурство по охране общественного порядка. Его обеспечивали бойцы частей особого назначения, состоящие из партийцев и комсомольцев местных ячеек. В течение всех суток тянулись рабочие к фабрикам и заводам: в своей среде легче перенести тяжесть постигшей утраты. Непрерывно формировались траурные колонны, направляемые к Дому союзов. Народ одет был плохо. Владельцы полушубков, валенок, шапок и других теплых вещей щедро делились с товарищами, идущими на дежурства или в нескончаемую очередь проститься с Ильичем.

В нашей семье смерть Ленина переживалась по-разному. Мы — комсомольцы и пионеры — скорбели, а мама, обремененная нуждой, опутанная религиозным дурманом, встретив нас за обедом, притихшими, с воспаленными глазами, сказала: «Что-то вы ходите как в воду опущенные? Отец

умер — так не переживали...» Мы терпеливо молчали, считая, что не время сейчас вступать в спор. Но мой средний брат, пионер Ваня, всхлипнул и, закрыв лицо рукой, вышел из-за стола. За ним, роняя слезы, бросился и младший брат, Коля. Потом покинули стол я и сестра Катя... Обескураженная мама осталась за столом одна.

— Этого еще не хватало! — неуверенно попробовала она рассердиться. — Тут целый божий день бьешься, как рыба об лед, только и думаешь, как бы накормить их, а они вон что устраивают! Ну, хватит! Идите за стол, а то суп совсем простынет!

Но мы, скрывая друг от друга слезы, за стол не шли. Первой не выдержала Катя, она стала что-то разяснять маме. Тут и мы заговорили — каждый свое, сбивчиво, невпопад. Уже чувствуя свою неправоту, мама пыталась как-то неуверенно оправдываться, а потом просила простить ее, дуру необразованную. Конец обеда прошел в скорбном, тяжелом молчании.

Ночью, украдкой от нас, а главное, от своих вредных домашних кумушек мама пошла к гробу великого Ленина. Вернулась под утро совершенно другим, обновленным человеком. На обратном пути она купила в киоске портрет Владимира Ильича и бережно приладила его в застекленную рамку.

Придя домой обедать, мы застали маму сидящей в глубоком раздумье над портретом. Мы бросились обнимать ее, вместе с ней плакали. С той минуты, мне кажется, мама стала смотреть на жизнь совсем другими глазами.

Прошло шестьдесят лет. Никого из нашей семьи, кроме меня, в живых не осталось. Все прожили жизнь скромно и честно. Мама прожила 84 года, и мы схоронили ее на Ваганьковском кладбище. Сестра Екатерина проработала более сорока лет в хлебозаготовительных организациях. Оставшись вдовой после погибшего на фронте мужа, воспитала сына — литературного работника. В Великую Отечественную войну она хоть и не принимала участия в боях, но рыла окопы под Сталинградом, пилила и грузила дрова для Москвы, была бойцом противовоздушной обороны. Мы, три брата, с первых дней войны были в рядах армии. Иван, самолетостроитель, погиб в апреле 1944 года. Николай долгие годы служил в советских органах.

Мне, доживающему последние годы восьмого десятилетия, суждено подвести итоги жизни, прожитой членами нашей семьи. И для всех наших судеб — не только для маминой — очень важными были те январские дни 1924 года...

С. ПОШЕХОНОВ,
ветеран труда

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. МЕРЫ ПРИНИМАЮТСЯ.

В статье К. Барыкина «Буква «Н», а сбоку — бантик» («Огонек» № 33, 1983 год) правильно поставлены вопросы улучшения ассортимента и повышения качества новых (с индексом «Н») товаров, пишет в редакцию заместитель министра торговли СССР С. Е. САРУХАНОВ.

Отметив роль торговли в увеличении выпуска товаров высокого качества, в расширении и обновлении их ассортимента, С. Е. Саруханов продолжает: «На художественно-технических советах большое количество образцов, представленных предприятиями для отнесения к изделиям улучшенного качества, торговлей отклоняется. Например, на художественно-техническом совете Минлегпрома РСФСР по рассмотрению ассортимента товаров на 1984 год отклонен 1141 образец кожаной обуви — это почти сорок процентов от всего представленного количества. Оптовыми базами осуществляется постоянный контроль за качеством товаров с индексом «Н». В 1983 году забраковка хлопчатобумажных тканей составила более восьми, кожаной

своего индекса «Н» предоставлено республиканским художественно-техническим советам и — в порядке эксперимента — отдельным предприятиям и объединениям. «Но при этом возникает возможность различной оценки идентичных образцов товаров в разных регионах страны — пишет заместитель министра. — А право решающего голоса специалистов торговли ограничивается. В спорных вопросах окончательное решение принимают ценообразующие органы». (Вспомним приведенный выше пример — торговля возражала против 1026 образцов, а претензии приняты только по 535).

На состоявшемся в декабре 1983 года заседании коллегии Минторга СССР рассмотрен вопрос об улучшении организации работы

«БУКВА «Н», А СБОКУ — БАНТИК»

обуви — более семи процентов».

Выпуск товаров ненадлежащего качества не проходит бесследно. Торговые организации вносят в Госкомцен СССР и госкомцен союзных республик предложения о досрочной отмене временных цен на эти товары. В 1983 году (по неполным данным) такие предложения даны на 1026 моделей швейных, трикотажных и обувных товаров и артикулов тканей. Принято решение досрочно отменить временные цены только на 535 изделий. Однако в некоторых республиках на художественно-технических советах торговля все же не предъявляет достаточно высоких требований к обновлению ассортимента и улучшению его структуры.

Положение усугубляется и тем, что установленный порядок, по которому изделия могут быть отнесены к индексу «Н», имеет ряд недостатков. Сейчас право при-

государственных аттестационных комиссий по усилению контроля за качеством тканей, одежды и обуви в одной из республик. Коллегия приняла решение подготовить предложения в Госстандарт и Госкомцен СССР по совершенствованию работы государственных аттестационных комиссий и художественно-технических советов, проводящих аттестацию товаров на государственный Знак качества и присваивающих индекс «Н». Министрствам торговли союзных республик дано указание о повышении ответственности специалистов торговли, участвующих в работе аттестационных комиссий художественно-технических советов, пополнить их состав наиболее квалифицированными работниками.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА. Озабоченность Министерства торговли СССР понятна. Торговое ведомство, поддержав высказанное в журнале мнение, считает нужным принять ряд мер, которые поставили бы на пути псевдоновинок надежный заслон. А он нужен, чтобы не дискредитировать подлинно новый товар.

Может, ответственность за объективность оценки новой продукции сделать персональной? Чтобы знать имя и фамилию того «добраго дяди», который по незнанию ли или в порыве ведомственного энтузиазма, а может, просто по недосмотру дал право тому или иному дремучему изделию на получение статуса новинки? А о случаях забраковки тех или иных товаров со Знаком качества и индексом «Н» следовало бы сообщать не только руководству предприятий, но и всему коллективу. И хорошо бы систематически организовывать сравнительные просмотры товаров уже известных — рядом с теми, что представлены на индекс «Н». Тогда все станет обозримо и можно будет принять своевременные меры по улучшению и ассортимента и качества этих товаров.

Новый рынок в Ашхабаде.

«Гулистан» в переводе на русский «Страна цветов». Так назван новый рынок в Ашхабаде, построенный по наказам избирателей. Здесь за мраморным прилавком проводит свой очередной отпуск заведующий молочной фермой совхоза «Карабулак» из Таджикской ССР Мирзо Хасанов. У него большая семья — восемь детей. Приусадебный участок — тридцать шесть соток. В саду сто шестьдесят деревьев: яблони и груши. В этом году сад порадовал хорошим урожаем. Часть его Мирзо сдал в кооперативный магазин у себя дома, но еще две тонны яблок и груш не сумел пристроить на месте и привез продавать в Ашхабад.

Торговля у Мирзо не заладилась. За двадцать дней он сумел продать только половину своих яблок. Оставалось всего четыре дня отпуска, но Мирзо не унывал.

— Зачем волноваться, — говорил Мирзо. — Что не успею продать — сдам в бюро добрых услуг. Получу меньше, но ведь не пропадать добру.

Бюро, на помощь которого надеялся Мирзо Хасанов, скупает у колхозников продукты и продает их здесь же, на прилавках «Гулистана».

— Это не единственная и даже не главная услуга, которую предоставляет новый рынок, — считает начальник управления торговли Ашхабадского горисполкома Аннагельды Чарыров. — «Гулистан» для Туркмении вообще нечто новое. Его можно назвать идеальным рынком, а можно и торговым центром. Вы спросите любую хозяйку, что такое идеальный рынок. Я уверен, она скажет, что это место, где можно без очереди купить все необходимое к столу. И она будет права. Но если этот же вопрос задать колхознику, который привез в город излишки продуктов своего приусадебного хозяйства, то он ответит, что на хорошем рынке должны быть свободные прилавки, столовая, где можно было бы быстро пообедать. И добавит, что летом нужны холодильные камеры для хранения скоропортящихся продуктов, простые склады, оперативная ветслужба и лаборатория. Не помешала бы и гостиница. Я, как руководитель управления торговли, добавлю к этому списку целую систему государственных и кооперативных магазинов, которые должны сбивать цены на рынке и предоставлять посетителям возможность купить все необходимое, не выходя из-под крыши одного здания. И еще. Учитывая наш жаркий климат, идеальному рынку нужна летом и мощная установка для кондиционирования воздуха. Все это, кроме, увы, гостиницы, есть на новом рынке. Недавно три крупных городских рынка переведены на хозрасчет и привязаны к районным отделам торговли и строительства. Это повысило ответственность райисполкомов за деятельность своих рынков, а администрация, в свою очередь, стала поразворотливей. Она теперь прямо заинтересована в том, чтобы товаров на рынке было вдоволь. Ее товар — торговое место. Оно стоит сорок копеек в день и потому не должно пустовать. «Гулистан», например, заключил договор с пятью крупными пригородными колхозами о создании фирменных магазинов, договорился с рестораном об организации чайханы и продаже чая навынос. Каждый может взять чайник с собой на рабочее место. Летом, когда на улице за тридцать, зеленый чай — это не роскошь, а насущная необходимость. За один только день на рынке продается больше пятнадцати тысяч различных мучных изделий. Их поставляют несколько предприятий общепита. «Плодоовощпром» загрузил в холодильники «Гулистана» картошку, которой хватит до конца апреля, а в мае у нас появляется молодая. Подобных примеров деловитости могу привести много.

...На этом можно было бы закончить рассказ о «Стране цветов», но при этом была бы упущена, забыта еще одна функция «Гулистана» — эстетическая. Уже в ту пору, когда здание только строилось, оно стало достопримечательностью Ашхабада. Горожане ходили смотреть, как постепенно из строительного хаоса вырастали огромные бетонные грибы. Шляпка каждого из десяти грибов — квадрат размером двадцать четыре на двадцать четыре метра. Огромное сооружение! Как и многие другие здания Ашхабада, «Гулистан» сделан из монолитного железобетона. Никаких отделочных материалов строители не применяли.

— Бетон сам по себе необыкновенно пластичный и красивый материал, — утверждает главный архитектор Ашхабада Абдулла Рамазанович Ахмедов.

Здание и в самом деле выглядит внушительно. Особенно запоминается орнамент потолка, вознесенного на высоту тринадцати метров. Главный инженер проекта Алексей Артемьевич Белов, рассказывая о том, как возник этот орнамент, все время подшучивал над собой:

— В том, что он получился красивым, я, право, не виноват. Когда начали рассчитывать грибы, то сначала пытались обойтись шестью ребрами жесткости. Их оказалось мало. Стали городить перегородки. Добились нужной жесткости конструкции, и только потом выяснилось, что мы «придумали» традиционный туркменский орнамент «гирих».

Алексей Артемьевич, несомненно, скромничал. Ведь недаром авторы проекта — архитектор Владимир Николаевич Высотин, инженеры Алексей Артемьевич Белов и Али Газанфарович Мурадов — стали победителями второго Всесоюзного смотра лучших произведений архитектуры и награждены медалью и дипломом Союза архитекторов СССР...

ПО НАКАЗАМ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Точный вес!

Ночью «Гулистан» особенно эффектен.

Страна цветов-Гулистан

Сладкий урюк. Во рту тает!

Зеленый чай всегда в продаже.

Двухэтажное здание рынка вместило больше десяти магазинов.

Те, кто создавал рынок.

Салют в городе Ленина в честь полного освобождения от вражеской блокады.

Фото С. Лоскутова и Д. Трахтенберга.

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ ВРАЖЕСКОЙ БЛОКАДЫ

БЛОКАДЕ — КОНЕЦ !

Н. Г. ЛЯЩЕНКО,
генерал армии

Н. Г. Лященко.
Фото 1944 года.

Хотя со всех концов страны шла помощь блокадному Ленинграду, обстановка в городе оставалась сложной. Достаточно сказать, что только за 1943 год фашисты обрушили на Ленинград 68 тысяч тяжелых снарядов. Поэтому по решению Ставки Верховного Главнокомандования готовилась крупная операция по снятию блокады Ленинграда.

...Ночь перед боем. Тихая, теплая. В лесу пахнет свежим снегом, развороченной прошлогодней листвой. С адъютантом Сергеевым возвращаемся на командный пункт 90-й Краснознаменной дивизии, в командование которой я сравнительно недавно вступил. Лейтенант, невысокого роста, по-

движный, как ртуть, девятнадцатилетний паренек, торопится высказать впечатления, навеянные выдвижением частей на исходные позиции.

— Ну, батя, дадим завтра фрицам жару! Ох, и дадим!

— Дадим, дадим, — машинально повторяю я, а сам мысленно окидываю предстоящий участок прорыва.

Второй раз в течение двенадцати месяцев приходится прорывать долговременную оборону противника. В январе 1943 года я участвовал в операции «Искра», замысел которой сводился к тому, чтобы встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов разгромить немецко-фашистскую группировку на Шлиссельбургско-Синявинском выступе, прорвать блокаду и восстановить сухопутную связь Ленинграда с центральными районами страны. Для осуществления операции были созданы две ударные группировки. Первая, состоявшая из войск 67-й армии, должна была форсировать Неву, прорвать оборону на участке Московская Дубровка — Шлиссельбург и соединиться с войсками Волховского фронта. Вторая группировка, в которую входили войска 2-й ударной армии, должна была при содействии части сил 8-й армии прорвать оборону на участке Гайтолово — Липки, разгромить противника в восточной части Шлиссельбургско-Синявинского выступа и соединиться с войсками Ленинградского фронта.

18-я стрелковая дивизия, в которой я тогда был заместителем командира, входила во второй эшелон 2-й ударной армии. Сколько тогда пришлось вместе с командиром генерал-майором М. Н. Овчинниковым, начальником штаба П. Д. Стребковым и его заместителем майором И. М. Немырей просидеть над картой, отработывая возможные варианты ввода дивизии в бой.

Шлиссельбургско-Синявинский выступ (гитлеровцы называли его «фляшенхальс» — бутылочное горло) оборонялся пятью дивизиями 18-й армии, которую поддерживали эскадры 1-го воздушного флота. За 16 месяцев блокады немецко-фашистские войска создали на этом участке мощную систему обо-

ронительных сооружений, передний край которой проходил на Ленинградском фронте по левому берегу Невы.

12 января 1943 года после более чем двухчасовой артиллерийской подготовки наша армия перешла в наступление. Трудными были километры прорыва. Враг отчаянно сопротивлялся. Но, несмотря на это, 18 января войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились.

С успешным завершением операции «Искра» наступил коренной перелом в битве за Ленинград. Но враг был силен. Нам понадобился целый год, чтобы подготовиться к решающим боям.

В ходе операции предстояло разгромить группу армий «Север», полностью деблокировать Ленинград, очистить от немецко-фашистских захватчиков районы области и создать необходимые условия для освобождения прибалтийских республик.

Командование Ленинградского фронта планировало нанести по врагу два встречных удара в общем направлении на Ропшу. После соединения мы должны были развивать наступление на Нарву и Лугу.

Войскам предстояло прорвать мощную, глубоко эшелонированную оборону противника. Населенные пункты превращены фашистами в узлы сопротивления. К обороне были приспособлены железнодорожные насыпи, дамбы, каналы, фабрично-заводские здания. Гитлеровская пропаганда, называя рубежи у берегов Невы и Волхова «неприступным валом», убеждала немецких солдат в том, что оборона германской армии у стен Ленинграда надежна и позволит отразить любое наступление Советской Армии. В директиве командующего 18-й немецкой армией, направленной войскам в декабре 1943 года, предписывалось оборонять каждый опорный пункт, ни шагу не отступать с занимаемых позиций. В ней под-

черкивалось, что освобождение Ленинграда от блокады «будет всегда одной из важнейших целей большевиков... равнозначной защите Москвы, борьбе за Сталинград».

Военный совет Ленинградского фронта поставил перед командирами и политработниками задачу морально подготовить личный состав к наступлению, развить в войсках высокий наступательный дух. Член Военного совета генерал-лейтенант А. А. Жданов указывал, что надо вселить в войска такой боевой дух, чтобы люди при любых обстоятельствах обеспечили выполнение боевой задачи, чтобы они были готовы наступать и продвигаться вперед не на километры, а на десятки, сотни километров. Нужно, чтобы люди жили одной мыслью, одним всепоглощающим стремлением сломать и развить в прах врага.

Очень хорошо знал дивизии фронта и первый секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов, часто он бывал и у нас. Говорил он с солдатами и офицерами просто, ясно и так волнующе, что его слова брали за душу каждого. Вот, например, одно из его обращений к коммунистам: «Большевики всегда в пекле боя. Ленинградцы умирали от голода в блокадную зиму, и коммунисты умирали такой же смертью; солдаты-коммунисты, народные ополченцы не щадили своей жизни в боях, не щадили ее и рабочие-коммунисты на заводах при бомбежках и обстрелах. И во всех случаях коммунисты впереди. Так и теперь мы должны драться в этом решающем сражении при снятии блокады с города Ленинграда».

...Из раздумья меня вывел гул самолетов. С каждой секундой он ширился, нарастал, заполняя округу.

— Товарищ полковник, что это? — спросил адъютант.

— Что? То, о чем мы мечтали в сорок первом: наша авиация дальнего действия пожаловала.

На переднем крае застучали зенитные орудия противника. В небе засветились тусклые шапки разрывов. А спустя некоторое время из тыла вражеской обороны донеслись глухие разрывы.

— Значит, уже началось? — волновался адъютант.

— Все идет по намеченному плану!

Я взглянул на часы, и мы заспешили в штаб. По дороге встретили дивизионных разведчиков. В белых маскхалатах, на лыжах, они тенями скользили по снегу. Старший лейтенант Слепченко остановил роту, доложил о поставленной задаче. Прошли вдоль строя. Смотрю, во главе отделения знакомое лицо.

— Земляк, ты?

— Я, товарищ полковник, — шагнул навстречу ефрейтор Анетов.

— Наноат?

— Так точно, — улыбнулся Анетов. — Значит, запомнили меня.

— А как же! Земляков забывать нельзя. Я ведь и родился, и учился, и первый бой принял в Средней Азии. Басмачей бил еще курсантом. Молодой был, опыта набирался в боях. Трудно было. А сегодня ваш черед. Но вы народ опытный, третий год в окопах. Короче говоря, «языки» нам нужен позарез. — Будет «языки», — заверил командир.

Попрощавшись с разведчиками, я отправился на КП дивизии.

Поросшая редким лесом гора Колокольня, на которой находились командные пункты дивизии, корпуса, армии, не считая нескольких командно-наблюдательных пунктов полков и фронта, встретила нас настороженной тишиной. Но я знал, что внутри горы в блиндажах и землянках бьет ключом жизнь. Идут последние часы перед боем.

В одном из изгибов траншеи меня окликнули. По голосу узнал командарма Федюнинского.

— Не спишь, комдив?

— Проверял готовность частей к наступлению. Вы тоже, вижу, не отдыхаете?

— Не до этого, Николай Григорьевич. Разве уснешь?!

К нам подошел офицер из штаба армии и доложил И. И. Федюнинскому:

— Все части первого эшелона выдвинулись на исходные позиции.

— Добро! — весело произнес Иван Иванович. — Что передает разведка с переднего края, не засекли фашисты нашего выдвижения?

— Тревожных сигналов пока не поступало.

— Ну вот и хорошо. — Федюнинский обернулся ко мне. — Николай Григорьевич, не пора ли побриться? Как-никак праздник у нас нынче.

— Долгожданный праздник! Думаю, что и вид должен быть соответствующий.

— Ну, тогда ни пуха ни пера, комдив. Ты у нас идешь на главном направлении! Жду добрых вестей.

Иван Иванович торопливо зашагал на свой КП. Не успел скрыться командарм, как показался командир корпуса генерал-майор Андреев. Мы отправились на наблюдательный пункт дивизии. Здесь уже хлопотали связисты, устанавливали приборы артиллерийские разведчики. У стола колдовали над чаем Сергеев с ординарцем Хреновым.

— Проводная связь есть со всеми частями? — поинтересовался комкор.

— Так точно!

И тут в тишине скрытого окопа разнеслась громкая петушиная песня. Меня даже в жар бросило! Смотрим, наш Петя восседает на скамейке у телефонных аппаратов и всю горланит, предвещая рассвет.

— Кто притащил сюда этого разбойника? — возмутился я.

Ординарец Николай Хренов, полужки ока, ответил:

— Это хорошо, товарищ полковник. Петух поет весело — ладный день будет, а стало быть, и успех...

— Я тебе покажу успех! Не хватало, чтобы фрицы засекли. До первой траншеи противника несколько сот метров!

Да, с этим петухом и хлопот и приятных событий связано у меня немало. Известно, как фронтовики любили и пестовали маленького брата. Одни выходят заморенного щенка и гордятся им больше, чем догом-медалистом, другие таскают в снаряжном ящике кота, а вот мне волею судеб достался петух. А дело было так.

Вернувшись в канун октябрьских праздников из поездки по частям, я обнаружил необычную посылку — два десятка цыплят-заморышей инкубаторского происхождения и маленького поросенка.

— Подарок из тыла. К праздничному столу, — виновато развели руками штабисты. — Но уж больно маленькие! Жалко трогать этих крох.

Решили отправить живность на походный хлебозавод дивизии. Авось, подрастут и прибавят в весе.

Юные ленинградцы вернулись в родной город.

Встреча Волховского и Ленинградского фронтов. Фото 1943 года.

Шло время... Мы воевали, а цыплята росли. Почти все они оказались петухами. Естественно, начались на хлебозаводе петушинные бои. Туда стали собираться бойцы — порадоваться забавной картиной мирной жизни. Не раз смотревшие смерти в лицо солдаты, сержанты, офицеры теперь живо обсуждали боевые эпизоды петушинных сражений.

В один из дней хозяйственники доложили: цыплята, мол, подросли, можно передавать на кухню. Но я решил этот деликатес оставить в резерве — для гостей. Вскоре пожаловали шефы — рабочие Кировского завода. Надо было видеть этих рабочих, переживших блокаду. Я приказал угостить их молодой курятиной.

Бывали у меня и другие гости... Короче говоря, в конце концов остался всего один петух. Приказал его привезти на КП. Петух оказался на редкость красивым, важным и драчливым.

Поместили его в моем доме, вернее, избушке, которую сладили в лесу саперы. Петя сразу почувствовал себя хозяином. Важно расхаживал, громко голосил, отзывался на зов. Никого не боялся — вырос-то среди солдат. Вскоре он стал общим любимцем дивизии.

И вот теперь, в канун наступления, петух нас демаскировал! Позор! Со злости я двинул петуха в бок. Он недовольно прыгнул на телефон и запел еще громче.

В землянке стояло ведро с водой. Я выплеснул воду, накрыл горластого ведром. А он и там орет! Я начал отчитывать адъютанта с ординарцем.

— А куда его девать? Кому передать? Ненароком еще съедят, сами же жалеть будете. Да и нам достанется.

Через несколько минут подал голос телефон.

— Вас, товарищ полковник, — протянул трубку связист.

На проводе был командир разведроты Слепченко.

— Взяли, товарищ полковник. Двух «языков» приволокли.

— Допрашивал?

— Так точно. В один голос заявляют: изменений нет.

— Вот и хорошо, — обрадовался стоящий рядом комкор. — Все идет по плану.

Девять часов тридцать пять минут. Взвились красные ракеты! Сигнал начала артподготовки. Воздух потряс орудийный гром. Шестидесят пять минут огненный смерч бушевал на фашистских позициях. По врагу было выпущено более ста тысяч снарядов и мин.

В десять пятьдесят шквал огня на время утих. Но тут же дали залп «катюши»! Шарообразные клубы дыма встали над обороной гитлеровцев. Открыли огонь орудия прямой наводки. И почти тут же хмурое небо исполосовали цветные трассы ракет — это сигнал «Вперед, в атаку!».

Со стороны нашей первой траншеи грянула музыка, поднялись алые полотнища боевых знамен — полковых и дивизионного. Над цепями запылали флаги штурмовых отрядов. А наш оркестр все играл известную мелодию «Вставай, страна огромная».

Батальонные цепи дружно поднялись и уверенно пошли на сближение с противником. Фашисты, ошалевшие от нашей артподготовки, какое-то время молчали.

До первой вражеской траншеи осталось сто метров. Нервы напряжены до предела! Артиллерия перенесла огонь на вторую траншею. Передние цепи рванулись вперед. В траншеях врага стали рваться гранаты. Донеслось громкое «ура!». Цепь перекатилась через первую траншею и пошла дальше.

— Пошла-поехала царица полей, — облегченно вздохнул кто-то из артиллеристов.

По полю боя уже катили орудия прямой наводки. Начали пе-

ремещаться минометчики. И тут снова разнеслось победно-заливистое «Ку-ка-реку!» нашего Пети.

— Да уберите вы этого разбойника!

Ординарец схватил петуха и вроде для себя, но так, чтобы слышали все, с теплотой в голосе заворчал:

— Я же говорил: раз петух хорошо поет перед боем, значит, будет успех.

Между тем части дивизии уверенно продвигались вперед, овладевая позициями и опорными пунктами врага. Из полков начали поступать донесения. Позвонил полковник Гариф Юлдашев.

— Батальон майора Мамонтова овладел господствующей высотой на правом фланге. Уничтожил пять дзотов, роту пехоты и минометную батарею противника. Взял пленных.

Подбежал адъютант командарма.

— Товарищ полковник, вас вызывает командующий.

Передав управление начальнику штаба, пошел на НП командующего. Федюнинский встретил вопросом:

— Где батальоны 286-го полка?

С НП командарма местность не позволяла наблюдать боевые порядки этого полка. Я пригласил командарма на свой наблюдательный пункт. Только отошли, как вражеский снаряд большого калибра угодил в выход из НП командующего.

— Повезло, — обернулся Иван Иванович. — Кто-то из нас, комдив, родился в рубашке.

Вскоре мы были на НП дивизии. Генерал Федюнинский вскинул к глазам бинокль.

— Теперь вижу. Хорошо идут. Молодцы!

Успешно атаквали первую позицию противника и другие части дивизии. Было видно, как передовые роты при поддержке артиллерии врываются в траншеи врага, перекачивались через них и шли дальше, а идущие следом очищали узлы сопротивления от уцелевших гитлеровцев.

Привели первых пленных. Грязные, подавленные. Из-под пилоток торчат женские платки, полотенца — кому что удалось «добыть» у местного населения. Немцы в один голос заявили, что не ожидали такого мощного наступления русских, рассказали подробно об обороне в районе Гостилиц, о расположении штабов, резервов. Это уже были не те спесивые, высокомерные гитлеровцы, покорители Европы, с которыми мне довелось беседовать в сорок первом под Днепропетровском. А еще раньше, в Испании, я видел гитлеровцев рядом с франкистами: одних в роли учителей убийц, других в роли прилежных учеников...

А наступление продолжалось! В четырнадцать часов командир 173-го стрелкового полка донес: «Батальон капитана Макарова ворвался на западную окраину Гостилиц. На подходе к населенному пункту — батальон капитана Мамонтова». Тут же поступило сообщение командира 286-го стрелкового полка Фоменко: «Батальон капитана Толмачева завязал бой за северную часть Гостилиц».

Фашисты яростно сопротивлялись, дрались за каждую огневую точку и траншею, но сдержать наш наступательный порыв не могли. Бойцы, командиры и полит-

работники, презирая смерть, шли на врага. В штаб дивизии продолжали поступать сведения об отличившихся.

Из 19-го Краснознаменного стрелкового полка возвратился начальник политотдела полковник Асламов. Он рассказывал: «Роты залегли под кинжальным огнем фашистов. Командир пулеметной роты лейтенант Алексеев выдвинул на фланг «максимы», да как чесанет по фрицам! Поднялись в атаку стрелки и смяли немцев».

В полдень мы овладели Гостилицами и совхозом «Красная Балтика». Ближайшая задача была выполнена дивизией раньше срока.

Штаб немедленно переместился на северную окраину Гостилиц. Здесь нас с первым успехом поздравил командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров. Он внимательно следил за боем с НП, который был на дереве немного севернее горы Колокольня. Благодарность командующего фронтом передали в полки, батальоны, роты.

Опустились сумерки. Лыжники майора Алтухова выдвинулись к селу Варвароси, охватили его с юга. К опорному пункту был подтянут отдельный истребительно-противотанковый дивизион майора Енькова. Одна из батарей, чтобы отвлечь внимание противника, выдвинулась к северной части опорного пункта и открыла огонь. Гитлеровцы решили, что начался штурм. Перебросили сюда основные силы. Тут-то с противоположной стороны и ворвались в село лыжники.

Внезапность смелого удара с тыла обеспечила успех. После короткой рукопашной схватки лыжники овладели селом Варвароси.

На рассвете на наш командный пункт был доставлен командир немецкого батальона. Офицер рассказал, что он был ошеломлен внезапностью, быстротой действий наших солдат. «Как призраки, они появились ночью, огромные, в белых халатах, — твердил гитлеровец, — покажите их».

Около избы, где шел допрос пленного офицера, стоял взвод одной из рот лыжного батальона. Совсем юные и невысокого роста солдаты. У некоторых виднелись повязки с кровавыми пятнами.

— Вот кто вас атаквал и взял в плен, — сказал я пленному офицеру.

Фашист тяжело вздохнул.

Всю ночь в полосе прорыва армии шли схватки с врагом.

16 января после 30-минутной артиллерийской подготовки дивизии обоих корпусов нашей армии вновь атаквали противника. Наш корпус, отразив до десяти контратак, прорвал в районе высоты 139,5 вторую полосу обороны. Так же успешно действовали и соседи.

С утра 17 января с целью развития наступления на Ропшу в бой был введен танковый резерв — 152-я танковая бригада и 17-й самоходно-артиллерийский полк, а на следующий день — 108-й стрелковый корпус. Ожесточенные бои продолжались несколько часов. И лишь ночью Ропша была взята штурмом. Здесь же, у Ропши, 19 января соединились войска нашей и 42-й армий.

На этом завершился первый этап операции Ленинградского фронта. Войска 2-й ударной армии, действовавшей с Ораниенбаумского плацдарма, и 42-й армии, наступавшей от Пулковских высот, нанося удары по сходящимся направлениям, за шесть суток напряженных боев прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника с многочисленными дотами, дзотами и мощной артиллерией. При этом они разгромили петергофско-стрельнинскую группировку 18-й немецкой армии. Была захвачена вся тяжелая артиллерия фашистов, которая варварски обстреливала Ленинград, наши войска отбросили врага от юго-западных подступов Ленинграда и образовали общий фронт наступления на юго-запад.

Страна радостно встретила сообщение об успехах советских войск под Ленинградом и Новгородом. Особенно радовались ленинградцы, пережившие девятьсот долгих дней и ночей блокады. 19 января 1944 года Москва салютовала войскам Ленинградского фронта, завершившим разгром петергофско-стрельнинской группировки врага. 24 стрелковых, танковых, артиллерийских, авиационных, инженерных соединений и частей были удостоены наименования Красносельских, а 13 — Ропшинских. Стала именоваться Ропшинской и наша 90-я Краснознаменная стрелковая дивизия. На боевом знамени дивизии засверкал орден Суворова II степени. В эти дни мы были дважды отмечены в приказах Верховного Главнокомандующего, а также получили поздравления из штабов корпуса, армии и фронта.

— Вроде как именинниками стали, — шутил начальник штаба дивизии полковник Г. И. Лукьянов, подавая поздравления и наградные листы. — Не грех и чарку поднять.

— Раз именинники — можно.

Впереди было еще полтора года войны. Впереди были оккупированные деревни, города, республики и целые страны, которые нам предстояло освободить, но никогда мы так не ликовали, как в тот день — день освобождения Ленинграда от блокады, день нашей первой по-настоящему большой победы на этом театре военных действий.

Теперь эта надпись — только напоминание о блокадных днях * Ветераны Великой Отечественной войны — защитники Ленинграда * Этот зал Ленинградской филармонии выглядел совсем иначе в суровые дни обороны города. Но и тогда здесь звучала музыка.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Пискаревский мемориал * Известен трагический дневник Тани Савичевой. Но не все Савичевы погибли. Старшую сестру Тани, Нину Николаевну Павлову, и ее внучку Светлану, ныне ровесницу Тани, вы видите на центральном снимке (справа — сохранившийся портрет Тани) * Эти тонкие книги размером в ладони были выпущены в городе в самые тяжелые дни блокады.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Трамвай идет на фронт

О. ПЕТРИЧЕНКО

Я родился в войну, но представлял ее лишь по кинофильмам, в которых каждый бой заканчивался нашей победой. Я родился в городе, пережившем блокаду, но не знал, что такое голод, потому что сам не голодал.

Став подростком и впервые задумавшись над истинным значением многих слов, я поднялся однажды около пяти утра и пошел по хорошо знакомым улицам. Густо валил снег, еще не ходили трамваи, темны и пустынные были пространства площадей и проспектов.

Мы жили тогда в районе бывшего ипподрома, и, чтобы достичь цели, мне предстояло одолеть улицу Марата, Кузнечным переулком выйти на Владимирскую площадь, оттуда по Владимирскому, Литейному, Лесному проспектам, через Неву, мимо Финляндского вокзала добраться до педиатрического института. Там всю войну работала нянечкой моя бабушка. Она очень любила детей, и сердце ее разрывалось между долгом и жалостью: дома ее ждали собственные девочки, в больнице — измученные, раненные ребята, и для многих из них она осталась единственным близким человеком. Вот почему каждый день, несмотря на бомбежки, артобстрелы, шатаюсь от истощения, усталости, одолевала она этот неблизкий путь — семь километров туда, семь обратно. Шла пешком — сначала трамвай не было, а когда появились, у нее уже не было сил, чтобы втиснуться в редкие, донельзя переполненные вагоны...

В память о бабушке в семье осталась медаль «За оборону Ленинграда». Точно такая же поблескивает на форменной тужурке моей сегодняшней собеседницы, Е. Ф. Агаповой. Ефросинья Федоровна — первый и единственный за всю войну водитель трамвая, удостоенный высшей награды Родины — ордена Ленина.

В канун священного для каждого ленинградца юбилея — 40-летия со дня снятия блокады — мы встретились, чтобы проехать по городу ее фронтовым маршрутом. Но никак не клеилась, не ладилась сначала наша беседа: каждый думал о своем, и меня вот воспоминания унесли в такой же, теперь уже далекий январский день, когда предпринял я наивную мальчишескую попытку испытать на себе хотя бы частицу того, что вынесли, с чем справились мои земляки в те страшные годы.

— Долг был у нас один — выстоять, выжить, — как бы продолжая мои мысли, заговорила Ефросинья Федоровна. — Самой страшной зимой сорок первого года подписал мне голод смертный приговор. Пришла к доктору, потому что ноги опухать начали, а он руками разводит: «Дистрофия это, девонька, как до сердца дойдет, помрешь». А я молоденькая еще была, жить хотела. Конечно, разревелась, умолять стала: спасите. Хоть и сама понимала — нет в городе от голода лекарств, тут не врач, еда нужна.

Однако доктор все-таки помог. Дал он мне записку к директору трамвайного парка, чтобы направили меня в стационар, потом спрашивает: «Ты комсомолка?» «Комсомолка», — отвечаю. «Ну так помни, фриц ждет не дожидется твоей смерти. Неужели ты ему такой подарок сделаешь, подарок врагу?»

Ох, как задела меня эти слова. Нынче вон много говорят про разные неиспользованные резервы организма. Не знаю, какие такие резервы обнаружили у меня — дистрофия, только, поверите ли, всего через несколько месяцев почти на том же скудном пайке я уже донором стала. И сдавала кровь до тех пор,

Ленинградский ордена Ленина военный округ. Ракетчики капитана Е. Митрофанова выдвигаются на позиции * Кавалер ордена Ленина и других наград, коммунист с 1927 года И. А. Сидоров рассказывает молодым войнам о боях за Ленинград * Атакуют танкисты.

Фото Н. Арьева

пока места на венах живого от уколов не осталось. Стационар, наверное, тоже немного помог, однако и там люди угасали. А я вот, считай, на одной злости к врагу поднялась.

Голод... От него в Ленинграде погибло 641 803 человека. Воображение не в силах постичь весь ужас этой цифры, не было в истории человечества трагедий таких масштабов.

Дневник Тани Савичевой, ставший впоследствии всемирно известным обвинением фашистским преступникам на Нюрнбергском процессе, мог быть написан и в нашей коммунальной квартире: до войны здесь жили тридцать человек, а блокаду пережили лишь трое.

Зимой сорок первого — сорок второго года просторная, старинная лестница нашего дома, сумрачный подъезд стали кладбищем. Рядом с подворотней был жакт, где полагалось ре-

Ефросинья Федоровна Агапова.

гистрировать умерших, но, поскольку мало у кого хватало сил выстоять положенную очередь, покойников, завернутых в простыни, тряпки, складывали у нас на ступенях лестницы. Моя мать потом рассказывала, что, вынося ведра, больше всего боялась обидеть их, невзначай плеснув водой в открытые, невидящие глаза.

Люди чувствовали приближение собственной смерти. Многие коммунисты, комсомольцы приходили в райкомы, чтобы сдать свои документы. Объясняли просто: «Завтра я умру, не хочу, чтобы они попали в чужие руки».

Тем, кто остался жить, надо было думать не только о павших, но и о живых. Весна несла тепло, а с ним и опасность эпидемии. Для очистки города были созданы ударные комсомольско-молодежные бригады. Секретарь Ленинградского городского комитета комсомола В. Н. Иванов писал: «Мы боялись за психологию детей, девушек и молодежи при обращении с этими трупами, от которых очищали город. Если написать в сводке, то это должно выглядеть так: комсомольские организации привели в порядок траншеи и убежища. На самом деле эта работа не поддается описанию».

Страшно представить все это. А каково пережить? Но город не сдался.

Победив собственную смерть, Е. Ф. Агапова 15 апреля 1942 года вывела из трампарка

Блохина на улицы осажденного Ленинграда первый пассажирский трамвай. Первый после вынужденного с 8 декабря 1941 года перерыва. Тогда внезапно и надолго прекратилась подача электроэнергии, и 52 поезда застыли на линии. Засыпанные снегом, обледеневшие, они стали горьким напоминанием об иной, казалось, навсегда ушедшей жизни.

Прекращение движения было тяжелейшим ударом. По расчетам ученых, действующий трамвай сохранял ленинградцам в среднем по 400 калорий в день, которые они теперь были вынуждены тратить на пешее хождение. Чтобы яснее представить себе масштабы этой потери, сопоставим такие цифры: сто граммов нынешнего простого ржаного хлеба содержит 217 калорий... «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам», в которых на какую-то долю настоящей муки приходилось немало жмыха, отрубей и других примесей, заключали в себе дай бог половину тех калорий. Нетрудно высчитать теперь «питательность» ленинградского трамвая: он не просто сокращал расстояние — сберегал жизнь.

Фашисты хорошо понимали значение этого единственного действовавшего вида городского транспорта. За ним шла педантичная, ни на один день не прекращавшаяся охота. На вражеских картах в числе особо важных целей наряду с оборонными предприятиями значились трампарки и трамвайные остановки в самых людных местах. Более тысячи прямых попаданий — вот страшный итог этой охоты.

— Никогда не забуду я тот день пятнадцатого апреля, — вспоминает Ефросинья Федоровна. — Села в кабину, тронула ручку контроллера и вдруг испугалась, а поедет ли? Но вагон ожил, застучали колеса, и я медленно выехала за ворота парка. Выехала, путь свободен, а я все жму и жму на педаль звонка. И плачу. Плачу от горя за всех, кого потеряла в эту зиму, и от радости, что сама жива, что город вокруг живой. И люди, откуда только взялись, спешат к остановкам. Худющие, страшные, как черти: у кого слезы в глазах, у кого улыбка страшной слез; бабушка какая-то крестить мою «тройку» начала, вроде бы я с того света прибыла. Маршрут у меня через весь город был, так я ехала, праздник с собой везла: народ обнимается, «ура» кричит, будто уже блокаду прорвали. А был только двести девятнадцатый ее день. И сколько всякого ждало еще впереди.

Историки впоследствии назовут этот день переломным в блокадной эпопее. И хоть много еще горя и крови принесет она, однако первая победа, одержанная над врагом безоружными людьми, не только прибавила сил им самим, но и во многом деморализовала врага.

В книге ленинградского журналиста Я. Г. Голдеса, посвященной истории трамвая, приведена запись допроса пленного немецкого артиллериста-фрейтора Фолькенхорста:

— К ночи пятнадцатого апреля мы, как всегда, пришли на точку: я и Курт Шмитцбубе, мой второй номер... Стояла сырая апрельская ночь с низкими облаками. Все вокруг выглядело, как обычно. Та же тьма, тот же холод. Но там, над Ленинградом, по тучам бежали какие-то странные голубые вспышки. Не ракеты, нет, нечто совсем другое! «Курт, — сказал я, — что это за странная иллюминация? Уж не собираются ли русские применить какое-нибудь новое секретное оружие?» Курт забрался на крышу блиндажа и долго смотрел в сторону города. «Черт меня возьми совсем, Фолькенхорст! — проворчал он наконец. — Они пустили трамвай!... Пустили трамвай? Русские? В Ленинграде, на восьмом месяце блокады? Я задумался. Зачем же мы мерзли здесь всю зиму? Зачем росли леса крестов на наших дивизионных кладбищах? Зачем мы кричали о неизбежной гибели жителей города; о нашей победе, если они... пустили трамвай?»

Это было сильным ударом. За ним последовали другие.

...Шестого мая 1942 года в ответ на фальшивку гитлеровцев, выпустивших иллюстрированную газетенку «Ленинград — город мертвых», на заполненном болельщиками стадионе «Динамо» состоялась встреча одной из популярнейших команд страны — ленинградского «Динамо» со сборной гарнизона. Репортаж об этом матче на следующий день транслировался на передовой, и полтора часа неистовствовала вражеская артиллерия, пытаясь заглушить запись, скрыть правду от собственных солдат.

...Девятого августа 1942 года вновь празднично вспыхнули люстры в Большом зале филармонии. Оркестр радиокомитета под управлением К. Элиасберга впервые исполнил здесь Седьмую, «Ленинградскую», симфонию Д. Шостаковича. Этот гимн подвигу непокоренного города слушал весь Советский Союз, передачу принимали радиостанции многих стран мира.

Окруженный, израненный Ленинград нанюсил сокрушительные удары врагу не только огнем своих батарей. Сильнее любого оружия было мужество его жителей.

— Говорят, что новое — это хорошо забытое старое, — замечает Ефросинья Федоровна. — Я вот слушаю по радио, смотрю по телевизору, как стараются перепугать нас американские генералы новыми ракетами да бомбами, и вспоминаю гитлеровскую пропаганду. Тоже каких только страхов нам не сулили, каких лютей смертей не обещали, если не сдадимся! Однако сломить так и не смогли. Взять хотя бы девчонок наших. Самые обыкновенные, не героини. Многие из деревни, громче грома да коровьего мыка никогда ничего не слышали. И вдруг на них бомбы сыплются по тысяче килограммов. Да ладно бомбежили, там хоть заранее по радио предупреждали. А вот артобстрелы — это действительно беда. Иной раз едешь — солнышко, трава на газонах молодая зеленеет, люди в вагоне оживленные, смеются даже. Нет войны, да и все тут. И вдруг грохот, разрывы, кругом осколки жужжат, кричат раненые. И только потом радио заголасит: «Внимание! Внимание! Говорит штаб противовоздушной обороны. Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улицам прекратить, населению немедленно укрыться».

Я и сама вижу, что подвергается... Был ли страх? Конечно, был, сразу какая-то ледяная ладошка грудь стискивала. Но страх страхом, только долг куда сильнее. О себе как-то и не думаешь, за секунды решать надо: либо увести трамвай вместе с пассажирами из опасной зоны, либо отправлять всех в укрытие, если, конечно, оно поблизости имеется. Потом пообвыкли, и снарядам уже с разбором подходили: ага, эти нехрупкие, переживем, а вот от этих уноси ноги — раскрошит. И ладно, если б было куда унести их, ноги-то. Покоρεжит взрывом рельсы спереди-сзади, порвет контактную сеть, вот и все — хоть тут помирай, хоть рядом ложись. Да и не бегали мы от вагонов никогда. Вон водителю нашему, Булановой, когда она вела «двенадцатый» через Кировский мост, осколками раздробило грудь, ноги, кровью истекла, сознание теряла, а вагон не бросила, довела до улицы Куйбышева, где пассажиры смогли укрыться. Тоже и Чуева, людей спасла, а сама с площадки уже сойти не могла. Я-то везучая была — даже не оцарапало ни разу. И вагон мой уцелел.

Везучая... Слушаю Ефросинью Федоровну, а вспоминаю строки из акта городской комиссии: «3 августа 1943 года у трамвайной остановки против дома № 52 на Невском проспекте артснарядом было ранено 49 и убито 43 человека. 22 декабря 1943 года у трамвайной остановки против дома № 51 на Невском проспекте разрывом двух артснарядов разрушено 3 вагона, ранено 69 человек, убито 29».

Работа молоденьких девчонок-водителей была игрой со смертью. Игрой, в которой у них не оставалось никаких шансов, кроме собственного мастерства и отваги. Маршрут Агаповой проходил по наиболее оживленным, а значит, и наиболее пристрелянным районам: выезжая из парка, она двигалась по улице Куйбышева, через Кировский мост по Садовой, пересекала Невский, выезжала на нынешнюю площадь Мира и оттуда прямым, как стрела, Международным (сейчас Московским) проспектом шла до «Электросилы». Через пять километров был фронт. И ей случалось подвозить бойцов прямо к окопам. Солдаты посмеивались: никогда не слышали о таком виде десантной техники, как трамвай. И уходили в бой. А она под обстрелом, под прицельным огнем спешила обратно. Путь определяла колея, варьировать Агапова могла только скоростью, опережая разрывы или отставая от них. Так что

везение везением, но главное-то все же храбрость и техника.

— Пассажиры были главным, забота о них, — уточняет Ефросинья Федоровна. — Тогда ведь просто так, заради удовольствия, люди не разъезжали, а в основном с работы да на работу. И если не по фамилиям, то в лицо знали друг друга многие. С Петроградской стороны до Невского ученые, артисты ездили — в Публичную библиотеку, театры. Но большинство в трамвае, конечно, рабочий люд составлял да военные — маршрут у меня мимо многих заводов к передовой шел. А наши девчонки иногда возили детишек из разных районов к Московскому вокзалу — в эвакуацию их отправляли. Так вот, никому такой муки не пожелаю: видеть, как матери с ними прощаются. Сейчас вон сынок в пионерлагерь на автобусе поехал, так сколько в доме тревог: хорошо ли добрался. А тогда одна Ладога чего стоила, сколько смертей той дорогой караулило. И телеграммы не подашь, жди, когда с Большой земли письмо придет, если будет кому послать.

Раз возвращаюсь в парк, подругу встречаю. Уж на что тогда к скорбным лицам привыкла, но тут и у меня все оборвалось. «Да что с тобой?» — спрашиваю. Молчит. И долго молчала. Лишь через несколько дней смогла рассказать, как одну девчущку мать провожала и все просила ее, водителя, домой потом к ней зайти, рассказать, как хотя бы до городской окраины доехали. И адрес дала. Надо же такому случиться — при ней эти жизни и оборвались. Сначала в грузовик, на который девчущку пересадили, снаряд попал, а когда все же собралась с силами пойти к ее родным, дома не нашла — авиабомба как ножом этажи срезала.

...Мы проезжали по светлым, просторным улицам красивейшего города мира, на каждый квадратный километр которого было обрушено в среднем по 16 фугасных, более 320 зажигательных бомб и 480 снарядов. И в памяти невольно возникали кадры воен-

ной кинохроники, фотодокументы, на которых те же улицы, дома обезображены жуткими отметинами.

И люди. Изможденные, смертельно уставшие, но несдавшиеся.

...«Электросила». Трамвай не доезжал тогда до завода 200 метров. Кондуктор предупреждал: «Вагон дальше не пойдет. Дальше фронт».

«Но и в самые черные дни, — рассказывал ветеран предприятия Ю. Врублевский, — самолеты спецрейсами вывозили из осажденного города быстродействующие выключатели для управления агрегатами, применяемыми в производстве цветных металлов. Их делали у нас, и на каждом стоял штамп: «Сделано в Ленинграде в период блокады».

7 ноября 1943 года фашисты обстреливали завод 5 часов 25 минут непрерывно. Было зарегистрировано 211 разрывов тяжелых фугасных снарядов и до 400 осколочных, шрапнельных и зажигательных. И все-таки это был акт бессилия: к 26 годовщине Великого Октября, несмотря на обстрелы, нехватку топлива, сырья, людей, электросиловцы сумели сделать три турбогенератора, десять крупных машин постоянного и переменного тока, множество других изделий. К маю 1944-го был выполнен уникальный по тем временам заказ — исполнский гидрогенератор для Рыбинской ГЭС. Он стал своеобразным памятником стойкости электросиловцев — металлический корпус его щедро полит кровью ленинградцев, павших на своих рабочих местах».

Здесь, на Московском проспекте, в январе 1944 года был сделан снимок, обошедший впоследствии многие издания мира: по одной колее друг за другом идут на фронт танк и трамвай — боевая, защищенная крепкой броней машина и сугубо штатский, немного неуклюжий вагончик.

— Может быть, ваш, — спрашиваю Ефросинью Федоровну.

— Может, и мой, — улыбается она. — Да не в этом, наверное, дело. Главное, что не зря ездили — Победу привезли...

Ленинградский фронт.
Бои за Красное село.

Фото
Б. Лосина.

СЧИТАЮ СЕБЯ ЛЕНИНГРАДЦЕМ

Мне было всего семь лет, когда отец ушел на фронт. Мы с мамой остались в Ленинграде. Сейчас все знают, что такое Ленинградская блокада. Мама, спасая меня, недоедала, ослабла совсем и на моих глазах умерла. Я даже не знаю, где ее могила. Опухшую от голода, меня забрали в детский дом. Помню, как везли нас на машинах через Ладожское озеро, потом в товарных вагонах переправили в Ярославскую область. Там в детском доме мы жили до окончания войны.

Кончилась самая страшная на земле война, и мы вернулись в Ленинград. Есть под Ленинградом станция Ново-Лисино, вот туда в детдом я и попала. Директор был Иван Федорович Ушанов, большой души человек. У нас было свое

подсобное хозяйство, четыре коровы, лошадь... Работали и учились. Устраивали концерты. Помню встречу с героями-краснодонцами Валей Борц и Жорой Арутюнянцем.

Сейчас, когда так прекрасна жизнь в нашей стране, над нами нависла угроза новой, ядерной войны. У меня трое детей, и я хочу, чтобы они, мои внуки и миллионы детей на всей земле жили в мире. Мы, матери, должны сделать все, чтобы преградить путь ядерным ракетам, чтобы никогда не воплотились в жизнь планы Белого дома.

г. Абай,
Карагандинская обл.

* * *

Очень тронуло, взволновало меня стихотворение Мойна Бсису «Таня», напеча-

танное в № 39 «Огонька». Палестинский поэт написал о маленькой ленинградской девочке Тане Савичевой, блокадный дневник которой известен сейчас всему миру. Сильное стихотворение! Мойна Бсису смог глубоко понять русскую боль, русский характер и что такое 900 дней блокады Ленинграда. Ленинград голодал, замерзал, но он был частью нашей огромной страны.

В Палестине сегодня страдает весь народ. Больше пишите о нем, весь мир должен знать, кто виновник его бед.

Мне 37 лет, работаю на железной дороге старшим инженером. Приезжайте к нам в Харьков. Моя мать и брат живут в Ленинграде, и себя я считаю ленинградцем, может быть, еще и поэтому так взволновали меня стихи Мойна Бсису.

В. ДЬЯКОВ

Харьков.

Петр ГРАДОВ

* * *

Горят Бадаевские склады...
С пожаром борется народ,
еще не зная,
что блокада
отсюда
поведет свой счет.

Но сквозь оранжевое небо,
что пламенеет,
как закат,
уже свою осьмушку хлеба
блокадный
видит
Ленинград.

ОБЛАКА

О блокаде
напомнили мне облака...
Вот плывут они —
снега белей,
и приходят,
приходят издалика
боль и горечь
тех страшных дней.

Так же плыли они
и тогда надо мной,
закрывая собой небосклон.
Ясно помню,
как их чистотой неземной
в сорок первом
я был поражен.

Не смотреть мы старались
на небо тогда.
Доля наша была нелегка.
С неба к нам приходила
обычно беда.
Ну а тут —
облака, облака...

Даже снег в декабре
от войны почернел.
Только мы неразборчивы были,
и из этого снега,
хоть был он не бел,
на «буржуйках»
чаек кипятили.

Довоенного снега казались белей
облака.
Проплывали беспечно.
И подумалось мне:
сколько гибнет людей,
а они будут плыть
вечно, вечно...

И казалось,
что шепчут они с высоты,
проплывая над городом
стройным:
— Если после блокады
останешься ты,
жить старайся легко
и достойно.

И уплыли они
далеко, далеко,
белокрыло —
за аистом аист...
До сих пор я не знаю,
что значит легко.
А достойно —
с трудом, но стараюсь.

Э

тот парк не похож на другие. Стройные, высокие, необычайной белизны березы. И только березы. Словно мощные лучи света из подземных глубин устремляются в синее небо. Здесь всегда тишина, хотя каждый день через парк проходят сотни людей: чтобы попасть из привокзального района в центр Арзамаса, надо пройти парк. Когда-то на этом месте было старое арзамасское кладбище. В 1927 году тут с воинскими почестями был похоронен член партии большевиков, бывший комиссар революционного полка Петр Исидорович Голиков. Ныне в центре парка на высоком постаменте установлен памятник его сыну. С военной осанкой, улыбаясь, в длиннополной шинели писатель Аркадий Петрович Гайдар любит родным городом. И парк именуется Гайдаровским...

Он родился под Курском, на Сейме-реке, в тихом степном Льгове. Детская память сохранила маленькую комнату с низким потолком, где жила семья учителей Голиковых. Школа была тут же, за деревянной стеной. Сына-первенца назвали Аркадием в честь одного из дедов, Аркадия Салькова, выходца из обедневшего дворянского рода, отставного штабс-капитана. Мать Наталья Аркадьевна пела над колыбелью сына русские и украинские песни: росла она в Киеве с неласковой мачехой, не могли простить ей брак с курским «мужиком» Петром Голиковым, родом из Щигров. Впрочем, Петр Исидорович выучился на учителя, и многочисленные его ученики относились к нему с неизменным уважением. В 1910 году семья переехала на Волгу, в Нижний Новгород. Жили

в Сормове, где Наталья Аркадьевна училась на фельдшера, а в 1912 году переехали в Арзамас. Маленький деревянный дом — три окошка на улицу Новоплوتينную, полукруглый навес над калиткой. В своей повести «Обыкновенная биография в необыкновенное время», переименованной потом в «Школу», писатель вспоминает: «Тихий и патриархальный был у нас городок...».

Поражает стремительность, с которой Аркадий Голиков шагнул от «морских батальонов» с мальчишками на арзамасском пруду в настоящие бои, в жизнь.

Пришел 1914 год, и отец Аркадия уехал на фронт. Десятилетний мальчик провожал воинский эшелон. «За окном трещали барабаны, гремела военная музыка, и с маршевой ротой ушел на вокзал отец, — писал он позже. — Помню — вечерело. Крепко пахло на вокзале нефтью, карболкой и антоновскими яблоками, которых уродилось в тот год неисчислимая сила. И как раз помню, когда уже отошел поезд, остановился я на мостике через овраг. Удивительным цветом горело в тот вечер небо. Меж стремительных, но тяжело-угрюмых туч над горизонтом блистали величаво-багровые зарева. И казалось, что где-то там, куда скрылся эшелон, за древней Морозовкой, загоралась иная жизнь...» Арзамасец А. М. Гольдин вспоминал: «Перед выборами в учредительное собрание каждая партия расклеивала по городу и давала на руки прохожим листки со своими лозунгами и призывами голосовать за их кандидатов. Значительное количество листовок кадеты привезли в училище... Аркадий забирал этих ли-

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
А. П. ГАЙДАРА

ЗВЕЗДА
ГАЙДАРА

«Гайдаровский
пруд».

Фото
автора

стовок больше всех... Но он и не думал агитировать за кадетов. Все листовки он сносил в сарай старой большевички Гоппиус, где их и уничтожали. Здесь же он забирал листовки партии большевиков и расклеивал их по городу».

Мария Валерьяновна Гоппиус рекомендовала Аркадия Голикова в партию. 27 августа 1918 года четырнадцатилетний Аркадий, работавший уже секретарем первой арзамасской большевистской газеты «Молот», подает заявление: «В комитет партии коммунистов. Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП, ручаются за меня товарищи Гоппиус, Вавилов». В ноябре того же года коммунист Голиков вступает в Красную Армию. Пятнадцати с половиной лет он командир боевой роты; в шестнадцать — командир красного революционного полка в Воронеже; под его началом — четыре тысячи человек! Ранения и контузия не позволяют юному комполка поступить в военную академию в Москве. Двадцатилетний Аркадий Голиков получает длительный отпуск, а затем его по состоянию здоровья демобилизуют из армии. Все, что у него остается, — это рукопись повести «В дни поражений и побед», которую он начал писать в декабре 1922 года. Он мог стать выдающимся военачальником. Он стал выдающимся писателем.

Холодной, промозглой осенью 1924 года в Ленинграде, в доме на Невском под «шаром крылатым», где размещалось издательство, Аркадий знакомится с писателями С. Семеновым, М. Слонимским, К. Фединим. Им на суд отданы тетрадки с первым произведением. Недели ожидания. Проданы комсоставская шинель, хромовые сапоги... Наконец, он услышал слова Константина Федина, слова пророчества и напутствия:

«Писать вы можете и будете писать!» И здесь же, в Ленинграде, пишет свой удивительный рассказ «РВС». Рассказ этот и повесть «В дни поражений и побед» вышли в свет в 1925 году. В Хакасии, преследуя контрреволюционные банды, не раз слышал он вопросы местных бойцов: «Голиков, хайдар?» — «Голиков, куда, в какую сторону?» И осенью 1925 года фельетонист пермской газеты «Звезда» Аркадий Голиков впервые подписывает свой рассказ «Угловой дом» именем, известным ныне всем, — Аркадий Гайдар.

Были в его судьбе Свердловск, Архангельск, Хабаровск, путешествия по Средней Азии, Кавказу и Крыму. Гайдар признавался, что нигде ему так хорошо не спится, как на жесткой полке грохочущего вагона. Тимур Гайдар, сын писателя, вспоминает: «Было это еще тогда, когда жили мы в Архангельске и исполнилось мне всего четыре года. Мать училась в совпартшколе, а отец работал корреспондентом какой-то газеты, и дома его никогда не было. Только присылал он письма да телеграммы, вроде таких: «Тимур Гайдар — кругом пожар, в окно не лазь, не безобразь». В странствиях рождались знаменитые гайдаровские произведения: «Всадники неприступных гор», «На графских развалинах», «Школа», «Дальние страны», «Чук и Гек», «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Судьба барabanщика», «Тимур и его команда».

«Тимур» писался в 1940 году. В эти предвоенные годы Гайдар часто живет и работает под Москвой — в Клину, Клязьме, Ильинском, Старой Рузе, Болшеве. «Как я живу? Я встаю, с полчаса до завтрака гуляю по лесу. Лес желтый, но и зеленый еще много. После завтрака сразу же сажусь за работу, за час до обеда кончаю,

немного погуляю, сыграю партию в бильярд. После обеда очень тихо, и я с наслаждением читаю. Вечером, после ужина, я опять работаю, но уже немного. Вечера пошел в лес, зажег костер, сидел и грел руки...» — так рассказывал писатель о себе.

...Железная дорога идет от Канева на Золотоношу. Осенью сорок первого тут шли тяжелые бои. Если выйти на полустанке Леплява, затем пешком пройти до первого переезда в направлении Золотоноши, можно увидеть будку путевого обходчика. «Там есть будка, вот около этой будки, на правой стороне железной дороги, метрах в пяти от полотна, и похоронен он...» — эти слова написал жене Гайдара лейтенант Абрамов, один из тех партизан, кого ценою своей жизни спас Аркадий Петрович Гайдар 26 октября 1941 года. Ему было только 37 лет. Но ведь только 37 лет прожили Рафаэль и Пушкин, Роберт Бернс и Маяковский... Пятнадцать из тридцати семи Гайдар отдал русской советской литературе. И остался в ней навсегда.

Памятник Гайдару в Арзамасе... Улыбаясь, в накинута на плечи шинели, Гайдар идет по своему Арзамасу, освещенный белоствольем берез. В последний раз он приезжал сюда в 1935 году и писал в доме друга Николая Кондратьева «Голубую чашку». Ныне в городе два музея Гайдара: мемориальный — в доме, где прошло детство писателя, и литературный, с библиотекой его имени. В педагогическом институте имени А. П. Гайдара издаются сборники статей по проблемам творческого наследия писателя, проводятся регулярные научно-теоретические конференции. Создан здесь научный Гайдаровский кабинет.

Георгий БЛЮМИН

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. А. БАБОЧКИНА

Г. ЖЖЕНОВ,
народный артист СССР

Я ленинградец и помню Бориса Андреевича молодым актером в пьесе Афиногенова «Страх». Мне нравился его Чацкий — живой, энергичный, протестующий. Но более всего он покорила меня в роли самозванца Гришки Отрепьева в трагедии «Борис Годунов». Он был подобен сжатой пружине, которая на наших глазах распрямлялась. Я люблю сильные натуры, и Борис Андреевич стал для меня идеалом артиста и человека, я хотел походить на него, следовать его примеру, учиться у него. В Ленинграде в те годы много было прекрасных актеров, но самым интересным среди молодых был Бабочкин.

Потом мне довелось с ним ближе познакомиться на съемках «Чапаева», которые происходили летом 1933 года под Калинином. Помещались мы все в избе, в одной комнате. Жили хорошо, дружно. Борис Андреевич был справедлив, прям и категоричен. Я сам в свои восемнадцать лет вел себя смело, да и другие тоже. Думаю, что без этого вольного духа актерам никогда бы не сыграть «Чапаева» так, как они его сыграли.

Помню Бориса Андреевича в нашем общении: изысканный, прямой, как струна, ловкий. Мы учились верховой езде в Сосновке.

Мо

Борис Андреевич сел на коня первый раз в жизни и сразу поехал, как опытный кавалерист. За нами были закреплены кони, и мы должны были ухаживать за ними, как положено по уставу: чистить, мыть, седлать, расседлывать, поить, кормить. И тут Борис Андреевич опередил всех, с такой сноровкой и любовью к животному он все это выполнял.

Поразил меня Борис Андреевич своей выдержкой. Однажды мы скакали на съемку, бурка у него сползла набок и попала под ноги лошади, он упал, и весь наш отряд пронесся над ним. Умные кони не причинили ему вреда, а он поднялся на ноги, смеясь и шутил.

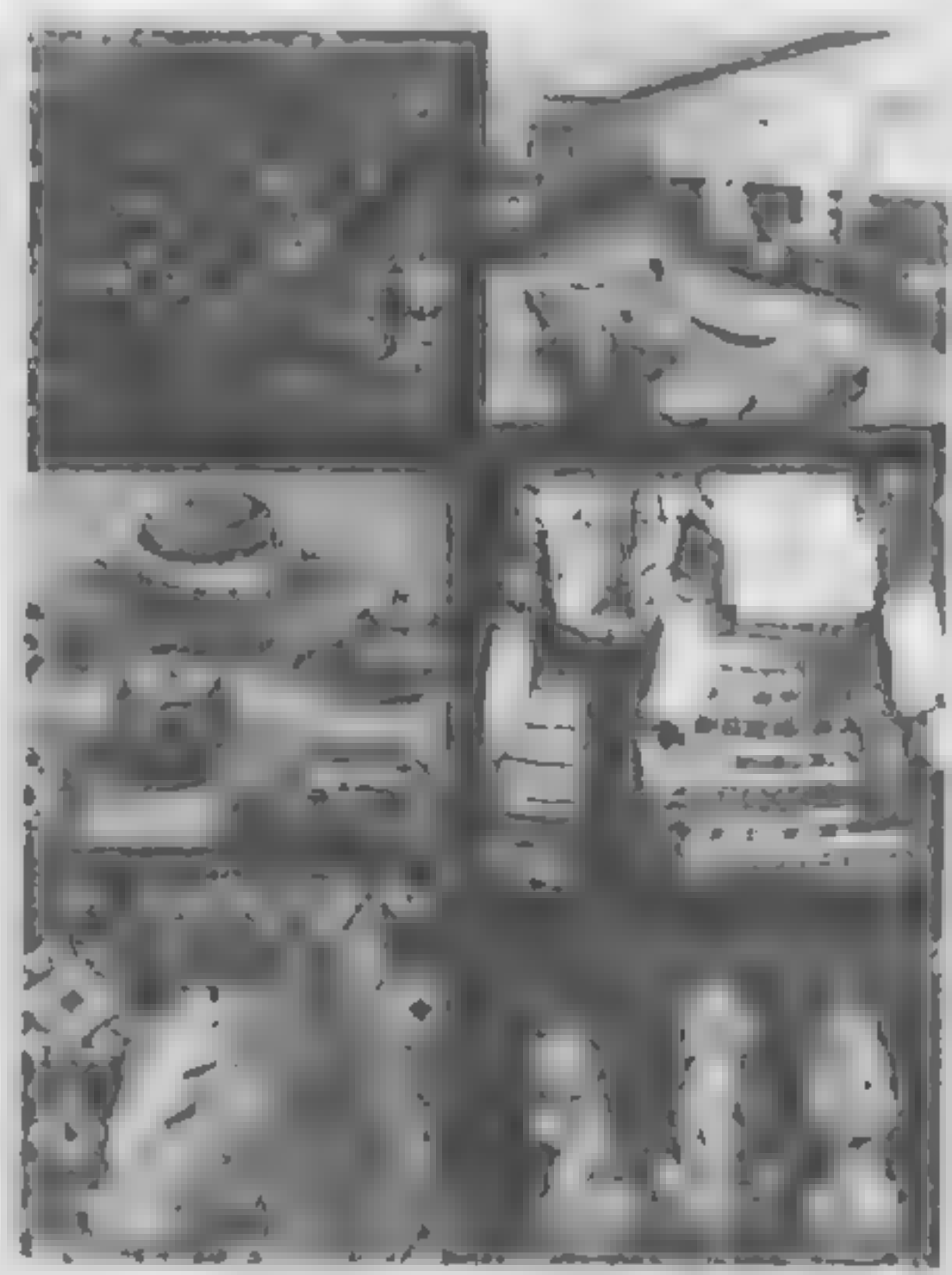
Как-то в ожидании съемочной погоды все разъехались кто куда. Я поехал за Борисом Андреевичем, и мы набрали на старика крестьянина, который рыбачил на берегу Волги. Борис Андреевич заговорил с ним, и старик рассказал нам, как он был в Петербур-

ДЗЯКУЕМ!

Спорткомплекс «Раубичи», расположенный в двадцати километрах от Минска, известен не только любителям спорта. Несколько лет назад здесь открылся Музей белорусского народного искусства.

Еще до назначенного часа пришли в тот день из соседней деревни четыре старушки и попросили разрешения посмотреть все до срока, чтобы засветло вернуться домой. Ходили долго, молча, изредка обменивались понимающими взглядами. Спустились — лица строгие, важные; стали одеваться. Несколько растерявшись от такой реакции, я решила спросить, понравилась ли им у нас. Старушки повернулись, и одна с поклоном сказала: «Дзякую табе, дзетна!» — и, заметив остальных сотрудников, добавила: «И вам усім дзякуем!» На лицах ее подруг вдруг расцвели улыбки, они согласно закивали. Это теплое и немногословное «дзякуем» было первой и едва ли не самой высокой оценкой для нас.

Искусство народа — неисчерпаемый источник, заключающий в себе огромные духовные ценности, и приобщение к нему нашего современника — задача музея. Но прежде надо было создать сам музей, а это оказалось нелегко. Нет больших врагов у культуры, чем войны; на долю Белоруссии их выпало немало. Они не только уносили жизни, разрушали экономику, они уничтожали памятники культуры. Вывезена фашистами из

Минска картинная галерея, и следов ее не найти. Превращены в развалины памятники архитектуры, сожжены и разграблены музеи и библиотеки. Огромный урон потерпели шедевры народного творчества, резьбы и керамики. А те, что уцелели, до сих пор напоминают о войне следами плесени, обгоревшими краями: их прятали от грабителей в землю, выхватывали из горящих домов. Собрать все уцелевшее, создать коллекцию, дающую представление о самобытности народа, стало первой задачей, которая возникла перед сотрудниками Государственного художественного музея БССР после войны. Мы выезжали в экспедиции по сбору материалов, разыскивали мастеров, хранивших вековые навыки, и постепенно сложилось собрание, в котором показаны основные виды народного искусства, издавна существовавшие в Белоруссии.

У нас, к примеру, нет одинано-

вых костюмов: все они в рамках традиционного кроя и все-таки отличаются друг от друга, как и сами же создательницы. Самые простые розетки, треугольнички, квадраты и ромбы создают сложные, неповторимые комбинации, а красные, черные, зеленые нити с добавлением лиловых и малиновых поражают богатством красочных сочетаний. Не случайно художники-модельеры тщательно изучают народный костюм, и на демонстрациях коллекций домов моделей, как цветы, расцветают нарядные платья, созданные по фольклорным мотивам.

Традиционные и формы бытовой керамики — кувшины, глины, глечики, горшки, кринки, миски, терлицы. Но у всех мастеров они иные. В каждом из них и характер автора, и уровень его ремесла, и отношение к миру.

Поражает разнообразие изделий из соломы: короба, гарнцы, севни, шияны, в которых хранили одежду, зерно, копчености, овощи и фрукты, а рядом нарядные пауки, украшавшие центр избы, настенные панно с узорами, выполненные аппликацией из соломы, инкрустированные соломенной сундучки и шкатулки, фантастические птицы и календарные маски — настоящее золотое диво.

...Есть такая традиция: в день бракосочетания молодожены идут к памятнику Победы, отдавая дань благодарности тем, кто воевал за их счастье. «А почему вы приехали еще и к нам?» — спросила я у одной свадебной процессии. Нарядная строгая женщина ответила: «Они должны знать, чем жили их деды и бабки».

Татьяна СТЕПИНА,
заведующая филиалом
Государственного художественного музея БССР

ге в 1875 году и что он там видел. С каким вниманием Борис Андреевич слушал древнего старика!

Помню добрые отношения Бориса Андреевича с товарищами, и прежде всего с замечательным артистом И. Н. Певцовым, его учителем, которого Бабочкин почитал и любил. Дружба с Б. Блиновым — Фурмановым не помешала, однако, Борису Андреевичу яростно на него накинуться, когда тот неожиданно выстрелил над моей головой из дробовика. Дружил он и с Л. Кмитом — Петькой. Как жаль, что этих людей уже нет с нами! Они многое могли бы рассказать о Бабочкине. Он был душевно открыт и доброжелателен к людям.

Съемки фильма «Чапаев» были «моими университетами» в искусстве. Я играл Терешку — ординарца Фурманова и имел возможность наблюдать за работой Бориса Андреевича. С какой охотой, легкостью и озорством он все делал! Все ему было по душе, казалось, что он попал в родную стихию и отдается ей со страстью, с упоением. В нем бушевала колоссальная сила и захватывала всех нас...

Васильевы быстро поняли, что не прогадали, взяв Бориса Андреевича на эту роль, тут было, как говорится, прямое попадание. Весь мир он покорила этой ролью! Для меня тут не было ничего неожиданного, закономерно, что такой талантливый актер столь блестяще сыграл Чапаева.

Через всю жизнь Борис Андреевич пронес заряд энергии, что передается с экрана и со сцены и подчиняет себе зрителей, — в этом для меня заключается волшебство его таланта. Ему свойственно чувство меры, безошибочный вкус, тонкий юмор. Все это проявилось в одной из его последних работ — «Плотнические рассказы». Он остро почувствовал, какие возможности таятся в этом очень русском произведении Василия Белова, и использовал их прекрасно.

«Иванов».

Самозванец в «Борисе Годунове».

«Чапаев».

И ЛЮБИМЫЙ артист

«Дачники». В роли Суслова.

Фото И. ЕФИМОВА

Грознов в спектакле «Правда — хорошо, а счастье лучше».

В спектаклях Горького я увидел новые черты Бориса Андреевича, режиссера и актера, — скепсис, иронию, сарказм. Всегда и во всем этот человек знал, чего он хочет, и добивался своей художественной цели.

Уже после смерти Бориса Андреевича в 1982 году я был в Болгарии на торжествах в честь 100-летнего юбилея Г. Димитрова. На симпозиуме вспоминали Бориса Андреевича Бабочкина, его постановки пьес «Лейпциг-1933» Компанейца и Кронфельда, «Разгром» Лавренева, «Дачники» Горького, которые он осуществил в Софии в 1951—1952 годах. Прошло уже тридцать лет, но болгары поныне вспоминают Бориса Андреевича с чувством благодарности и признательности.

Когда меня спрашивают, кто мой любимый артист, я отвечаю: из русских актеров это Борис Бабочкин.

Я счастлив, что имел честь знать его.

МОСКВА, 41-й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

12

Озадаченный и встревоженный тем, что Сталин и все другие члены Политбюро, хотя налет на Москву длился уже два часа, не появлялись на командном пункте ПВО, который был и надежным укрытием от бомб, Александр Сергеевич Щербаков вышел из зала главного пункта управления в коридор, ощутил разгоряченным лицом, как гуляют здесь свежие струи воздуха, нагнетаемые, видимо, компрессорами, и огляделся по сторонам.

— Прервалась связь с наблюдательной вышкой на здании управления корпуса! — услышал он торопливый говорок узкогрудого и узколицего майора в очках, выбежавшего вслед за ним в коридор. — Полковник Гиршович приказал немедленно восстановить...

— Есть восстановить! — откликнулся старший лейтенант, до красноты рыжеволосый, веснушчатый и с белесыми глазами. Он с группой бойцов-связистов сидел в просторной нише-комнате за столом с телефонными аппаратами.

Два бойца по приказу старшего лейтенанта, стараясь не топтать сапогами, на носках побежали вдоль коридора к лифту.

Щербаков вспомнил, что на крыше здания штаба, под которым был оборудован командный пункт ПВО, есть наблюдательная вышка. Большая часть Москвы видится с ее площадки как на ладони. И он неторопливо пошел вслед за связистами. А в ушах будто застрял скоренький говорок майора в очках: «Полковник Гиршович приказал...»

Только сейчас Щербаков наблюдал работу полковника Гиршовича — начальника штаба корпуса; тот сидел за столом рядом с генералом Журавлевым, у пульта управления, и действительно как бы был правой рукой командира корпуса. Перед Гиршовичем лежал раскрытый журнал, в котором он торопливой и четкой скорописью фиксировал поступающие по всем каналам связи донесения. Туда же записывал и о принятых решениях. Иногда они с Журавлевым о чем-то переговаривались, видимо, советовались, и тогда Гиршович что-то перечеркивал в журнале и делал новые записи. Его бледноватое худощавое лицо, нахмуренные брови выражали крайнюю степень внимания и озабоченности. Казалось, что полковник решал на строгом экзамене какую-то сложнейшую математическую задачу и она ему не давалась.

«Но где же товарищ Сталин?» — в который раз сам себя спрашивал Щербаков, поднимаясь в лифте к верхнему этажу дома, откуда можно было взобраться по лестнице на чердак, а с чердака на крышу, где под броневым козырьком находилась наблюдательная вышка.

Орудийная пальба уже хорошо была слышна в лифте. Но когда Александр Сергеевич появился на крыше дома, ему показалось, что вокруг лютвала гроза с тысячами молний.

— Александр Сергеевич! — испуганно кинулся к нему один из дежуривших здесь наблюдателей. — Нельзя вам сюда! Да еще без каски. Осколки залетают...

— Я на минуту, — спокойно и строго ответил Щербаков, оглядываясь по сторонам.

Это был тот момент воздушного налета, когда к Москве прорвались с запада несколько бомбардировщиков. С наблюдательной вышки хорошо было видно, как плотный и перемещался по ночному небу в направлении центра столицы кипящий вспышками огненный вал сотен взрывающихся зенитных снарядов. А лучи прожекторов, будто нервничая, делались все более подвижными. Вот в их скрещении ярко засеребрилась пылинки — немецкий самолет. Вокруг него густо засверкали красные искры взрывов. Донесся густой, угрожающий грозовой раскат сработавших фугасных бомб... Значит, кое-что удастся врагу...

Из-за гулкой и резкой стрельбы зенитных орудий, простуженного татаканья крупнокалиберных пулеметов и частого тьяканья автоматических зенитных пушек почти не различался на слух рокот самолетных моторов в небе. Одиночные немецкие бомбардировщики угадывались в тех местах, куда устремлялись разноцветные прерывистые нити пулеметных очередей и трассирующих снарядов МЗА — мелкокалиберной зенитной артиллерии. Щербаков увидел, что светящиеся дорожки потянулись в небо почти вертикально от здания штаба корпуса. Значит, самолет прямо над головой.

Послышался нарастающий свист, переходящий в протяжный, жутко холодящий сердце вой; казалось, что это вопит само небо, низвергаясь на город.

Вокруг свирепло, с гулкой многозвонностью ударило по крышам домов, засверкали поначалу будто безобидные вспышки в глубине видимых с вышки дворов и на перекрестье Кировской улицы с Бульварным кольцом.

— Разрядился, гад, зажигалками, — послышался сдавленный страхом голос одного из наблюдателей.

Щербаков действительно увидел, как в тех местах, где сверкнули упавшие зажигалки, будто начали разгораться маленькие солнца, свет которых был бело-слепящим, сердито брызжащим искрами. И только теперь Александр Сергеевич заметил, что на всех домах копошатся люди. Там, где крыши не имели по краям железных решеток-барьеров, мужчины, женщины, подростки попризывывали себя веревками к дымоходам, радиоантеннам, выступам; у иных концы веревок прятались в слуховых окнах, привязанные к чему-то на чердаках.

Когда зажигалки начинали разгораться, то дружинники, кто был поближе к ним, кидались на огонь с железными клещами, с наполненными песком совковыми лопатами или ведрами. Искрящиеся маленькие солнца часто вылетали из слуховых чердачных окон или высившихся над крышами дверей. Они с грохотом катились по жести, озаряя все вокруг ярко-белым мерцающим сиянием. А те зажигалки, которые, не пробив жести, застревали в крышах, вытаскивались и тоже сталкивались вниз. Продолжая гореть на земле, они расплавляли асфальт, опаляли деревья, прожигали, казалось, насквозь мостовые.

Вокруг сделалось неестественно светло: не то наступал белый день, не то чрезмерно лунная ночь. Свет был зловещим, переменчивым, прыгающим в дикой пляске. Казалось, что вот-вот до самого поднебесья взвоет пламя от

запылавших домов, улиц, деревьев Бульварного кольца.

Со всех сторон раздавались мужские и женские голоса, неслись выкрики, команды, вопли, матерщина, предупреждения:

— Не жалея песка, растяпа!

— Глаза, глаза береги, очкарик!

— Без рукавиц не лезь!..

— Дурак,ними кастрюлю с головы, она каску не заменит!

— А ты, мать твою, рот закрой! Влетит — не выплюнешь!

— Не надо водой!.. Выбрасывай клещами! Находились и шутники:

— Эй, соседи! Вы нам кидайте зажигалки, а мы вам — черных кошек!

— Вы свою молодую дворничиху нам швырните!.. А мы вам своего дворника... Не пугайтесь, мы его с недобросом!..

Вдруг все голоса утонули в насадном вое тяжелой бомбы. Казалось, что она падала прямо на здание штаба, но пролетела дальше и, встряхнув целые кварталы города, с ужасающим грохотом взорвалась где-то у Никитских ворот.

Затем на крыше соседнего дома послышался крик-мольба:

— Помогите, миленькие!.. Нору мне отбило! Падаю!.. А-а-а!..

Да, Москва страдала и защищалась. На всех чердаках и крышах жилых домов, административных зданий, кинотеатров, музеев, больниц, магазинов — везде боролись с немецкими зажигательными бомбами москвичи. Иные погибали, если в здание попадала фугаска. Специальные бригады тут же начинали разбирать, растаскивать развалины...

И как не вздрогнет сердце, как не сдавит горло спазма и не закипят на глазах слезы, когда подумаешь, что это плод неустанного труда коммунистов столицы и бессонные ночи его, Щербакова, первого секретаря МК и МКГ. Сколько раз и сколько часов на бюро горкома обсуждали они все то, что требовалось сделать для отпора врагу. Затем обсуждения переносились в райкомы партии города, в парткомы заводов, фабрик, вузов. Как сейсмические волны, распространялись указания Центрального Комитета партии большевиков о том необходимом, что и когда надо было делать, предпринимать, дабы выстоять перед напором фашизма.

Великая сила — партия... Это она всколыхнула на все глубины душу народа и объединила его силы, указала цели...

Перед внутренним взором Щербакова промелькнули знакомые лица секретарей райкомов партии, руководителей Моссовета, председателей райисполкомов, директоров заводов, фабрик, ученых, конструкторов — коммунистов, олицетворяющих собой партию. Вспомнился бывший секретарь Фрунзенского района Гритчин Николай Федорович, которого назначили комиссаром 1-го корпуса ПВО... Тысячи и тысячи коммунистов — лучших из лучших — ушли на укрепление рядов армии, авиации и флота. Надо!.. Ведь действительно встал вопрос, быть или не быть Советскому государству...

Александр Сергеевич посмотрел в небо, перекипающее в огненном крошечке, увидел, как высоко-высоко метался в лучах прожектора серебряный крестик самолета, а к нему тяну-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50—52 за 1983 г. и №№ 1—3 с. г.

лись светящиеся пунктиры пуль, но не с земли, а откуда-то с затемненных промоин неба, с борта невидимого советского истребителя. Пули, в яркости которых мнилась грозная уверенность, будто впитывались серебряным крестиком и словно утяжеляя его и делая неспособным держаться в воздухе. Он действительно вдруг клюнул носом и неуклюже закувыркался к земле, сопровождаемый какое-то время одним прожекторным лучом.

Это падал в сторону Южного речного вокзала сбитый летчиком-испытателем Марком Галлаем немецкий бомбардировщик «дорнье-217».

На железной стойке наблюдательного пункта зазвенел телефон.

— Есть связь! — обрадованно воскликнул дежурный наблюдатель, хватаясь за телефонную трубку. А после того, как он доложил кому-то, что видит с вышки один крупный пожар в стороне Белорусского вокзала и замечен один падающий немецкий бомбардировщик, Щербаков приказал наблюдателю:

— Пригласите, пожалуйста, к аппарату полкового комиссара товарища Гритчина.

Через минуту Гритчин откликнулся из подземных апартаментов командного пункта.

— Николай Федорович, — с тревогой в голосе заговорил с ним Александр Сергеевич, — от товарища Сталина ничего не слышно? Почему никто из Кремля не приехал сюда?

— Как же не приехал? — удивился Гритчин. — Все здесь! И товарищ Сталин!.. В салоне для собраний...

Оказалось, что вскоре после объявления тревоги, когда Щербаков отвлекся на пункте управления к первым докладам о том, что на рубеж нашей воздушной обороны вышло сразу несколько десятков немецких бомбардировщиков, генерал Громадин встретил членов Политбюро у лифта и доложил, что воздушный враг, пройдя над Можайском, приближается к Москве и что наши ночные истребители вступают с ним в бой. Члены Политбюро бесшумно прошли по коридору мимо зала главного пункта управления. Видимо, каждый с тревогой размышлял о том, как сложится обстановка в ночном небе на подступах к столице.

Их заметили почти все, кроме Щербакова.

Александр Сергеевич, успокоившись, спустился с наблюдательной вышки в подземелье командного пункта. В коридоре столкнулся с полковым комиссаром Гритчиным. Чубастый, по-юношески стройный и подтянутый, полковой комиссар ступил с ковровой дорожки в сторону и, щелкнув молодецки каблуками начищенных хромовых сапог, устало улыбнулся. В этой устало-извинительной улыбке, в притушенности с покрасневшими белками глаз и чуть опавшем лице Щербаков угадал крайнюю измотанность Гритчина. Ведь во время отражения налета комиссар корпуса был живым связующим звеном между пунктом управления генерала Журавлева, главным постом ВНОС, оперативной группой прожектористов, начальником артиллерии... Все ощущали его присутствие, слышали ненавязчивое, но нужное всем слово, своевременную информацию о том, что происходило там — в небе, на поверхности земли, на улицах столицы. Гритчин умудрялся, не вторгаясь в телефонные оперативные переговоры, перемолвиться несколькими фразами с военным комендантом гарнизона генералом Ревякиным, командирами и комиссарами полков, узнать, как действуют санитарные и пожарные дружины. Было такое впечатление, что если каждый человек, находившийся здесь, на командном пункте, отвечал за конкретное, порученное только ему дело, то полковой комиссар Гритчин будто был в ответе за все и всех. Щербаков очень хорошо понимал эту неброскую особенность комиссарской работы, знал, что Гритчин видит происходящее здесь, под землей, и там, под небом, как единое целое и, что весьма важно, ощущает людей, накал их нравственных сил, работоспособность и все те качества, которых требует специфика обязанностей каждого. Словно комиссар носил в своем сердце чудодейственный прибор, измерявший атмосферу настроения и всеобщей деятельности в любой отрезок времени, взвешивал все измеренное своим рассудком и запечатлевал в своей памяти.

В салон для собраний Щербаков все-таки

не пошел: что-то сдерживало его. Он свернул в зал главного пункта и стал рассматривать светопланы, пытаюсь понять, что произошло в зоне противовоздушной обороны за время его отсутствия. Но едкая мыслишка все-таки не покидала: никто ведь из партийного руководства, кроме него, не заходил сюда... Что ответить товарищу Сталину, если спросит, почему он, Щербаков, во время работы командного пункта находился то у пульта управления, то на наблюдательной вышке? Однако как же иначе? Главный спрос в случае чего с него — с Щербакова... А собственно, в случае чего?..

Александр Сергеевич вдруг почему-то вспомнил, как на днях генерал Журавлев с тревогой пожаловался ему: «Некоторые товарищи предупреждают, что не сносить ему, Журавлеву, головы, если хоть одна бомба упадет на Москву...»

Когда налет немецкой авиации был отбит окончательно и объявлен отбой воздушной тревоги, Сталин с членами Государственного Комитета Обороны и членами Политбюро молча проследовал по коридору командного пункта к лифту. Увидев Щербакова, вышедшего из помещения главного пункта, он сказал ему бесстрастно-спокойным голосом:

— Пойдемте, товарищ Щербаков, с нами. Итоги будем подводить в Ставке.

Александр Сергеевич удивился, что в Ставку не были приглашены ни Громадин, ни Журавлев. А Сталин будто догадался о его озадаченности и уже в лифте пояснил:

— Военные товарищи пусть немножко передохнут, придут в себя... И им надо сгруппировать информацию... Чуть попозже мы их вызовем по телефону... А вам, товарищ Щербаков, надо подготовить текст сообщения Совинформбюро о результатах налета немцев на Москву и заодно проект приказа, подводящего итоги действий наших пэвзошников.

...Все собрались в кабинете Верховного, в том самом особнячке на улице Кирова, в котором только вчера проводилась проверка готовности ПВО Московской зоны к отражению ожидавшегося дневного воздушного налета немцев на Москву. Сейчас казалось, что это «вчера» было очень давно...

Сталин уселся за свой стол и начал, привычно манипулируя пальцами, набивать табаком трубку... Щербаков, всматриваясь в его уставшее, с резко проступавшими оспинками сероватое лицо, никак не мог угадать, какие тревоги гнездятся в голове Сталина и какие чувства томят его сердце: Сталин казался мрачным, подавленным, будто его мысли не могли чего-то найти важного, блуждая по заросшим травой забвения тропинкам памяти. А может, все проще? Возможно, его подавленность вызвана тем, что ему уже сказали: две тяжелые бомбы упали на Кремль. Одна — на Арсенал, почти полностью уничтожив находившийся на его крыше орудийный расчет зенитной пушки, вторая угодила в Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца и, застряв в потолке, не взорвалась¹. Арсенал — напротив его, Сталина, квартиры и кабинета. Значит, прицельно бомбили немцы...

В это время в дверях кабинета появился Поскребышев и хрипло доложил, прикоснувшись рукой к горлу, которое, видимо, беспокоило его:

— Товарищ Сталин, маршал Тимошенко на проводе.

Сталин снял трубку с черного телефонного аппарата и, прежде чем начать говорить, сказал Поскребышеву:

— Пригласите к нам генералов Громадина и Журавлева. — Затем прижал к уху телефон: — Здравствуйте, товарищ Тимошенко! Слушаю вас...

Лицо Сталина постепенно начало светлеть. Потом он прикрыл ладонью микрофон телефонной трубки и, обращаясь к сидевшим в кабинете, скороговоркой, в которой особенно четко прозвучал его грузинский акцент, пояснил:

— Тимошенко докладывает, что наблюдает подбитые немецкие самолеты, идущие от Москвы. Многие горят и падают за линией фронта...

О чем еще докладывал Тимошенко, никто

не знал, ибо лицо Сталина вновь похмурилось, глаза недобро сверкнули. Выслушав маршала, он со сдержанной строгостью сказал ему:

— Вы обязаны принять все меры, чтобы выбить немцев из Смоленска! Это — требование Государственного Комитета Обороны! Во что бы то ни стало Рокоссовский должен пробиться к армиям Лукина и Курочкина!

Когда Сталин закончил телефонный разговор с главкомом Западного направления, в кабинет вошли генералы Громадин и Журавлев. На их строгих, спокойных лицах выразилось что-то общее, хотя они совсем не были похожи друг на друга. У Журавлева пухлые щеки, выразительные глаза под густыми бровями, лицо холерное, интеллигентное. У Громадина обличье по-крестьянски простое, бросались в глаза чуть оттопыренные уши; в пронзительном взгляде крайняя сосредоточенность. Правда, временами казалось, что глаза Громадина обращены в самого себя и рассматривают там нечто особенное, недоступное другим.

— Садитесь, товарищи стражи неба. — В голосе Сталина будто прозвучала мягченность, происшедшая в настроении. Но так ли это?.. Когда генералы сели, он сказал: — Доложите, пожалуйста, товарищи Громадин и Журавлев, Государственному Комитету Обороны, какие военные и промышленные объекты пострадали от бомбежки — вокзалы, мосты, электростанции?..

— Никакие, товарищ Председатель Государственного... — первым начал отвечать генерал Громадин, встав со стула.

— У меня есть имя, товарищ Громадин, — перебил его Сталин.

— Никакие серьезные объекты не пострадали, товарищ Сталин, ни военно-промышленные, ни коммунальные. — Громадин поправился спокойно, будто и не расслышал замечания Сталина.

— Жертвы среди населения и личного состава войск ПВО большие?

— Жертвы есть, товарищ Сталин, но, к счастью, небольшие. Потери уточняются.

Потом генерал-майор Журавлев, соблюдая чисто военную последовательность и твердо чеканя каждое слово, докладывал о действиях наземных и воздушных сил ПВО: времени обнаружения противника, количестве немецких бомбардировщиков, которых, по предварительным данным, насчитано более двухсот единиц¹, о тактике их действий. К Москве прорвались лишь отдельные самолеты, им удалось поджечь железнодорожный эшелон с горючим на запасных путях близ Белорусского вокзала, толевый завод в Филях и деревянные бараки на одной из окраин города. Разрушено несколько домов и здание 47-го отделения милиции. Одна бомба пробила Успенский мост, но не взорвалась... Первыми вступили в бой полки истребительной авиации. На командный пункт 6-го авиационного корпуса поступили сведения о двадцати пяти воздушных боях, в которых сбито двенадцать немецких бомбардировщиков. К зоне зенитного огня приблизилось около двухсот самолетов. Десять из них было сбито артиллерийско-пулеметным огнем...

— Товарищ Сталин, разрешите мне задать вопрос. — Из-за стола для заседаний поднялся начальник Главпура армейский комиссар первого ранга Мехлис.

— Пожалуйста, товарищ Мехлис, — разрешил Сталин, затем обвел взглядом членов Политбюро. — У кого есть вопросы — не скупитесь, задавайте...

— Скажите, товарищ Журавлев, какое соотношение самолетов, сбитых артиллерией и пулеметным огнем? — спросил Мехлис.

— Преобладающее — артиллерией, — без промедления ответил Журавлев и открыл журнал с записями начальника штаба полковника Гиршовича. — Окончательные сведения уточняются. Но вот, например, зафиксировано, что пулеметчики сбили бомбардировщик, атаковавший Белорусский вокзал, а зенитные артиллерийские батареи лейтенантов Осауляка и Турукало сбили по два бомбардировщика.

— А какой расход боеприпасов — снарядов

и патронов? — опять спросил Мехлис. — И сколько раз поднимались в воздух наши самолеты?

— Немцы пытались прорваться к Москве в течение пяти часов. — Журавлев, прищурив глаза, всмотрелся в записи в журнале. — За это время наша истребительная авиация сделала сто семьдесят пять самолето-вылетов, зенитная артиллерия израсходовала двадцать девять тысяч снарядов, зенитными пулеметами выстрелено сто тридцать тысяч патронов.

— Впечатляющие цифры! — не без иронии ответил Мехлис. — Если зенитным огнем сбито всего лишь десять бомбардировщиков, то на каждого из них израсходовано почти по три тысячи снарядов и по тринадцать тысяч патронов?.. Как вы это расцениваете, товарищ Громадин и товарищ Журавлев? — И Мехлис устремил выразительный взгляд на Сталина, будто призывая его к единомыслию.

Сталин тут же откликнулся:

— Один очень старый грузин, мой земляк, однажды сказал мне: «Если б я арифметику знал так, как я ее не знаю, то вполне мог бы стать академиком...» По знанию арифметики вы, товарищ Мехлис, годитесь в академики...

Первым зашелся удушливым смешком Калинин, затем рассмеялся сидевший в кресле рядом со столом Сталина Молотов. А потом взорвались хохотом все, находившиеся в кабинете Председателя Ставки. Сталин даже удивился такому всеобщему веселью и тоже стал смеяться. Затем, подняв руку, призывая всех к вниманию, сказал, обращаясь к Мехлису:

— Уж если вы такой специалист по арифметике, то загляните в энциклопедию и подсчитайте, сколько израсходовано тонн металла в первую мировую войну на каждого убитого солдата.

Генерал Журавлев, который продолжал стоять у стола для заседаний, резко захлопнул журнал с записями, обвел обиженным взглядом членов Политбюро, а затем обратился к Сталину:

— Разрешите, товарищ Сталин, дать краткое объяснение товарищу армейскому комиссару первого ранга.

— Пожалуйста, — сказал Сталин.

— Я позволю себе уточнить для ясности, что прицельный огонь мы вели только по целям, освещенным прожекторами. А основная масса снарядов выпускалась в небо в качестве заградительной завесы... Сегодня именно этот заградительный огонь сыграл решающую роль: только несколькими немецкими бомбардировщиками удалось прорваться к центру Москвы.

— Хорошо, товарищ Журавлев, садитесь, — сказал Сталин и устремил вопрошающий взгляд на генерала Громадина, который пошаркавски поднял руку. — Вы что-то хотите добавить?

— Да, товарищ Сталин. — Громадин встал и заулыбался. — Я хотел напомнить, что сегодня немцы сбросили не менее шестисот тысяч килограммов бомб. В этом можете не сомневаться, ибо у них, как и у нас, не рекомендуется возвращаться с боевых полетов с бомбами. Если вывести коэффициент полезного, с точки зрения немцев, действия их фугасок и зажигалок, то получится ноль целых и, извините, хрен десятых.

Лицо Мехлиса покрылось багрянцем: он явно сердился, однако старался не показывать этого.

— На один Тушинский аэродром, — продолжил Громадин, — они сбросили тысячи зажигательных бомб. Все бомбы были потушены, и ни один самолет, ни один ангар не пострадали.

— В Тушине все пожары потушены, — не очень весело скаламбурил Молотов. Среди членов Политбюро опять прокатился короткий смешок. Но Сталин, кажется, не вник в шутку Молотова, отвлекшись к какой-то своей мысли. Даже не поднял глаз. Это озадачило Щербакова. Он записывал в блокнот главное из докладов Громадина и Журавлева, мысленно формулировал текст для сводки Информбюро, прикидывал в уме, какого содержания должен быть итоговый приказ наркома обороны. По его мнению, войска ПВО Московской зоны в основном хорошо справились с первой, весьма серьезной боевой задачей. Но ведь приказ подписывать Сталину... Сойдутся ли их точки

¹ Когда саперы разряжали бомбу, оказалось, что в ней отсутствовал взрыватель, а в его гнезде находилась записка: «Мы — немцы-антифашисты».

¹ По уточненным после Отечественной войны данным, в первом налете на Москву участвовало 250 тяжелых немецких бомбардировщиков.

В. Иванов. Род. 1924. В. И. ЛЕНИН НА СУББОТНИКЕ В КРЕМЛЕ.

В. Шаталин. Род. 1926. УМЕР ЛЕНИН.

зрения?.. И он взглянул на Сталина, словно рассчитывая угадать его мысли.

И чтобы не смущать свою душу, быстро набросал на чистом блокнотном листе то, что ему казалось неопровержимым:

«В ночь на 22 июля немецко-фашистская авиация пыталась нанести удар по Москве.

Благодаря бдительности службы воздушного наблюдения (ВНОС) вражеские самолеты были обнаружены, несмотря на темноту ночи, задолго до появления их над Москвой.

На подступах к Москве самолеты противника были встречены нашими ночными истребителями и организованным огнем зенитной артиллерии. Хорошо работали прожектористы. В результате этого более 200 самолетов противника, шедших эшелонами на Москву, были расстроены, и лишь одиночки прорвались к столице. Возникшие отдельные пожары были быстро ликвидированы энергичными действиями пожарных команд. Милиция поддерживала хороший порядок в городе...»

Дальше мысль Александра Сергеевича застопорилась: надо ли вносить в приказ наркома раздел о недостатках и просчетах?

А Сталин, будто опять догадался о сомнениях Щербакова, сказал:

— Мы не готовы полностью и глубоко проанализировать весь ход сегодняшнего отражения налета на Москву вражеской авиации. Товарищи военные сделают это лучше нас и доложат нам послезавтра. Однако двадцать два сбитых самолета — это более десяти процентов от числа участвовавших в налете. Для ночного времени нормально. Нужно также иметь в виду и то, о чем докладывал сейчас маршал Тимошенко: общие потери немецкой авиации не столь уж маленькие... Но я считаю, что заградительный зенитный огонь — это все-таки пассивная форма обороны. Она требует очень большого количества снарядов. Мы должны проверить, выдержит ли наша промышленность такую нагрузку. И далее: надо поручить нашим ученым поискать более эффективные и более экономные способы ведения заградительного огня, чтобы меньше выстреливать снарядов впустую. Займитесь этим, товарищ Громадин.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — ответил генерал.

— И немедленно представьте к правительственным наградам всех отличившихся сегодня в отражении налета бомбардировщиков. — Слушаюсь.

Затем Сталин устремил взгляд на Щербакова, и Александр Сергеевич понял, что он должен будет прочитать сейчас проект сообщения для печати и проект приказа по Вооруженным Силам. И он, прежде чем начать чтение, озадаченно посмотрел на генералов: мол, проект приказа об их действиях, удобно ли обсуждать его при них. Сталин понял взгляд Щербакова.

— Можете быть свободными, — сказал он Громадину и Журавлеву.

Когда генералы ушли, Щербаков прочитал проект сообщения о налете на Москву для Совинформбюро.

— Пусть это будет и преамбулой к приказу наркома обороны... Это первый с начала войны благодарственный приказ... — И Сталин начал неторопливо диктовать, глядя на Щербакова, который быстро записывал его слова: «За проявленное мужество и умение в отражении налета вражеской авиации объявляю благодарность:

1. Ночным летчикам-истребителям Московской зоны ПВО.

2. Артиллеристам-зенитчикам, прожектористам, аэростатчикам и всему личному составу службы воздушного наблюдения (ВНОС).

3. Личному составу пожарных команд и милиции г. Москвы.

За умелую организацию отражения налета вражеских самолетов на Москву объявляю благодарность:

— командующему Московской зоной ПВО генерал-майору Громадину;

— командиру соединения ПВО генерал-майору артиллерии Журавлеву;

— командиру авиационного соединения полковнику Климову.

Генерал-майору Громадину представить к правительственной награде наиболее отличившихся».

Продолжение следует.

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

КРАЖА В БЕЛОМ ДОМЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В справочниках-путеводителях по американской столице можно прочитать, что главной индустрией Вашингтона является производство информации — государственной и частной, политической и экономической, ориентирующей и оперативной, затрагивающей жизни миллионов и великосветские прихоти избранных.

Преобладающую массу информации распространяют с помощью трехтысячного корпуса журналистов, меньшую часть хранят с помощью ультрасовременных сейфов, вышколенных охранников, всячески ограничивая доступ к ней. Информация, гласят трактаты, — это ценный товар для обмена и торговли, это мощное оружие в борьбе за власть, это взрывчатка для уничтожения соперников...

Летом и осенью 1980 года из Белого дома, как выяснилось спустя три года, исчезла важная государственная и разведывательная информация. Благодаря этому руководство республиканской партии отлично знало, на какие рычаги — где и когда — нажать, чтобы в ходе избирательной кампании ослабить демократическую партию и лишить ее президентской власти.

Стержнем стратегии президента-демократа Джими Картера, добивавшегося избрания на второй срок, был не провозглашенный публично лозунг: «Разоблачать Рейгана как лицемерие обмана, опасности и рисков». Однако сам Картер все более уповал на пропагандистские ужимки и кривляния, выбирал для себя плацдармы в болоте непроходимого политического оппортунизма. Поэтому ставка на разоблачение Рейгана срабатывала далеко не до конца. Президент не контрастировал со своим соперником настолько, чтобы во внешне дружелюбном бывшем голливудском актере можно было разглядеть какие-то «опасности и риски». Выходец из кинобизнеса будто и не реагировал на разоблачения картеровской политической «командой». Не реагировал до поры до времени. Он решил ответить неожиданно, в самый выгодный для себя момент, заранее точно зная, о чем будет говорить его соперник.

Знания такого рода сами в руки не плывут, их добывают. «Улов» в 1980 году превзошел все ожидания руководства республиканской партии: в самом преддверии выборов в сентябре-октябре оно получило конфиденциальные документы президента Картера и Совета национальной безопасности (СНБ). Факт этот неоспорим, как и другое. Документы похищали: воровским путем, с ведома и одобрения крупных политических деятелей, стоящих ныне у кормила государственного правления. Объектом криминальных ухищрений была судьба президентства, а ставкой — четырехлетнее управление страной. В индустрии

«производства информации» таких ЧП прежде не было, ведь, по сути дела, речь шла о краже, об ограблении в Белом доме. Влиятельный член юридической комиссии палаты представителей США конгрессмен Д. Эдвардс квалифицировал случившееся как нарушение по меньшей мере четырех федеральных законов, иными словами, как уголовное преступление.

В краже оказалось замешанным ближайшее окружение нынешнего президента, в первую очередь Уильям Кейси, назначенный Рейганом в знак признательности за «успешную операцию» директором ЦРУ.

Хотелось бы оговориться. Поводом для наших заметок служит отнюдь не чувство какого-то сожаления — или тем более симпатии — к жертве ограбления. Перед нами почти уникальное явление, его можно сравнить разве лишь с неудавшейся в 1814 году попыткой англичан сжечь дотла (помешал проливной дождь) Белый дом. В 1980 году никакой ливень злоумышленникам помешать не мог, и все, что нужно было республиканцам, они сделали.

Оговоримся еще в одном: после совершенного ограбления всплыли наружу очень многие факты, по которым можно, однако, судить о полной бесцеремонности определенной породы американских политиков и об обуравшем их желании поселить своего ставленника в трехэтажный белый особняк под номером 1600 по Вашингтонской улице Пенсильвания-авеню.

ПОСЛЕ ГОЛЛИВУДА

Бывший голливудский актер Рональд (Ронни) Рейган начал мечтать вслух о кресле президента США в первые же дни после того, как он завоевал в ноябре 1966 года особняк в городе Сакраменто, предназначенный для губернатора штата Калифорния. Высшая власть находилась тогда в руках техасца Линдона Джонсона. Бывая в те годы в Калифорнии и Техасе, мы не переставали удивляться азарту, с которым техасцы и калифорнийцы убеждали в преимуществах каждого из их штатов над всеми остальными. У них все самое лучшее, самое большое, самое умное и самое достойное руководить Америкой. И, конечно же, самым престижным для «деловых общин» как Техаса, так и Калифорнии было посадить своего человека в старинный столичный особняк на Пенсильвания-авеню.

Мечты нового калифорнийского губернатора встречали одобрение и поддержку мощной «деловой общины» штата. Политические амбиции обнаружились у него еще в те годы, когда он снимался в Голливуде. Его видели примерно в полусотне второразрядных фильмов. Его любимыми ролями были молодые американцы, исповедующие добро, порядочность, честные, чистые пуритане. И даже когда ему поручали играть повесу, он получался приятным человеком с безукоризненными манерами. Спустя много лет на вопрос, что для него было главным перед камерой, Рейган ответил: «Правильно целовать женщину. Целовать парт-

нершу нужно, лишь слегка касаясь ее губ; если же делать это более страстно, ее лицо станет плоским и непривлекательным...»

Но поцелуями дела Рейгана в Голливуде не ограничились. Он стал во главе профсоюза киноработников вначале как «левый» профдеятель, но с началом кампании бесноватого Маккарти сразу перестроился, примкнул к ней и обвинил 500 голливудских актеров, сценаристов и режиссеров в «коммунизме». В тот период на кинофабрике грез вела «охоту на ведьм» комиссия по расследованию антиамериканской деятельности конгресса США. Она поставила высшую оценку профбоссу Рейгану за призыв организовать «крестовый поход» против «монолитного коммунизма».

В 1954 году один из крупнейших военно-промышленных концернов «Дженерал электрик», который, как правило, входит в первую пятерку крупнейших корпораций США, нанял Рейгана за 150 тысяч долларов в год для регулярных выступлений по телевидению с «задушевными рассказами» о концерне, его продукции, о патриотизме его хозяев, о частном предпринимательстве и т. п. Это называлось телевизионным театром «Дженерал электрик». Президент концерна Ральф Корднер посоветовал Рейгану обзавестись «твердой философией». В этом ему помогли директора концерна, не жалевшие времени на беседы с телевизионным уполномоченным. Для директоров же «Дженерал электрик» обязательной была философия консерватизма. Концерн выпускал, помимо всего прочего, атомные подводные лодки. Прослушав один из панегириков Рейгана, один голливудский комик печально сострил: «Мне не нужна была подводная лодка, но теперь она у меня есть».

Восемь лет верной службы пентагоновскому концерну обогатили Рейгана. Он приобрел внушительный участок земли к северу от Лос-Анджелеса, стал своим человеком среди калифорнийских нуворишей. Покинув художественный и коммерческий экран, он приступил к экспериментам в политике. Для начала он распрощался с демократической партией (1962 г.) и пошел работать локтями в «великой старой партии». Так в торжественных случаях именуют себя республиканцы.

В ноябре 1966 года, став губернатором Калифорнии, он почти мгновенно отдал распоряжение разработать план, реализация которого привела бы в августе 1968 года к выдвижению его кандидатуры на пост президента от республиканской партии. Задание поручили крупному специалисту в такого рода делах, нью-йоркскому юристу Клифтону Уайту.

Двамя годами ранее Уайт был директором избирательной кампании сенатора Барри Голдуотера, особо отличился на съезде республиканской партии при организации выдвижения кандидатуры сенатора на пост президента. Голдуотер исповедовал архиреакционные взгляды, заслужившие ему эпитет неандертальца. Свой человек для мафии, отставной генерал-майор ВВС США, он бредил ядерной бомбой. В книге «Почему не победа?» Голдуотер писал: «Нашей целью должно быть уничтожение противника... Во имя победы мы никогда не согласимся с захватом коммунистами власти любого рода в любой части мира».

После победы на съезде «великой старой партии» голдуотеровцы предложили честь произнесения ключевой речи по телевидению в поддержку победителя Рональду Рейгану, который возглавлял калифорнийский комитет сторонников Голдуотера и считался лучшим оратором среди калифорнийских республиканцев. Тот с радостью принял предложение и пошел запугивать американцев «тысячью годами мрака», если они не пошлют в Белый дом его неандертальского наставника. Рейган изложил кредо, которое было даже более реакционным, чем платформа Голдуотера.

* * *

Когда на выборах 1964 года Голдуотер потерпел сокрушительное поражение от Линдона Джонсона, встал вопрос о дальнейшей судьбе голдуотеровского движения. На него возлагалась вина за фиаско республиканской партии, оно считалось чем-то инородным в партии в силу своего экстремизма. По причине явной невозможности повторить кандидатский

блицкриг к нему потерял интерес и сам его предводитель. И тогда лидером голдуотеровского движения (разумеется, вслух это не афишируя) стал Рейган.

Прежде всего именно в этой роли он привлек к себе внимание других нуворишей, бредивших идеями спасения Америки от надвигающегося тысячелетнего «коммунистического мрака». Нефтепромышленник Генри Сальватори, торговец автомобилями Холмс Таттл, бизнесмен Ральф Таунсенд и другие «уговорили» Рейгана стать в 1966 году губернатором «золотого штата».

Однако когда дело дошло у них до найма политической рекламной фирмы — лучшей в Калифорнии и одной из лучших в стране «Спенсер—Робертс энд Хэфнер», ее владельцы выдвинули одно условие: им для престижа нужна победа, ультраконсерватор в Калифорнии не победит, кандидат Рейган должен быть привлекателен для избирателей различных политических взглядов. Ударили по рукам, подготовили рекламный набор мимики. Кандидатом в вице-губернаторы стал либерал Роберт Финч, а главный лозунг кампании — сделать Калифорнию «созидательным обществом» и т. д. Но это все для публики, во главе же узкого кружка идеологических советников стоял друг будущего губернатора, священник У. Макбирни — доверенное лицо всех калифорнийских ультра, включая бэрчистов.

Тактика мимики принесла стратегам реакции внушительную победу на выборах; разрыв в голосах был настолько разительным, что он вынес «общественного созидателя» на гребень национальной политической славы. Чего, собственно, и добивалась «Таттл, Сальватори энд К^о», что, собственно, и придало владельцу губернаторского особняка в Сакраменто храбрости и смелости замахнуться на Белый дом в первые же дни после того, как он обвел вокруг пальца сотни тысяч калифорнийцев, которые никогда бы не пошли на службу святого отца Макбирни.

Клифтон Уайт разработал для калифорнийского губернатора, казалось бы, беспроигрышный план, состоявший из пяти фаз. Ан нет, произошло неожиданное. В 1967 году в Сакраменто разразился грандиозный скандал. Один из приближенных губернатора, занимавший крупный пост в его администрации, был разоблачен прессой как гомосексуалист, устроивший на многие солидные должности в правительстве штата подобных себе. По престижу претендента в президенты был нанесен сильный удар, но он не собирался складывать оружие.

Прямым следствием скандала явилось возвышение человека, имеющего непосредственное отношение к завязке нашего рассказа. Губернатор назначил во всех официальных функциях своим алтер эго — «вторым я» — юриста Уильяма Френча Смита, завоевавшего его доверие в роли личного и семейного адвоката. Услуги юриста вознесли его на пост министра юстиции в администрации Р. Рейгана. У. Ф. Смит было передано летом 1983 года дело о краже документов президента Картера: «второе я» лучше справляется со скандалами, чем кто-либо другой.

В том же 1967 году вокруг Рейгана разразился еще один скандал. На национальной конференции губернаторов штатов он огласил текст конфиденциальной телеграммы президента Джонсона, которая попала к нему якобы «случайно», «по ошибке» почтальона. Итак, первый крупный случай проверить этику губернатора в общенациональной политической борьбе был им «упущен» — законы и традиции неприкосновенности переписки были нарушены. Но проверка этики на том не кончилась.

* * *

В избирательной кампании 1968 года Рейган все же не удержался от пробы своих сил — выдвигал кое-где свою кандидатуру на так называемых первичных выборах (праймериз). Наиболее сильным претендентом среди республиканцев выглядел бывший вице-президент Ричард Никсон. А дальше произошло следующее. Врач из калифорнийского города Сан-Диего Гэйлорд Паркинсон втерся в доверие к фавориту и возглавил «Комитет по избранию Никсона президентом». Здесь, в главной штаб-

квартире, составлялись важнейшие и наиболее конфиденциальные планы политической стратегии Никсона. И все эти секреты становились известны Рейгану, у никсоновцев не было двух мнений о том, что на губернатора шпионил доктор Г. Паркинсон, за что его с треском и выдворили из комитета.

Рейгану нужна была хотя бы одна победа за пределами Калифорнии. В соседнем северном штате Орегон он развернул свою тяжелую артиллерию — голливудских друзей, оседлавших орегонские телевизионные станции. Политические «ястребы», они раздавали направо и налево обещания быстрой победы во Вьетнаме, если в Белый дом въедет «решительный Ронни Рейган». Как из рога изобилия сыпались посулы покончить с бунтами в черных гетто и смутой в университетах, превращавшихся в центры антивоенного движения. Но орегонские избиратели не клюнули на оголтелый милитаризм в голливудской упаковке, и многие полагали, что в том году по крайней мере президентские амбиции калифорнийского губернатора будут зачехлены. Но не тут-то было.

Через несколько дней на таких же первичных выборах в Калифорнии был убит фаворит демократической партии сенатор Роберт Кеннеди. Хотя это произошло в вотчине Рейгана, продемонстрировав всему миру, в какие политические джунгли и заповедник организованной преступности превратилось при нем «созидательное общество», он сыграл на убийстве Р. Кеннеди — на чувствах ужаса и растерянности, охвативших страну. К нему, отмечают историки, начала прислушиваться «национальная аудитория», потянувшаяся к политике с «твердой» рукой.

На съезде республиканской партии в Майами-бич Рейган пошел на секретный союз со слышим либералом губернатором штата Нью-Йорк Нельсоном Рокфеллером. Сделка предусматривала срыв планов Никсона собрать в первом туре голосования количество голосов, необходимое для выдвижения его съездом кандидатом партии в президенты.

«В лучшей американской традиции», — пишет журналист Дж. Лукас, — политический съезд — это частично ритуал, частично театр, частично политиканство». Губернатор соседнего с Калифорнией штата Невада, славящегося своими казино, принадлежащими мафии, Пол Лэсколт выступил с цветистой речью в поддержку Рейгана. «Жест отчаяния» — так прокомментировал выдвижение кандидатуры калифорнийского губернатора уверенный в себе Никсон. Люди Рейгана и Рокфеллера хватали за фалды делегатов, вламывались без приглашения в номера их гостиниц, подсаживались за столики в ресторанах, поливали Никсона грязью. Агенты калифорнийского губернатора обрабатывали делегатов южных штатов, пытаясь играть на их расистских эмоциях.

Однако уже первый тур голосования принес Никсону победу — 692 голоса; за Рокфеллера было подано 277 и за Рейгана — 182 голоса. Едва объявили результаты, как калифорнийский губернатор завладел микрофоном и внес предложение считать Никсона выбранным единогласно. Оливковая ветвь упала к ногам президентского кандидата не случайно. В театре политиканства готовились к следующему ритуалу — избранию кандидата в вице-президенты. Друзья Рейгана нашептывали делегатам его имя. Напоминали: он элегантен, приятен, остроумен, до мозга костей консерватор, но не... расист.

«Не подойдет», — отмахнулся от своих советников Никсон, когда они доложили ему, кто рвется к нему в напарники. По иронии судьбы точно такая же реакция была у Никсона и на кандидатуру еще одного претендента на кресло вице-президента — конгрессмена из штата Техас Джорджа Буша, который спустя 12 лет после этого все же осуществил свою мечту и стал вице-президентом, будучи приглашен на эту роль Рейганом.

Два срока (восемь лет) в губернаторском особняке Сакраменто напоминали время в политическом инкубаторе. Вместе с калифорнийскими сенаторами и конгрессменами он добросовестно, более того, рьяно закреплял позиции штата как самого крупного и доверенного поставщика ракетно-ядерного и обычного оружия, чемпиона по получению много-

миллиардных заказов от Пентагона для корпораций и фирм, разместившихся на Тихоокеанском побережье.

Многое здесь зависело от инженерно-конструкторского, технического и научного персонала. Вот почему, вытравляя «крамолу» из восьми разбросанных по всему штату филиалов Калифорнийского университета, Рейган вместе с тем увеличил вдвое их бюджет.

Перед консервативно настроенными американцами Рейган старательно исполнял совершенно обязательный в их глазах номер «фискальной рачительности». Получив бюджет штата с дефицитом, он его ликвидировал, поручив финансовые дела «либералу» Каспару Уайнбергеру. Лезвие экономии Каспара, получившего прозвище «ножа», обрушилось на социальные программы; полетели вверх тормашками «вспомоществования» беднякам и безработным. На коне «экономии и рачительности» Рейган покрыл значительную часть дистанции, ведущей к Белому дому, и что же мы сейчас видим? Одним из результатов пресловутой «рейганомии» явился нарастающий, как снежный ком, дефицит федерального бюджета — 57,9 миллиарда долларов в 1981 финансовом году, 110,6 — в 1982-м и 207,7 — в 1983 финансовом году. Федеральный бюджет — это не бюджет штата Калифорния, а Уайнбергер — ныне уже не финансовый советник, а воинствующий милитарист — министр обороны США. Осенью 1983 года он подписал проект военных расходов на 1984 финансовый год в объеме 274,1 миллиарда долларов и на 1985 финансовый год — 322,5 миллиарда. Даже издавшие виды законодатели присвистнули от удивления. Но что еще можно ожидать от человека, поставившего на идею добиться военного превосходства над Советским Союзом?

* * *

Когда губернаторская карьера Рейгана была на исходе, он собирался навсегда распрощаться с политикой. Он исходил из того, что пока Никсон удерживает господствующие позиции в республиканской партии, Рейгану Белого дома не видать. Все круто переменялось, когда Никсон летом 1974 года в разгар «уотергейтского дела» был вынужден подать в отставку с поста президента. Друзья калифорнийца заговорили о предстоящем в 1976 году выдвижении его кандидатуры во внутрипартийной президентской гонке. Тогдашний президент Дж. Форд обратился к нему с просьбой не делать этого, так как такой шаг приведет к расколу в республиканской партии и неизбежному поражению. В главе под названием «Вызов справа» Форд пишет в своих мемуарах, что ему не удалось отговорить Рейгана от выдвижения им своей кандидатуры на первичных выборах.

Согласно неписаным правилам американской внутрипартийной политической игры, «вызов» действующему президенту, объявившему к тому же о своем намерении сохранить за собой Белый дом, исключается. Более того, Форд возвысился волею случая в результате отставки Никсона, а не всеобщих выборов, и поэтому считалось, что ему надо дать шанс подтвердить, что он скроен из «президентского материала». Наконец, Форд рассматривался как типичный консервативный политик, и поэтому речь шла о «вызове» с крайнего правого фланга.

На первичных выборах во главу угла программы бывшего голливудского актера и калифорнийского губернатора была поставлена критика внешней политики, в особенности те шаги, которые под воздействием нового соотношения сил в мире были предприняты Никсоном, а затем Фордом в плане разрядки международной напряженности. Рейган старался превратить само слово «разрядка» в брань и вынудил Форда отказаться от его употребления. Форд оправдывался перед ультраправыми: «Мы задались новыми вопросами: полезна ли была разрядка?». Рейган бичевал Белый дом за то, что правительство тратит якобы недостаточно средств на оборону. Кампания антиразрядки преследовала далеко идущие цели. Как писал тогда журнал «Ньюсуик», ультраправые добивались решающего слова в вопросах внешней политики США. Свои внешнеполитические идеи претендент из Калифор-

нии развивал не только на собраниях в штатах, где он агитировал за себя. Он выступал с речами по национальному телевидению, добиваясь блокирования любых шагов в сторону разрядки и ограничения стратегических вооружений.

Аппарат Форда подготовил в ответ ряд телевизионных и радиопередач; лейтмотив их выражался в кратком, но емком предупреждении американцам: «Как губернатор Рейган не мог начать войну. Как президент Рональд Рейган может!»

В первой серии первичных выборов калифорнийский реакционер потерпел поражение и подумал было о снятии своей кандидатуры, как вдруг расисты Юга преподнесли ему приятный сюрприз. Они «навалились» на Северную Каролину и вырвали для него 52 процента голосов республиканцев, вытащенных на «праймериз». И опять козырной картой рейгановцев было поношение разрядки и демагогия об «упадке» военной силы Америки. «Мы переживаем чертовски невообразимый подъем духа», — комментировал случившееся в Северной Каролине пресс-секретарь Рейгана Лин Нойсайдгер, получивший свой пост за особые отличия на антикоммунистическом поприще, работая в печати Калифорнии. Некоторые историки считают северокаролинский «триумф» поворотным пунктом в биографии бывшего голливудского актера, без которого не было бы победы на президентских выборах 1980 года. В сундуки его политической организации потекли деньги от состоятельных «жертвователей», в подмогу ему голливудская братия делегировала «звезд» с консервативным мерцанием.

В отличие от предыдущих предвыборных кампаний ожесточенная борьба между Фордом и Рейганом привела к тому, что многие делегаты предстоящего съезда партии, которые избирались на «праймериз», не попали в «блоки», складывающиеся заранее в пользу того или иного претендента. Это предвещало схватку за эти блоки перед съездом и во время него. Комментируя такую ситуацию, Рейган сказал: «Ну, что же, раз нельзя их приобрести оптом, будем покупать в розницу».

На съезде в Канзас-Сити купля и продажа шла весьма бойко. Разумеется, за кулисами. Наконец, рейгановцы добрались уже не только до «нейтральных» делегатов, но и до «блоков» Форда. В результате было решено ограждать их от внимания Рейгана! Когда он направился было на совещание фордовского «блока» штата Нью-Йорк, его туда просто не пустили. Но борьба за делегацию штата Нью-Йорк на этом не кончилась, в зале съезда у нее был телефон для связи с центральным управлением группы Форда. Подручные Рейгана вырвали «с мясом» телефонный шнур...

Трагикомически прозвучало выступление бывшего губернатора Иллинойса Ричарда Огилви, рассказавшего съезду подробности того, как рейгановцы предлагали взятки двум фордовским делегатам за переход в их лагерь. Ковбои словно показывали, что им нечего терять и поэтому они не остановятся ни перед чем в своих планах и амбициях. Этику спрятали в холодильник.

Чего стоил, например, политический кульбит, приведший к провозглашению «гоночным напарником», то есть претендентом на пост вице-президента, считавшегося либералом сенатора Ричарда Швейкера. Согласно традиции, до избрания съездом кандидата в президенты вопрос о вице-президенте не поднимается и не решается. Рейган же не только опережал события, но и привлекал либерала, чтобы притянуть к себе делегатов, не разделявших его крайне консервативные идеи и планы.

Американские комментаторы писали, что это был политический оппортунизм особого покроя. Он предусматривал лишь использование в нужных целях видного либерала из восточного штата Пенсильвания, не поступаясь ни на йоту унаследованными от Голдуотера неандертальскими повадками. Подтвердил это тот же съезд в Канзас-Сити. Рейган не только не сдвинулся во взглядах к позициям либералов и центристов (умеренных), но, наоборот, заставил их принять его идеи. В проект партийной программы, обсуждавшейся на съезде, Рейган и его сторонники внесли под занавес «пункт о внешнеполитической мора-

ли». В нем содержалась критика внешней политики Форда, и в частности подход к разрядке и советско-американским отношениям. Борьба вокруг «морального пункта», как его окрестили, разгорелась довольно острая. В последнюю минуту либералы и умеренные уступили, так как шантажисты пригрозили оставить Форда, избранного кандидатом в президенты 1187 голосами, без всякой поддержки со своей стороны в предстоящей кампании против Картера. За Рейгана было подано 1070 голосов, и фордовцы вынуждены были считаться с этим. Политический шантаж на съезде в Канзас-Сити преследовал вполне определенную цель — отравить атмосферу разрядки, которую лютой ненавистью ненавидели раввавшиеся к власти консерваторы. Они закладывали фундамент для решающего броска на Белый дом четырьмя годами позже, ни на минуту не теряя надежды нокаутировать разрядку сейчас же.

* * *

История американской политики знает неожиданные, внезапные, стремительные взлеты к власти и, наоборот, медленные восхождения, когда искатели счастья и чинов словно измором берут публику. Но каким измором! В Канзас-Сити, отмечали в один голос политические обозреватели, сторонники Рейгана устроили невиданный спектакль. При каждом упоминании имени Рейгана, а то и просто когда им вздумается они начинали прыгать, орать, дуть в рожки и роги, гудеть на каких-то «музыкальных» инструментах. Такие «спонтанные» взрывы эмоций не кончались, пока не заглушали выступления фордовцев, в том числе самого президента, в результате чего его речь, передававшуюся по телевидению, невозможно было разобрать. «Затяжные приступы эмоционального бешенства фактически сорвали конвент», — писал журнал «Нью рипаблик». Распоясавшихся можно было урезонить, но их кумир даже и не думал об этом, ибо за внешним, назойливо шумным маскарадом фанатиков скрывались убийственно хладнокровные планы. И среди них на первом месте стоял захват руководящих позиций в республиканской партии. Осуществив раскол в Канзас-Сити, они явно подставили партию под нож Картера, заранее гарантировали ей поражение, чтобы затем обвинить проигравших в неспособности и встать на их место.

Прощаясь с калифорнийской делегацией, Рейган произнес речь. «Послушайте, — патетически говорил он, — это всего лишь одна битва в долгой войне. Война будет длиться ровно столько, сколько мы будем ее вести. Нэнси (жена Рейгана. — Прим. авт.) и я не собираемся ретироваться, усесться в кресло-качалку и объявить, что с нами все покончено. И вы тоже не отказывайтесь от наших идей».

Заискивая перед ними, Форд, став кандидатом в президенты, пригласил на сцену президиума съезда своего насупившегося соперника, «отключившего» свою постоянную голливудскую улыбку. Символический акт примирения оказался выгодным лишь калифорнийцу: он придал респектабельности лидеру ультраправых; показал, что перед ним заискивает верхушка партии; убедил его в том, что, какие бы методы он ни применял, они сойдут ему с рук: как мы помним, были и умыкание документов (депеша президента Джонсона), и шпионаж (доктор Паркинсон), и подкупы (свидетельство Огилви), и вандализм (порча телефона), и политическое хулиганство, которого еще не знали конвенты Америки (дрессированные горлопаны), и т. д.

Следует ли удивляться, скажет читатель, что, владея таким арсеналом трюков, руководство республиканской партии завладело в 1980 году конфиденциальными документами президента Картера и Совета национальной безопасности. Да, действительно, удивляться тут нечему: в свете прошлого опыта все выглядит вполне логично. Анатомия грабительской аферы и сопутствовавших ей многоходовых комбинаций позволяет, как теперь модно говорить, взглянуть изнутри на важные винтики механизма политической власти империалистической Америки.

Продолжение следует.

КТО ПОБЕДИТ
В ФИНАЛЕ
ПРЕТЕНДЕНТОВ!

Вечер с чемпионом

Специальный корреспондент «Огонька»
Виталий ЗАСЕЕВ беседует с трехкратным
чемпионом мира по шахматам Анатолием
КАРПОВЫМ

— Анатолий Евгеньевич, почти два года прошло со дня предыдущей нашей беседы. И хотя за это время мы виделись не раз, переживали, успевая, что называется, «на ходу», обмениваться впечатлениями и новостями, думается, настало время посидеть за редакционным «круглым столом» и, как в прошлый раз, поговорить не только о шахматах.

— Согласен. Тем более что после выступления в «Огоньке»¹ я получил немало добрых писем от любителей шахмат с пожеланиями успеха, советами и даже кулинарными рецептами, которые, как утверждают их авторы, будут способствовать более плодотворной моей подготовке к очередному матчу на звание чемпиона мира. И в связи с этим мне вот о чем хочется сказать. Народ наш, удивительно отзывчивый и щедрый на внимание и заботу, истари славится своей душевностью и добротой. Для него судьба человека, защищающего интересы государства, становится как бы собственной судьбой. Такого не встретишь ни в одной другой стране, и я считаю это одним из основных завоеваний нашего строя.

В широте души советского человека, его патриотизме и интернационализме я лишний раз убедился, став председателем правления Советского фонда мира, который, помимо пропаганды идей миролюбивой внешней политики нашей страны, на пожертвования соотечественников совместно с Красным Крестом приобретает и отправляет в страны, где царят бедность и болезни, не только детское питание и одежду для ребят, но и оборудование для госпиталей, и мебель для детских садов, и медикаменты. И этим нельзя не гордиться. В свою очередь, гордость за свой народ приумножает собственные силы, которые бывают так необходимы в борьбе с многоопытным и искусным противником.

Много раз выступал я за рубежом. Поразному складывались поединки. Но сознание, что за тобой стоит вся страна, весь народ, удесятерило силы. Спросите об этом недавних победителей лондонских полуфиналов, и они вам скажут то же самое.

— Вы назвали участников полуфинальных матчей претендентов на звание чемпиона мира по шахматам, и мне снова вспомнилась наша прошлая беседа. Тогда, называя имена возможных соискателей на право оспаривать у вас звание сильнейшего шахматиста мира, вы, назвав Каспарова, Рибли и Корчного, ни словом не обмолвились о возможностях Василия Смыслова.

— Так ведь и сам Василий Васильевич неоднократно признавался, что, даже отправляясь на межзональный турнир в Лас-Пальмас, не рассчитывал оказаться в числе его фаворитов. И это не было кокетством гроссмейстера.

— Но тогда, быть может, это был «ход нонем» с целью усыпить бдительность соперников. Вы ведь тоже десять лет назад, садясь за шахматную доску, во всеуслышание заявили, что это «не мой цикл». А потом выиграли у всех противников и сделали чемпионом мира.

— Я тогда действительно не был в полной мере уверен, что смогу переиграть своих соперников. Ведь предстояли встречи с такими прославленными и многоопытными шахматными бойцами, как Полугаевский, Спасский, Кор-

чной. Что же касается Смыслова... Впрочем, судите сами. Перед Лас-Пальмасом, куда съехались такие известные гроссмейстеры, как Бент Ларсен, Ян Тимман, Тигран Петросян, Лев Псахис, Владимир Тукмаков, Золтан Рибли и другие, Смыслов долго не выступал в больших турнирах. К тому же психологическим грузом на его плечах лежал шестидесятилетний возраст. Именно поэтому, как утверждал сам Василий Васильевич, даже самые близкие его друзья сомневались, что ему удастся попасть в заветную двойку, которой предстояло продолжить борьбу за звание сильнейшего шахматиста мира. Как вы помните, в Лас-Пальмесе, всего на пол-очка отстав от Золтана Рибли, который, кстати, вдвое моложе нашего гроссмейстера, Смыслов все же нашел в себе силы и мужество одолеть венгерского гроссмейстера в матче с довольно внушительным отрывом. Я считаю это блестящим подтверждением мысли, что в шахматах не может быть «возрастного ценза». И, как утверждает современная наука, человек, активно расходующий свою умственную энергию, с возрастом не только не утрачивает работоспособность, а и восстанавливает ее за счет этого.

Что же касается поединка Каспарова с Корчным, то здесь, я должен признаться, для меня не было никаких неожиданностей. Виктор Корчный хотя сегодня и считается на Западе сильным шахматистом, но не более того. И в этом мы убедились на примере лондонского полуфинала претендентов. Стоило Каспарову заиграть в полную силу, как все было кончено для его соперника. И, по-моему, раз и навсегда. Человек, оторванный от родной земли, долго прогрессировать не может.

— После победы Каспарова и Смыслова в полуфинальных матчах претендентов стало ясно, что, как бы ни сложился дальнейший ход поединков, а звание чемпиона мира вновь будет носить советский гроссмейстер. В связи с этим кое-кто на Западе считает, что отныне резко снизится интерес к шахматам, что их популярность в мире пойдет на убыль. Так ли это?

— Такие предсказания провозглашались не раз. Стоило, к примеру, Бобби Фишеру покинуть шахматную арену, как тут же появились глашатаи, которые предрекали шахматам чуть ли не забвение в мировом масштабе. Однако этого не случилось. Они получили признание даже в тех странах, где до этого ими мало кто занимался. За последние несколько лет значительно возросло число стран, входящих в ФИДЕ. Повсюду в мире стали появляться шахматные клубы, которые объединяли не только опытных игроков, но и новичков, делающих первые самостоятельные шаги в познании этой древней и такой прекрасной игры. Сообщение об открытии одного из таких клубов особенно порадовало меня. В Катманду, в столице Непала, открылся шахматный центр, названный моим именем. Как сообщили его организаторы, там регулярно проводятся турниры, растет число постоянных его членов. И, буду откровенен, приятно было сознавать, что в создании этого центра есть частичка и моего труда. Так что, я думаю, не правы те, кто не верит в будущее шахмат.

— Вы упомянули имя Фишера, и в связи с этим вот о чем подумалось. А не может быть так, что американский гроссмейстер, вернувшись за шахматный столик и «бросив перчатку» ведущим игрокам мира, вновь окажется в числе сильнейших? Ведь не выступал же много лет в турнирах Смыслов и возвратился...

— Смыслов, насколько я знаю, никогда не расставался с шахматами, постоянно продолжал активно играть и, что особенно важно, тщательно следил за своей спортивной формой.

— Да, но, по некоторым сведениям, Фишер

тоже продолжает играть в шахматы и наверняка следит за достижениями ведущих гроссмейстеров мира.

— Верно. Лондонский еженедельник «Обсервер» сообщил своим читателям, что Бобби Фишер ежедневно продолжает играть в шахматы... с самим собой. И еще, что он страдает манией преследования, что гулять выходит только по ночам. Думаю, что это не самый лучший рецепт для возвращения в строй такого выдающегося гроссмейстера, каким некогда был Фишер.

Шахматы — многотрудная и постоянно совершенствующаяся игра. Достаточно всего на год выйти из активной формы, и потом как нелегко вернуться в строй сильнейших. А ведь Бобби Фишер уже десять лет не играет в шахматы. Став добровольным затворником Пасадины, он растратил свой талант, и я не ошибусь, если скажу, что его возвращение в шахматы, увы, нереально. Я же только приветствовал бы появление Фишера за шахматной доской. Когда мы с ним виделись в Токио и обговаривали условия нашего поединка, я все же надеялся, что любовь Фишера к шахматам победит необузданность его характера. Увы, к сожалению, этого не произошло.

— Вы говорили о росте популярности шахмат в мире. Однако, как свидетельствует всезнающая статистика, среди почти двухсот действующих гроссмейстеров-мужчин и свыше тридцати женщин нет ни одного представителя из Страны восходящего солнца. Как, по-вашему, Анатолий Евгеньевич, в чем секрет этого загадочного явления?

— Думаю, объяснение этому следует искать в чрезвычайной приверженности японцев к своей национальной игре го (в переводе означает «государство» или «войско за стеной»). — В. З.), которая, как писал Эммануил Ласкер, простотой своих правил превосходит

¹ № 10 за 1982 год.

[illegible]

ПЕРВАЯ ЗИМА

Владельцами автомобилей становятся и те, кто ежедневно связан с техникой, и, наоборот, люди, далекие от нее в своих повседневных делах. По-разному складываются их отношения с машиной. Не сразу постигаются тонкости ухода за ней, основы водительской науки, премудрости дорожной грамоты.

Особенно тяжело приходится тем, кто делает лишь первые шаги в автомобильном мире. Редакция «Огонька» решила в какой-то мере разделить с начинающими автолюбителями тяготы новых для них забот. Не претендуя на соревнование со специальными изданиями, рассчитанными на многоопытного и подготовленного читателя, мы постараемся помочь молодым автомобилистам спланировать расходы на содержание машин и время на уход за ними; рассказать о необходимых для самообслуживания навыках и приспособлениях; сделать общение с техникой безопасным и полезным. Попутно мы будем знакомить читателей с интересными событиями, происходящими вокруг автомобиля у нас в стране и за рубежом.

Редакция надеется, что читатели журнала в своих письмах расскажут о проблемах, которые волнуют их, о том, чему бы они хотели научиться с помощью огоньковских консультантов.

Открывает наш клуб специалист автомобильного дела, много лет посвятивший исследовательской и конструкторской работе в автомобильной промышленности, рекордсмен СССР по автомобильному спорту Н. РАЗИНЧЕВ, ныне заведующий отделом эксплуатации и сервиса в журнале «За рулем».

Фото И. Гаврилова

А вот так «хранить» автомобиль зимой все же не следует.

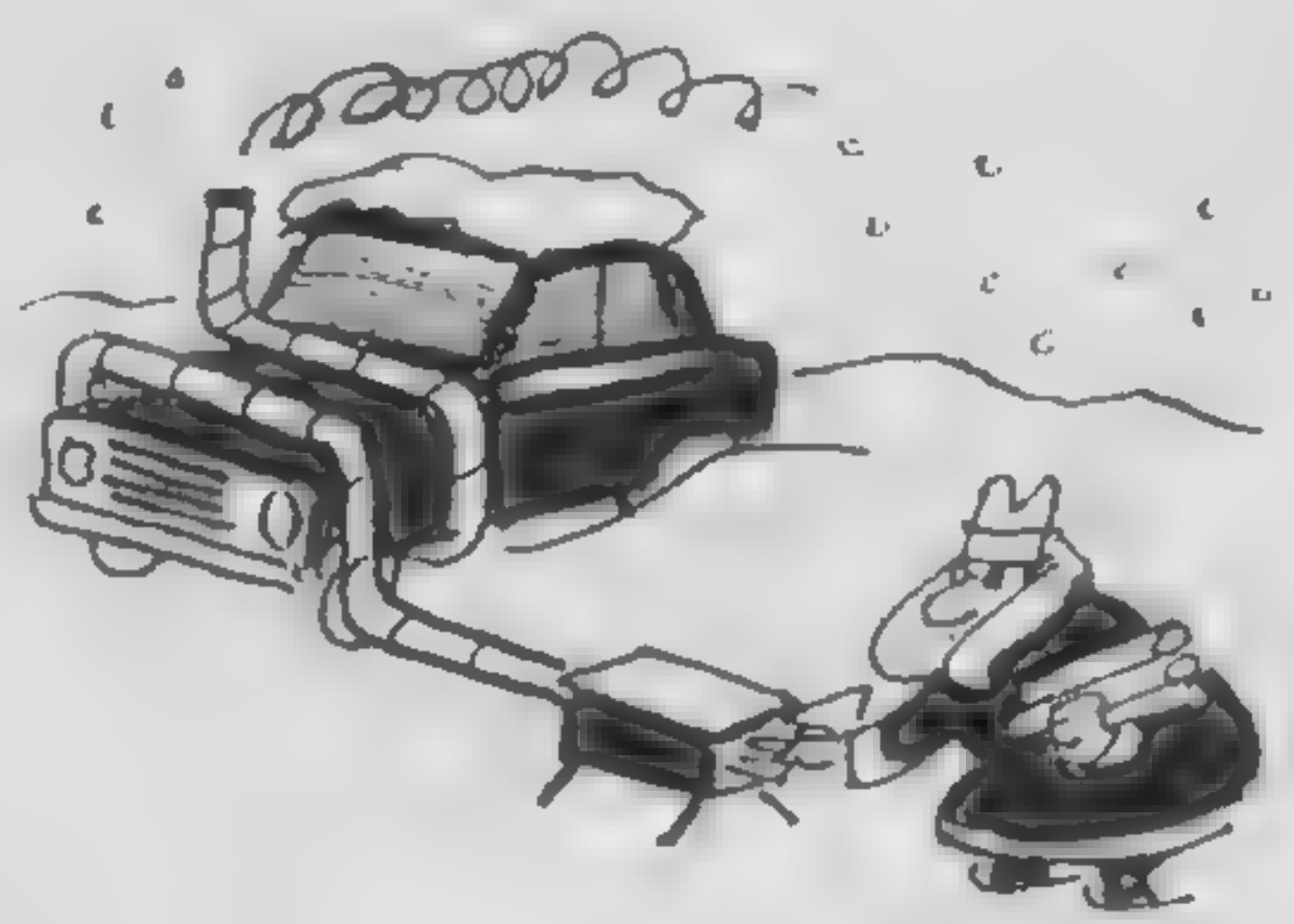
Как правило, для водителя-новичка подготовка машины к первой зиме ограничивается покупкой нескольких наиболее важных, с его точки зрения, аксессуаров и беседами со знакомыми, уже прошедшими школу снега и мороза. У тех, кто для начала приобрел старенькую машину, к зиме часто остаются незавершенными хлопоты по ее обновлению, и она до весны живет под чехлом. С новой машиной проблемы иные. Состояние ее владельца напоминает ощущения сидящего на двух стульях. С одной стороны, хочется наездить как можно больше из двадцати тысяч гарантийных километров; с другой — отсутствие опыта и естественное опасение повредить машину на скользкой дороге заставляют автомобилиста воздерживаться от поездок.

В мягкую зиму, когда морозы невелики и часто сменяются оттепелями, желание посидеть за рулем берет свое. А несколько удачных выездов вселяют уверенность и надежду на возможность без приключений провести с машиной и остаток зимы. Так и должно быть, но важно не упустить тот момент, когда уверенность исподволь переходит в самоуверенность, а здоровое чувство самосохранения вдруг уступает место недопустимому за рулем азарту. Нет ничего опаснее для автомобилиста с любым опы-

том, чем эти два пагубных чувства — самоуверенность и азарт. И тем они страшнее, чем меньше времени прошло от последнего экзамена в автошколе до появления этих чувств в душе водителя.

Водить машину зимой трудно и, без преувеличения, рискованно. Тем более, когда эта зима — первая в жизни автомобилиста. Однако хорошо скалькулированный риск называют смелостью. Мысль эта принадлежит не мне, но я бы добавил, что для хорошей калькуляции нужно знать, как ведет себя машина на скользком покрытии, что можно и чего нельзя делать за рулем. Не менее важно отчетливо представлять себе экономическую сторону зимней эксплуатации автомобиля, чтобы правильно составить семейный бюджет и не разочароваться в целесообразности своей дорогостоящей покупки.

Зимние поездки на автомобиле обходятся дорожке летних. На один и тот же маршрут в холодную пору уходит и значительно больше времени. Причин этому много. Труднее пустить двигатель: он дольше прогревается до рабочей температуры; колеса хуже держатся за дорогу, и скорость от этого гораздо ниже. Как только красный спиртовой столбик в уличном термометре за окном опустится ниже нуля градусов, автомобилист замечает, что

его маршрут все чаще проходит мимо бензоколонок. Здесь существует прямая и очень строгая зависимость: чем крепче мороз, тем скорее опустошается бензобак в машине.

Начало всем «сверхрасходам» дает утренний запуск промороженного мотора. Чтобы приготовить нормальную, способную воспламениться от искры смесь из воздуха и плохо испаряющегося на холоде бензина, приходится подавать в двигатель большее количество топлива. Не всегда при этом мотор пускается с первой попытки, и часть бензина просто вылетает в выхлопную трубу. Ни в какое другое время года вокруг только что заработавшего и прогревающегося автомобиля так сильно не пахнет несгоревшим бензином, как зимой. Для владельца машины это деньги, потраченные без единого километра пути, а для всех нас — пример активного загрязнения воздуха токсичными веществами. Пока двигатель прогреется, около литра бензина перекочет из бака в карбюратор и выхлопную трубу.

Самые дорогостоящие для автомобилиста — начальные километры зимней поездки. Машина, которая в нормальном, прогретом состоянии на сто километров пути расходует 7—8 литров бензина, в двадцатиградусный мороз, отправляясь в дорогу после

ЭХО МОСКОВСКИХ ВЫСТАВОК

ПОДОГРЕВАТЕЛЬ ДЛЯ СИДЕНЬЯ

Даже добротные чехлы не спасают порой человека в машине от холода на промерзших сиденьях. Вот и приходится дома изобретать всякие теплые коврики, подстилки... Несложное и эффективное решение проблемы предлагает финская фирма НОКИА, хорошо известная в СССР благодаря многолетнему и плодотворному сотрудничеству с внешне-торговыми объединениями «Разноимпорт», «Внешпосылторг». На одной из выставок, проходивших в Москве, НОКИА познакомила специалистов автодела с электрическим подогревателем для сиденья.

Расположенная под чехлом сетка из поливинилхлорида со встроенной внутри

алюминиевой пленкой включена в систему электрооборудования автомобиля. Мощность нагревательного элемента 58 ватт. Он рассчитан на два типа напряжения: 12 и 24 вольта. Достаточно включить тумблер, чтобы подогреть водитель или пассажира от промерзшего зимой сиденья. Температура его наружной поверхности поддерживается автоматически. Включается подогреватель при +12°С, а выключается при +28,5°С.

Наверное, и для нашей промышленности изобрести нечто подобное не составит особого труда. А для миллионов водителей (и не только автолюбителей!), ежедневно в холода сажающихся за руль автомобилей, такие подогреватели сидений просто необходимы. Может быть, задумаются об этом в министерствах легкой и электротехнической промышленности?

САМАЯ СОВРЕМЕННАЯ ПЕРЕДАЧА

На одной из моделей «Жигулей» (ВАЗ-2105) впервые в практике нашего автостроения для привода газораспределительного механизма применен плоскострубчатый ремень. Новинка пока не завоевала авторитета у водителей — распространилось даже мнение, что такой тип передачи в автомобилях вообще неудачен. Но на прошедшей в Москве выставке «Сельхозтрактор» итальянская фирма «Пирелли» продемонстрировала и резиновые приводные ремни для синхронных передач, широко применяемые за рубежом на тракторах, грузовых и легковых автомашинах.

ночной стоянки, становится просто «обжорой». Лаборатория дорожно-транспортного отдела при Государственном научно-исследовательском центре Финляндии провела специальные испытания, чтобы определить расход топлива малолитражным автомобилем после запуска двигателя при двадцатиградусном морозе. Результаты их поразительны.

На первом километре удельный расход бензина у холодной машины составил почти пятьдесят литров на сто километров, на втором — 40, на третьем — 30, на четвертом — 25... на десятом — 15. Конечно, если прогреть мотор до рабочей температуры на месте, начальные километры «съедят» меньше бензина.

Как ни старайся, но короткие зимние выезды — ведь именно таковы маршруты до работы и обратно у большинства горожан — чрезвычайно невыгодны. Расход топлива на них вдвое превышает обычную эксплуатационную норму. И дело здесь не только в холодном моторе. Даже прогретому двигателю тяжело вращать шестерни и валы в густом застывшем масле коробки передач и заднего моста; трудно сдвинуть и раскрутить замерзшую смазку в подшипниках; сильно сопротивляются качению застывшие покрышки. Да и сама зимняя дорога, как правило, далека от идеала: то ледяные кочки, то снежная «каша», требующая пониженной передачи в коробке и высоких оборотов у мотора.

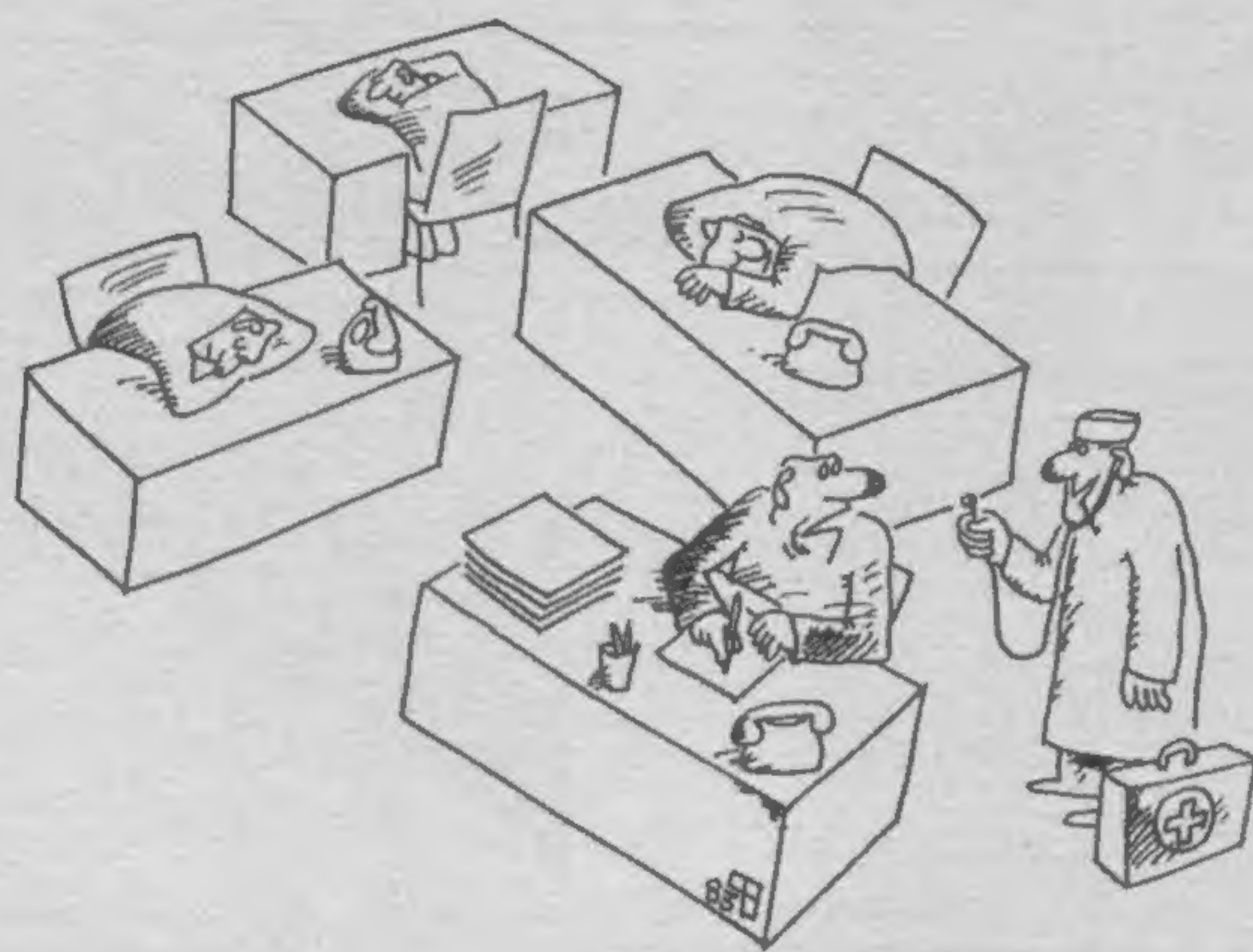
Запуски холодного двигателя требуют высокой отдачи энергии от аккумулятора. Несколько неудачных стартовых попыток могут серьезно подорвать «здоровье» батареи, а в короткой поездке да еще с включенными отопителем и наружным освещением генератор, конечно же, не сможет его поправить. Поэтому если уж ездить зимой, то обязательно раз в неделю аккумулятор надо забирать домой и заряжать.

Чтобы двигатель не так скоро остывал во время дневных стоянок и остановок, полезно утеплить моторный отсек и спереди, закрыв специальным чехлом решетку радиатора, и сверху, как это сделано на внутренней стороне капотов дорогих моделей ВАЗ и АЗЛК. Чем дольше двигатель будет оставаться теплым, тем меньше топлива он будет расходовать. Не менее важно и то, что аккумулятор будет «стыдаться» в тепле.

Плоскозубчатые ремни «Пирелли-Изоран» составлены из трех основных элементов: прочного и нерастяжимого каркаса из стеклокордного шнура, бензомаслостойкой зубчатой ленты из хлоропренового эластомера и нейлонового покрытия внутренней поверхности зубьев.

Такая передача благодаря точности соединения вращающихся шкивов соединяет в себе качества цепной или шестеренчатой, не нуждается в смазке, бесшумна, легка и не создает дополнительной нагрузки на подшипники.

Очень убедительные характеристики! Наверное, владельцам наших «Жигулей»-«пятерок» не следует скептически относиться к техническому новшеству, полезнее обратить внимание на тщательную регулировку механизма натяжения ремня, в которой он периодически нуждается.

— Давно жалуетесь на бессонницу?
Рисунок В. ФЕДОРОВА.

Челябинск.

Среди «моржей».

Рисунок В. ТАМАЕВА.

Рисунок В. ВЛADOVA.

Рисунок В. ВОЕВОДИНА.

Разы

Какая женщина не отдаст голову на отсечение за модную прическу!

Может ли быть любовь с первого взгляда? Это как посмотреть.

В материю вложить душу может только женщина.

Мужчины в наш век еще имеют в семье решающий голос, но уже только внутренний.

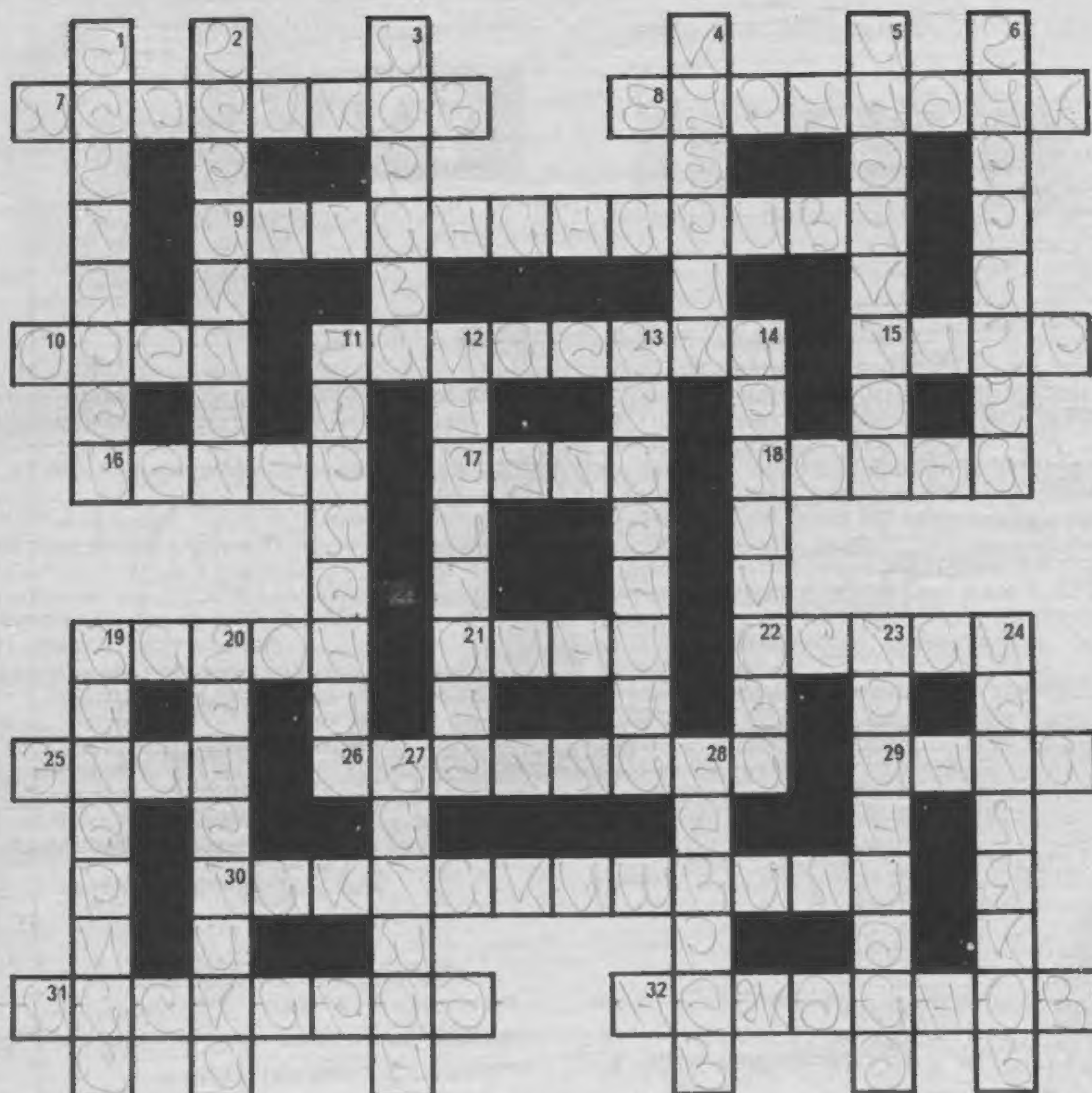
— Сколько времени продолжается вечная любовь?
— А вы зайдите через медовый месяц.

Объявление: «Ищу единственную и неповторимую. Возможны варианты».

Истина — в жене!

Евгений СВИСТУНОВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Маршал Советского Союза. 8. Пушной зверек. 9. Столица Мадагаскара. 10. Экваториальное созвездие. 11. Приток Волги. 15. Хищное животное. 16. Движение воздуха. 17. Южное пряное и лекарственное растение. 18. Отрезок прямой, соединяющей две точки кривой. 19. Железнодорожное транспортное средство. 22. Писатель, основоположник таджикской советской литературы. 24. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 25. Углерод, бесцветный газ. 26. Баллада В. А. Жуковского. 29. Город в Коми АССР. 30. Композитор, народный артист СССР. 31. Драма М. Ю. Лермонтова. 32. Персонаж романа И. С. Тургенева «Новь».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Конструктор стрелкового оружия, Герой Социалистического Труда. 2. Древнегреческий философ. 3. Река в Югославии. 4. Жилое помещение для команды судна. 5. Магнито-электрическая машина. 6. Монгольский космонавт. 11. Литовский живописец и композитор. 12. Опера В. Беллини. 13. Картина К. П. Брюллова. 14. Певца, лауреат Ленинской премии. 19. Прибор для проверки горизонтальности. 20. Наука о законах наследственности. 23. Остров в Вест-Индии. 24. Советский авиаконструктор. 27. Бумага для черчения и рисования. 28. Живописец-передвижник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Писаренко. 6. Непа. 7. Инсар. 8. Тани. 10. Пика. 12. Трал. 14. Гидрант. 16. «Саламбо». 17. Юрченко. 19. Кафедра. 22. Неон. 24. Барн. 25. Анис. 26. Аргон. 27. Край. 28. Свешников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Прага. 2. Сливки. 3. Рессора. 4. Нарзан. 5. Онтет. 6. Наперстянка. 9. Кулаковский. 11. Крыльцо. 13. Разница. 14. Гамак. 15. Точка. 18. Телегин. 20. Атташе. 21. Рудник. 23. Насос. 24. Быков.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

М. Соколов, В. И. ЛЕНИН.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Изделия из соломы, керамики, шерсти, народные костюмы и многие другие произведения народных художников бережно хранятся в Музее белорусского народного искусства. (См. в номере материал «Дзякуем!».)
Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 2.01.84. Подписано к печати 17.01.84. А 00306. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 258. Заказ № 1858.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В лесу после снегопада.

В
снегах...

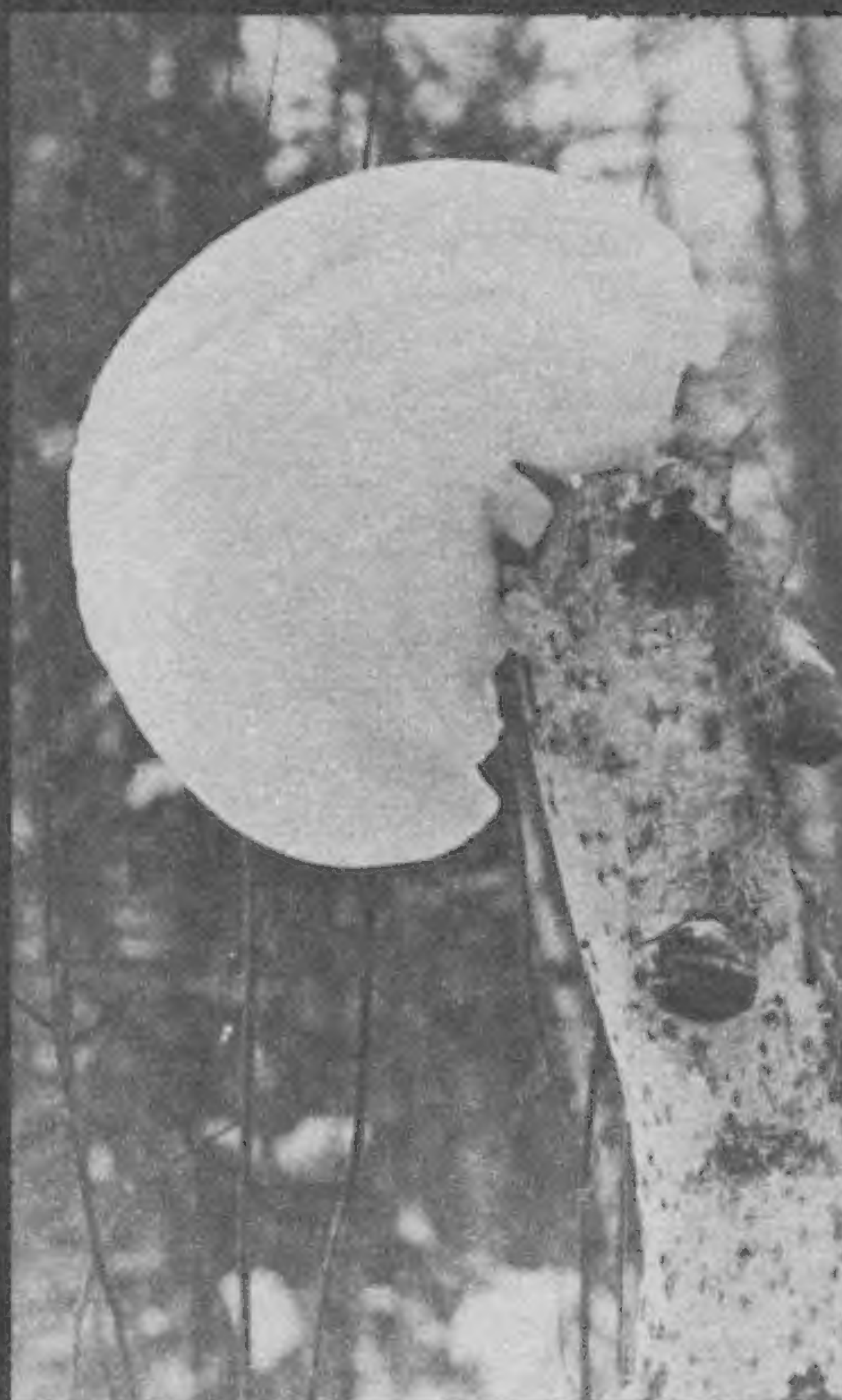
Фото М. САВИНА

После метели.

Солнце на лето, зима на мороз.

И шапка набекрень.

— Нам это
привычно,
мы не видели
зеленой травы.

— Пустите погреться!

Горячий снег.

ISSN 0131-0097

Индекс 70663

Цена номера 40 коп.

